

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсеева
« _____ » _____ 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В АСПЕКТЕ
ВНУТРИРОССИЙСКОГО
ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант _____ Л.О. Полежаева
Научный руководитель _____ докт. филол. наук,
профессор
И.В. Башкова

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК АКТОРА ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ	9
1.1. Язык и идеология: аспекты взаимодействия	10
1.2. Информационно-политическое противостояние как объект исследования	19
1.3. Языковая личность: определение, аспекты изучения, структура	30
1.4. Идеологический ключ как критерий анализа языковой личности	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	46
ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В АСПЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ	50
2.1. Языковая личность Захара Прилепина.....	50
2.1.1. Контрманипулятивные стратегии и тактики	70
2.1.2. Концептуальная метафора как средство иррационального воздействия на адресата.....	104
2.1.3. Лексико-семантические особенности дискурса	111
2.1.4. Дихотомия «свой» – «чужой» и ее языковая репрезентация.....	1176
2.2. Языковая личность Дмитрия Быкова	132
2.2.1. Манипулятивные стратегии и тактики.....	139
2.2.2. Концептуальная метафора как способ иррационального воздействия на адресата.....	155
2.2.3. Лексико-семантические особенности дискурса	166
2.2.4 Дихотомия «свой» – «чужой» и ее языковая репрезентация	172
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	195

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено на стыке нескольких научных направлений: лингвоперсонологии, политической лингвистики и переживающей этап становления лингвистики информационно-психологической войны (далее – ИПВ). Ядром интеграции является одно из ключевых понятий антропоцентрической парадигмы – языковая личность, которая, с одной стороны, рассматривается как актор информационно-психологической войны, а с другой, как носитель вербально-семантических, когнитивных и мотивационных особенностей.

Вопросы изучения языковой личности (далее – ЯЛ) занимают значительное место в проблематике современной лингвистики. Однако, как отмечают исследователи, само понятие «языковая личность» до сих пор не является однозначно определенным, что связано со сложностью и многоуровневостью данного понятия. Зарождение понятия ЯЛ относят к XIX веку. Именно тогда В. Фон Гумбольдт рассмотрел язык как феномен человеческого рассудка [Гумбольдт, 2000], а лейпцигские лингвисты Г. Остгоф и К. Бругман, настаивая на эмпиризме в языковедении, аргументировали это тем, что ученые достаточно долго «с исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало – говорящего человека» [Остгоф, Бругман, 1964: 187; Цит. по Лутовина, 2017: 83]. Таким образом, осознание учеными социальной сущности языка и определение человека краеугольным объектом научного познания привели к постепенной замене системно-структурной парадигмы на антропоцентрическую. Это, в свою очередь, спровоцировало повышение интереса к анализу многокомпонентного феномена языковой личности, что вылилось к середине 1990-х годов в формирование отдельной дисциплины – лингвистической персонологии, которая занимается всесторонним исследованием личности в языке.

Сегодня лингвоперсонология переживает трансформационные процессы. Так, например, отпочковывается русская семантическая

персонология, в рамках которой объект исследования сужается, а внимание учёного-лингвиста сконцентрировано на одном уровне языковой личности – вербально-семантическом, который рассматривается как «особым образом организованная совокупность языковых и речевых единиц: морфем, слов, лексико-семантических вариантов, лексем, синтаксем, словосочетаний, предложений, высказываний. Отличительная особенность единиц этого уровня в том, что все они являются знаками – обладают формой и значением» [Башкова, 2018]. Или же, например, на пересечении лингвоперсонологии и политической лингвистики выделяется синкретичное направление – лингвополитическая персонология, имеющая специфический объект – языковую личность политика [Чудинов, Нахимова, Никифорова, 2018].

Актуальность предпринятого исследования обусловлена, во-первых, его включенностью в когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистического знания. Во-вторых, магистерское исследование затрагивает такие актуальные проблемы в языкознании, как проблема соотношения языка и личности, а также языка и идеологии. В-третьих, в фокусе лингвистического анализа находятся языковые личности двух крупнейших писателей XXI века Захара Прилепина и Дмитрия Быкова. Они оба активно занимаются речетворческой деятельностью, результаты которой транслируются на массовую аудиторию. Вместе с тем идеологические воззрения и политические убеждения этих языковых личностей различны, что становится поводом конфликта интересов, а следовательно, развертывает поле для использования языковых средств информационно-политического противоборства, что ведет к разжиганию внутрироссийской информационно-психологической войны. Все это дает уникальный материал для сопоставления и обуславливает актуальность исследования.

Включение проблематики политической лингвистики в область антропоцентрического языкознания и то, что речетворчество языковой личности рассматривается в контексте лингвистики ИПВ, обуславливает **новизну** данного исследования. Кроме этого, о новизне исследования

свидетельствует и то, что для определения того, как актуализируются единицы лингвистики ИПВ в дискурсе языковой личности, в диссертации предлагается рассмотреть новую категорию семантики – «идеологический ключ».

Цель данной работы – выявить лингвистические средства ведения ИПВ, которые используют Захар Прилепин и Дмитрий Быков, а также охарактеризовать языковые личности писателей.

Для достижения данной цели были сформулированы следующие **задачи**:

- 1) проанализировать существующие в современной лингвистике подходы к исследованию языковой личности;
- 2) изучить литературу о лингвистике информационно-психологической войны;
- 3) обосновать необходимость учета при анализе языковой личности такой категории семантики, как «идеологический ключ»;
- 4) охарактеризовать языковые личности писателей З. Прилепина и Д. Быкова с позиций лингвистики информационно-психологической войны;
- 5) определить роль языковых личностей писателей в формировании внутрироссийского информационно-психологического противостояния.

Объектом данного исследования является речетворческая деятельность языковых личностей выбранных для анализа писателей – Дмитрия Быкова и Захара Прилепина. **Предмет** – особенности речевого поведения, а также языковые средства, которыми они оперируют.

Материалом исследования послужили тексты публицистического дискурса писателей, взятые в период с 2017 по 2020 гг.: передачи авторской программы Захара Прилепина «Уроки русского» на телеканале НТВ и авторской программы Дмитрия Быкова «Один» на радио «Эхо Москвы»; аналитические статьи, авторские колонки, сатирические журналистские произведения, опубликованные в «Свободной Прессе» (в случае З. Прилепина), а также в «Собеседнике» и «Новой газете» (в случае Д. Быкова); личные блоги, публичные выступления и интервью обоих авторов.

Теоретико-методологическую базу составляют лингвистические исследования, посвященные проблеме языковой личности. В частности, были изучены фундаментальные работы по теории ЯЛ [Богин, 1984; Карасик, 2002, 2007; Караулов, 1989, 1997; Иванцова, 2010], а также те, в которых проанализированы особенности вербально-семантического уровня ЯЛ [Башкова, 2018]. Кроме этого, в основе магистерской диссертации лежат труды исследователей, работавших в русле политической лингвистики [Будаев, 2006, 2009; Чудинов, 2001, 2003, 2013], а также лингвистики информационно-психологической войны [Копнина, 2015, 2016, 2019; Синельникова, 2014; Сквородников, 2017, 2019].

Методика исследования комплексная. На этапе сбора эмпирического материала были использованы методы сплошной выборки и аналитического чтения; на основном этапе сочетание семантико-стилистического, коммуникативного и контекстологического методов позволило более детально реконструировать ЯЛ писателей и описать «идеологический ключ» их текстов, а метод дискурсивного анализа – установить наличие между ними идеологического противоборства, заключающегося в разности политических взглядов и полномасштабно развернутого в информационно-медийном пространстве; на заключительном этапе при помощи методов сопоставительного анализа и лингвистического описания были конкретизированы особенности реализации информационно-политического противостояния между ЯЛ, а также названы особенности их вербально-семантического, тезаурусного и мотивационного уровней в контексте реализации ими данного противостояния.

Теоретическая значимость работы объясняется попыткой включить характеристику ЯЛ в проблематику нового, находящегося в процессе становления, направления – лингвистики ИПВ.

Практическая ценность исследования: результаты и выводы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе филологов, журналистов, политологов, социологов, специалистов в области

ИПВ. Более того, материал исследования может быть использован для противодействия информационно-психологическому манипулятивному влиянию.

Апробация работы. Промежуточные результаты исследования были представлены на Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» 24 апреля 2019 г. (Диплом I степени) и Всероссийской научной конференции «Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс» 15–16 мая 2020 г.

Структура работы. Диссертация содержит введение, две главы: теоретическую и практическую, заключение и список использованных источников. В первой главе «Теоретико-методологические основы изучения языковой личности как актора информационно-политического противостояния» рассмотрены общенаучные представления о взаимодействии двух архиважных социальных феноменов – языка и идеологии, так как именно они служат почвой для интеграции в рамках данного магистерского исследования разных направлений русистики: лингвоперсонологии, политической лингвистики и лингвистики ИПВ. Ядром же интеграции становится человек, поэтому особое внимание уделено изучению теории ЯЛ. Кроме этого, рассмотрено информационно-политическое противостояние как объект исследования, а также разработана гипотеза идеологического ключа как новой категории семантики.

Во второй главе «Исследование языковой личности писателя в аспекте информационно-политического противостояния» представлен развернутый анализ тактик и стратегий речевого поведения ЯЛ Дмитрия Быкова и Захара Прилепина, языковых и стилистических особенностей их текстов, а также реализация в публицистических дискурсах писателей бинарной оппозиции «свой – чужие». В выводах к главе представлена сравнительная таблица двух ЯЛ, выдвинуты основания для констатации наличия между писателями

информационного противостояния, основанного на разности их идеологических и политических взглядов.

В заключении подводятся общие итоги проведенного исследования, а также намечаются вектор и перспективы дальнейшего изучения данной темы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК АКТОРА ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

1.1. Язык и идеология: аспекты взаимодействия

Данное магистерское исследование посвящено изучению языковой личности писателя в аспекте внутрироссийского информационно-политического противостояния и лежит на пересечении лингвистической персонологии, политической лингвистики и лингвистики информационно-психологической войны. И прежде чем перейти к основным для работы понятиям, рассмотрим то, что является собой почву для схождения этих направлений – взаимодействие таких социальных феноменов, как язык и идеология.

В настоящем исследовании речь пойдет о политической идеологии, которая в наиболее обобщенном виде определяется как «набор убеждений о правильном устройстве общества и о том, как это устройство может быть достигнуто» [Erikson; цит. по Мусихин, 2013: 7] и считается одним из наиболее «устойчивых и суггестивных концептов современной общественно-политической мысли» [Minar, 1961: 317; Минар, 1961:317].

В классическом понимании идеология (от греч. ‘*idea*’ – *идея* и ‘*logos*’ – *учение*) – это форма коллективного сознания, «относительно систематизированная совокупность идей, ценностей и представлений, которые обусловлены положением, интересами и устремлениями определенных групп и общностей людей, выступают по форме или по существу как выражение интересов и устремлений всего общества и служат в качестве инструмента коллективного социального действия [Матц, 1992: 130]. Доктор политических наук Г. И. Мусихин признает идеологию одной из значимых структур познания, рассматривает ее как когнитивный механизм, порождающий политическое мировоззрение, и изучает развитие идеологий в

историческом контексте [Мусихин, 2012: 134]. Он пишет, что идеология – это «реальность, выраженная посредством языка» [Мусихин, 2012: 139].

Несмотря на то, что «идеология является одним из самых критикуемых в политической науке и политической публицистике понятий» [Мусихин, 2013: 14], нет сомнений в необходимости комплексного анализа этого явления, потому что идеология чрезвычайно важна для понимания происходящих в обществе процессов. Понять идеологию – значит расшифровать думы, занимающие головы как всех членов общества в совокупности, так и каждого человека, взятого в отдельности. Как пишет Аннабель Лукин, многочисленные исследования идеологии в конечном итоге сводятся к ответу на один-единственный философский вопрос: что значит быть человеком? [Lukin, 2019: 9].

Иллюстрацию этого тезиса можно найти в трудах профессора Дж. Вершурена. Он рассказывает, что, например, в учебнике общей истории 1902 года «*Histoire Generale*», который был широко распространен в школах Франции в начале XX века, во введении встречается такое утверждение: «*A cote de ces oeuvres de la politique et de la guerre, nous avons mis les oeuvres de la paix: industrie, commerce, colonization du monde*» [Verschueren, 2012: 209], что в переводе означает следующее: «После исследований, посвященных политике и войне, мы поместили работы о жизни в мирное время: о промышленности, торговле и колонизации мира». Сегодня эта фраза звучит, скорее, сомнительно, и помещение процесса колонизации в ряд «мирных» исторических процессов воспринимается нами с долей скептицизма и даже иронии. Но сам факт наличия этого утверждения в официальном учебнике начала XX века позволяет сделать вывод, что для школьников того времени такое восприятие колонизации мира было нормой – частью идеологии. И это совершенно не значит, что процесс колонизации тогда идеализировался. Дж. Вершурен приводит пример того, как в этом же учебнике с исторической точностью отражены процессы завоевания новых земель, подчас кровопролитные и жестокие. Однако в общем и целом в начале XX века в

Европе процесс колонизации понимался как естественный и, что не маловажно, мирный. И это – наглядный пример того, как работает идеология, считает профессор [Там же].

Профессор Дж. Вершурен отмечает, что идеология не суть нечто, несущее негатив. Нет способа избежать идеологии, потому что человек не может жить без того, что он воспринимает как само собой разумеющееся [Verschueren, 2012: 7]. Под идеологией ученый понимает любой «базовый паттерн смысла» или «систему интерпретаций», при помощи которых происходит процесс восприятия реальности, особенно в области социальных взаимоотношений в публичной сфере. Эти «базовые паттерны» воспринимаются человеком как нечто соответствующее здравому смыслу, само собой разумеющееся, функционирующее «нормативно». Это проявляется в том, что индивид обычно не задает вопросы по отношению ко всему, что покрывают собой эти паттерны. В этом заключается природа идеологического значения: заданное идеологией, оно часто считывается на глубинном, некритическом уровне. Из-за своей «общепринятости» и «нормативности» идеология может быть крайне устойчива и невосприимчива к опыту и рациональным наблюдениям [Там же: 7–10].

Стоит отметить, что Дж. Вершурен, говоря о «нормативности» идеологий, не имеет в виду тотальное доминирование в обществе одних идеологий над другими. В понятии «нормативности» речь идет, скорее, о «генеральности» какой-либо конкретной парадигмы на фоне всех остальных идей. Он отмечает, что в обществе может существовать неограниченное число субсообществ и подгрупп, живущих в сонастройке со своими собственными убеждениями, верами и идеологиями. При этом, несмотря на малочисленность этих субсообществ и маргинальность их идеологии, в их рамках формируется собственная форма нормативности, которая воспринимается всеми членами этой подгруппы. «Нормативность» в его определении не означает подавление остальных меньших идеологий [Там же: 8].

В свою очередь, Р. Хасан описывает идеологию как «упорядоченную разновидность в конstellации семантических признаков» [Hasan; цит. по Lukin, 2019: 10] и утверждает, что идеологии создают «семантические кластеры». Такие кластеры имеют ядро, в котором некоторая семантическая особенность «действует как стержень, притягивая другие семантические черты». Основанное на контекстуальных пресуппозициях ядро притягивает только определенные лексико-грамматические и семантические особенности, при этом оставляя паттерны других идеологий на расстоянии [Там же]. Далее А. Лукин пишет, что «это видно даже из слова “война”, которое само по себе действует как сильный лексический и семантический узел. Этот узел имеет контекстуальные предпосылки, которые устанавливают, что семантически соотносимо с войной, а что нет» [Lukin, 2019: 10].

Принципы, изложенные в работах Дж. Вершурена и Р. Хасан, имеют решающее значение для настоящего исследования и определяют его методологические особенности. Если идеология – это нечто само собой разумеющееся, выраженное имплицитно и воспринимаемое членами данного сообщества естественно и без вопросов [Verschueren, 2012], то задачей исследователя становится постановка вопросов там, где, казалось бы, все и так понятно. В особенности эти вопросы должны касаться неочевидных значений и глубинных смыслов, вследствие чего методология семантики приобретает первостепенное значение.

В течение долгого времени идеология (и ее роль в ведении войны) была предметом интереса в гуманитаристике. Так, например, группа исследователей, в число которых входил и известный когнитивист П. Чилтон, анализировала развернувшиеся в середине 1980-х годов дебаты о ядерном оружии. В это же время Н. Хомский и Э. Херман в бестселлере «Производство согласия. Политическая экономия массмедиа» [Herman, Chomsky, 1988] рассматривали дискурс, связанный с войнами во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, хотя и в отрыве от лингвистики и ее инструментов. Еще один выдающийся американский лингвист Джордж Лакофф привлек свою концептуальную

теорию метафор для объяснения «системы метафор», используемой для оправдания Первой войны в Персидском заливе [Lakoff; цит. по Lukin, 2019: 8]. Кроме этого, ученые, работающие в рамках критической лингвистической традиции и критического дискурс-анализа, с 1970-х годов использовали различные языковые парадигмы для изучения силы языка.

Можно увидеть, что одним из наиболее эффективных инструментов изучения идеологии ученые, на чьи труды мы опираемся, называют язык. Он является неотъемлемой частью человеческого бытия, продуктом человеческого существования и совместной жизни людей на протяжении многих тысячелетий. Язык, как заметил британский лингвист Дж. Р. Ферт, является нервной системой общества [Fert; цит. по Lukin, 2019: 7]. Именно поэтому изучение языка в контексте его отношений с феноменом идеологии приобретает критическую значимость.

В отечественной лингвистике проблема взаимоотношений языка и идеологии изучалась с ростом интереса к семиотике и философии языка. Продвигалась идея того, что язык – своего рода идеология. Так, В. В. Бурсевич отмечал заслуги В. фон Гумбольдта и создателей гипотезы лингвистической относительности: «язык способен не только быть пассивным отражателем социального бытия и мировоззрения группы, пользующейся им, но и активной силой. Это значит, что язык с его системой классификаций способен в определенной мере задавать картину реальности, а также особенности ее восприятия в том или ином сообществе» [Бурсевич, 2015: 8–11].

Ф. П. Сергеев пишет, что «язык является средством объективизации различных форм идеологии, ее распространения в обществе. От того, какая идеология является господствующей в том или ином государстве, во многом зависит языковая политика в этом государстве, которая может быть демократичной и антидемократичной» [Сергеев, 2012: 46]. Под демократичной понимается языковая сбалансированность языков республик наряду с государственным языком (в России – русский вместе с татарским,

удмуртским и др.), а под антидемократичной – господство одного государственного языка.

Лингвисты отмечают, что «ядром любой идеологии оказывается особый способ мысленного конструирования мира, проведение в нем границ между внутренними групповыми интересами и внешним пространством. Иными словами, идеология оказывается одним из механизмов поддержания и воспроизведения коллективной идентичности» [Бурсевич, 2015: 8–11]. В. В. Бурсевич упоминает Р. Барта, когда пишет об идеологии как особой знаковой системе, т.к. у них сходная коннотативная природа. Таким образом, идеология представляет собой «систему, план выражения которой сам является знаковой системой» [Барт, 2000: 297; цит. по Бурсевич, 2015: 9]. Из этого следует, что при конструировании мира с помощью языка, конструируется также идеология. «В рамках семиотической концепции идеология оказывается вторичной знаковой системой, где любой идеологический знак всегда образуется как надстройка смысла по отношению к первичному слою языка» [Бурсевич, 2015: 9].

Другие ученые, в свою очередь, придерживаются идеи о нейтральности языка по отношению к идеологии, которую, в частности, развивает, доктор философских наук Р. И. Зекрист. Разделяя этот общепринятый тезис, она, однако, считает, что идеология «эксплуатирует» язык для достижения своих целей: «индоктринация сознания посредством языка как ее средства обеспечивает власти возможность постоянного подчинения граждан – притом часто незаметного для последних, не прибегая к реальным репрессиям и физическому насилию и принуждению» [Зекрист, 2012: 66]. Она пишет, что язык может использоваться, во-первых, как средство выражения и утверждения идеологии, во-вторых, как средство воздействия на общественное сознание, в-третьих, как средство борьбы с враждебными данной идеологиями [Там же]. Для аргументации своей точки зрения автор апеллирует к работе французского психолога Сержа Московичи, который писал: «Во многих отношениях удивительно и малопонятно это

всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а от “магии” слов, от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются» [Московичи; цит. по Зекрист, 2012: 66].

Об этом же писал М. М. Бахтин: «Слово – идеологический феномен *par excellence*. Вся действительность слова растворяется в его функции быть знаком <...>. Слово чистейший и тончайший *medium* социального общения. Слово... – нейтрально к специфической, идеологической функции. Оно может нести любую идеологическую функцию...» [Волошинов (Бахтин), 1993:18–19].

На этом же стоит Рукая Хасан. Язык, утверждала она, в этом смысле безволен: он может служить любой идеологии. Будучи завербованным поджигателями войны много раз прежде, язык имеет долгую историю как невольный соучастник тех, кто защищает и рационализирует применение насилия [Hasan; цит по Lukin, 2019: 8].

Процесс присвоения языка идеологией описан, в частности, у П. Бурдье [Бурдье, 2005]. Описывая механизмы свершения революции и закрепления ее результатов, он в ряду прочих называет принудительное насаждение легитимного языка, очищенного от узусов, местного говора, лексики, связанной с дореволюционным строем. По Бурдье, путем таких лингвистических манипуляций происходит очищение общества от старых идей и навязывание новых, усовершенствованных смыслов. В контексте идеологии, язык – это не столько инструмент общения, сколько инструмент утверждения нового дискурса власти: новая социальная реальность не может быть описана в терминах свергнутого прошлого, необходим новый политический словарь. Борьба, разворачивающаяся на пространстве языка – это «борьба за символическую власть, и цель этой борьбы – формирование и реформирование ментальных структур» [Бурдье, 2005: 152–153].

Исследователь А. Лукин, добавим, обращает внимание на «двуликость» языка, обусловленную его способностью служить любой идеологии: «Язык достаточно велик, чтобы вместить два параллельных процесса: один, в

котором война не только узаконена, но даже прославляется и почитается, и другой, в котором насилие ненавидится, осуждается и наказывается. И как параллельные линии, эти два семантических процесса во всех точках равноудалены и никогда не сходятся. Или почти никогда» [Lukin, 2019: 10].

С. Малешевич объясняет эту способность языка «онтологическим диссонансом» человечества – глубинным противоречием между нашим коллективным отвращением к насилию и нашей зависимостью от него для поддержания социальной организации. «Современные идеологические нарративы, сформулированные на языке справедливости, равенства и братства и подкрепленные монополией на «правду», способны легитимировать то, что кажется невозможным: гильотину тысячи французских революционеров во имя человеческой свободы, миллионы советских рабочих в ГУЛАГ, ядерную бомбардировку в Японии во имя либеральной демократии, убийство тысяч собратьев-мусульман ради вселенского братства, как в современном Афганистане, Пакистане или Ираке. Хотя индивидуальная человеческая жизнь в принципе священна, никакая цена не слишком высока, когда на карту поставлены идеологические цели: убийство сотен тысяч людей становится «прискорбным», но приемлемым, когда речь идет о «защите демократии», «достижении или борьбы с коммунизмом», «установлении собственной суверенной и независимой нации», «создании этнически или расово чистого общества» [Malešević; цит. по Lukin, 2019: 9].

На сегодняшний день лингвистика разработала достаточно методов, позволяющих увидеть, как проявляется идеология в языке. Существует немало программ, позволяющих аналитикам определить лексическую частотность тех или иных языковых единиц, ключевые слова и их расположение в текстах, ведь «идеологическое воспроизведение требует настойчивого повторения одних и тех же лингвистических паттернов, и корпусная лингвистика позволяет выявить такие коллективные языковые модели, посредством которых формируются и поддерживаются привычки в общении и мышлении» [Lukin, 2009: 9]. Но языковые конструкты, порожденные идеологиями,

встречаются не только в ключевых словах и словосочетаниях. Чтобы вывести идеологические паттерны на свет, требуется тщательное внимание к сложному лексикографическому паттернированию, сплетенному в ансамбле «текст в контексте» и через него [Там же].

В попытке скрестить нескольких научных направлений мы сузили область поиска ответов до наименьшего показателя – до конкретной языковой личности. В качестве объекта исследования ЯЛ писателя была выбрана не случайно. В отличие от политического деятеля, непосредственного носителя и даже «хранителя» идеологии (по крайней мере, в публичном дискурсе), писатель волен интерпретировать и трактовать идеологию в соответствии со своим мировосприятием, он не так скован требованиями дискурса (политического или медийного), не имеет перед идеологией прямых обязанностей и более мобилен в плане трансформации точек зрения, лавирования между разными доктринаами и т.п. В то же время писатель по роду своей деятельности производит большое число текстов, анализ которых способен пролить свет на то, как преломляется идеология в контексте конкретной языковой личности. Более того, писатель – публичная личность, производимые им тексты являются продуктом потребления его целевой аудитории, для которой он является лидером мнений. Писатели имеют в обществе вес, их знают и читают, СМИ обращаются к писателям как к экспертам.

Материалом для анализа становится публичный дискурс двух авторов – Захара Прилепина и Дмитрия Быкова: их интервью, посты в блогах, статьи, опубликованные в разных изданиях. Главный вопрос, на который мы пытаемся найти ответ, звучит следующим образом: насколько идеологические доминанты, обусловленные принадлежностью человека к той или иной идеологии, проникают в его ментальные схемы и мировоззренческие установки и как это выражается в языке создаваемых им текстов. Так как в диссертации рассматриваются две ЯЛ, придерживающиеся противоположных

взглядов и убеждений, мы предполагаем, что они выступают в роли акторов внутрироссийского информационно-психологического противостояния.

1.2. Информационно-политическое противостояние как объект исследования

В конце XX века известный американский мыслитель Фрэнсис Фукуяма опубликовал статью «Конец истории?», имевшую небывалый резонанс как в научной среде, так и в прессе. Автор соотнес развитие истории с глубинными противоречиями, существующими на уровне идей, объединяющих широкие группы людей, или, другими словами, на уровне идеологий. В распаде Советского Союза и закате социализма он увидел победу либеральной демократии американского образца, а в глобальном утверждении либерально-демократического строя, к которому вскоре должен прийти мир, – финальную точку идеологической эволюции человечества. Тем самым он постулировал конец века идеологических противостояний – конец истории [Фукуяма, 1990: 84–114]. В трактовке истории человечества как противостояния идеологий и концепции «конца истории», который наступит в результате утверждения одной всеобщей доктрины, Фрэнсис Фукуяма не был новатором. Он опирался на учения таких мыслителей, как, например, Г.В. Гегель и К. Маркс.

Таким образом, мы видим, что идеологической борьбе в развитии общества всегда отводилась особая роль. С одной стороны, эта борьба произрастает из изначально конфликтогенного потенциала социума, а с другой, провоцирует социальные противоречия, приводящие к возникновению политических конфликтов [Цыбаков, 2009: 129]. В предыдущем параграфе мы рассмотрели взаимозависимость идеологии и языка. В настоящем параграфе, в свою очередь, рассмотрим подробнее, как в языке реализуется идеологическое противоборство.

Так как идеология «призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, объяснить, обосновать,

оправдать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях», а политика, в свою очередь, «представляет собой арену столкновения различных идеологических систем» [Гаджиев, 1995], языковая репрезентация идейного, идеологического и политического противостояния лежит в поле интересов особого направления лингвистики – политической лингвистики. Как отмечает доктор филологических наук Л. Н. Синельникова в научной статье, посвященной проблематике этого развивающегося внутри лингвистики научного направления, «именно лингвисты, реализуя принцип экспланаторности <...>, могут ответить на многие интересующие современное общество вопросы: как вербализуются тоталитарные или демократические идеологические установки, с помощью каких приемов (риторических, нейролингвистических) пропагандируются и внедряются в сознание граждан политические идеи, как устроены политические трансакции, проявляющие суггестивные, манипулятивные, номинативные, фатические, аттрактивные функции языка» [Синельникова, 2009: 44].

Стоит отметить, что возникшая на пересечении лингвистики и политологии политическая лингвистика относится к числу относительно новых для России наук, что, в частности, объясняет неопределенность ее статуса. В научной статье «Политическая лингвистика: наука – научное направление – симулякр» А. П. Чудинов приводит веские доводы в поддержку самостоятельности этого научного направления, такие как широкий методологический аппарат, публикационная активность, выпуск специализированных журналов, проведение научных конференций и др. [Чудинов, 2015: 130–131]. Вслед за лингвистом, мы признаем самодостаточность политической лингвистики и работаем в ее русле.

В развитии политической лингвистики выделяют 4 этапа. До выделения политической лингвистики как особого научного направления тексты политического характера рассматривались с позиций риторики и стилистики. Так, «соответствующие публикации носили преимущественно

“рецептурный”, восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер» [Будаев, Чудинов, 2006: 75–96].

Становление политической лингвистики пришлось на 20–50-е годы XX века. Первая мировая война, во время которой наблюдалось «беспрецедентное пропагандистское противостояние воюющих стран», обнажила значимость знаний о механизмах манипуляции общественным мнением [Будаев, Чудинов, 2006: 75–96]. В рамках этого периода лингвисты анализировали, как формируется общественное мнение, насколько эффективна политическая агитация и военная пропаганда. Наиболее известны работы таких деятелей, как У. Липпманн, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэлл.

Третий этап (60–80-е гг. XX века) посвящен изучению «коммуникативной практики в современных западных демократических государствах» и отличается более «изощренными» механизмами языковой манипуляции сознанием [Будаев, Чудинов, 2006: 75–96]. В рамках этого этапа «получили распространение исследования политической лексики, теории и практики политической аргументации, политической коммуникации в исторической перспективе, политических метафор и символов. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы, парламентских и президентских дебатах, в партийном дискурсе и др.» [Там же].

Четвертый современный этап характеризуется глобализацией политической лингвистики. Проблематикой политической коммуникации заинтересовались ученые самых разных стран Азии, Латинской Америки, а также постсоветских государств, которые после перестройки получили возможность открыто осваивать ранее недоступные по политическим причинам темы [Будаев, Чудинов, 2006: 75–96].

Сегодня политическая лингвистика переживает период бурного развития, что объясняется укреплением общественного интереса к условиям политической коммуникации, ее характерным особенностям и средствам реализации [Будаев, Чудинов, 2006, 2009; Синельникова, 2009]. Ее прикладная

значимость бесспорна и связана с тем, что исследования в области политической коммуникации способствуют разработке конкретных рекомендаций, которые могут быть применены политиками, журналистами, PR-специалистами в их профессиональной деятельности, а также всеми гражданами в условиях демократического общества с целью эффективного продуцирования и адекватного восприятия политических текстов.

Политическая лингвистика изучает политическую коммуникацию – «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2009: 6–7]. Принято считать, что основными функциями политической коммуникации являются реализация политической власти, борьба за власть как высшую социальную ценность, сохранение этой власти. Данную идею встречаем у Е. И. Шейгал: «Интенция борьбы за власть является определяющим признаком политического дискурса» [Шейгал, 2000: 128]. О. Н. Паршина, в свою очередь, разрабатывает систему коммуникативных стратегий убеждения, удержания власти, борьбы за власть и самопрезентации [Паршина, 2007]. А. П. Чудинов считает, что «политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании» [Чудинов, 2009: 7].

Таким образом, идеологическая борьба и интенция власти обуславливает наличие в обществе политического противостояния, которое в связи с развитием информационной культуры и телекоммуникационных технологий приобретает информационный характер и может перерасти в информационную войну. Причем, по мнению ученых, такие войны могут

представлять собой не меньшую угрозу, чем горячий вооруженный конфликт, поскольку полем битвы становятся умы людей, их ценностные установки и ориентиры.

Фокус настоящей магистерской диссертации направлен на определение роли языковой личности писателя в реализации внутрироссийского информационно-политического противостояния, поэтому стоит подробнее остановиться на теоретико-методологических основах лингвистики информационно-психологической войны – молодой дисциплины, которая развивается внутри политической лингвистики, в рамках которой рассматриваются термины и понятия, коммуникативные стратегии и тактики такого сложного социально-политического феномена, как информационно-психологическая война [Бернацкая, Евсеева, Коломгрова и др., 2017: 6]. Добавим, «Экология русского языка и лингвистика информационно-психологической войны» является ведущим научным направлением Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, где под редакцией А. П. Сквородникова ведется работа над коллективной монографией «Лингвистика информационно-психологической войны». На сегодняшний день изданы 2 книги, ведется работа над третьей частью монографии. В монографии представлены теоретические обоснования лингвистики ИПВ, настоящее диссертационное исследование во многом опирается на постулаты, изложенные в книге.

Актуальность проблематики ИПВ не вызывает сомнений. ИПВ не только является объектом анализа целого спектра гуманитарных наук, но и становится поводом для дискуссий в публицистическом дискурсе, на страницах прессы и экранах телевизоров, в выступлениях общественных и политических деятелей, лидеров мнений и журналистов.

Несмотря на возрастающий в геометрической прогрессии интерес к этому явлению, ученые не пришли к его единому определению. С одной стороны, комплексность и многоаспектность явления, которое включает в себя все, что связано с информационным противоборством, делает ИПВ объектом

анализа разных наук (под разным углом ее рассматривают, например, в рамках философии, политологии, психологии, лингвистики). С другой стороны, в научной и учебной литературе наблюдается терминологический разнобой, когда синонимами термина ИПВ становятся такие термины, как «психологическая война» [Волкогонов, 1983; Крысько, 1999] или «информационная война» [Василенко, 2010; Михальченко, 1998; Растворгувєв, 2003]. Термин «информационная война», в свою очередь, может соотноситься с такими терминами, как «информационное противостояние», «информационное противоборство», «информационная борьба». Более того, в разных источниках эти термины могут покрывать более или менее широкий/узкий денотат, вступать в разнообразные родовидовые отношения друг с другом или синонимизироваться.

Мы в своем исследовании, вслед за А. П. Сковородниковым и Г. А. Копниной, под информационной войной понимаем «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляющееся путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной безопасности» [Сковородников, Копнина, 2016: 42].

Такие войны бывают внешними (межгосударственными), внутренними (внутригосударственными), организационными, смысловыми, идеологическими, гибридными, «холодными» и др. Как и Н. Л. Волковский [Волковский, 2003], лингвисты А. П. Сковородников и Г. А. Копнина выделяют в информационной войне две разновидности: информационно-техническую, решающим инструментом которой является воздействие на телекоммуникационные и компьютерные сети, и информационно-психологическую, в которой актуализируется прежде всего роль языка как орудия ее ведения [Сковородников, Копнина, 2016: 42]. Резюмируя наработки предшественников, они выводят наиболее общую формулировку понятия ИПВ и дают ему следующее определение: «противоборство сторон,

возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляемое путем намеренного, прежде всего языкового, информационного воздействия на сознание противника (народа коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такового воздействия» [Сквородников, Копнина, 2016: 43].

Представители разных научных школ сходятся во мнении, что информационное противоборство ведется с целью воздействовать на сознание человека (группы людей, целого народа) для достижения своих выгод, коими могут быть достижение власти, идеологический перевес, получение экономических благ. По В. Г. Крысько, психологическое воздействие – это «влияние на людей (на отдельных индивидов и на группы), осуществляемое с целью изменения идеологических и психологических структур их сознания и подсознания, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования определенных типов поведения» [Крысько, 1999: 27]. При этом воздействие может быть как прямым (директивным), так и косвенным (информационно-психологическим) [Баранов, 2017: 30].

Остановимся подробнее на терминопонятиях «субъект» и «актор», а также «объект» и «мишень» ИПВ. В философской традиции субъект наделяется таким важным качеством, как проактивность в процессе познания мира, другими словами, это человек действующий, человек познающий. Именно это отличает его от существующего независимо от человеческой воли объекта – того, на что обычно направлено чье-либо внимание или деятельность. Данная философская трактовка, легшая в основу всех гуманитарных и общественно-политических дисциплин, может быть справедливо применена и при характеристике ИПВ.

В этом смысле объектом ИПВ становится любой объект, в отношении которого может быть осуществлено информационное воздействие [Манойло, 2003: 280]. К объектам А. В. Манойло причисляет системы социальных, политических и психологических отношений в обществе, и уже –

индивидуальное и массовое сознание граждан, систему ценностей и ее устойчивость [Там же]. Авторы коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны» призывают отделять от понятия «объект» понятие «мишени» ИПВ, под которой они подразумевают «понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для оказания давления на объект» [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 18]. Так, в настоящее время мишениями ИПВ являются: властная вертикаль, Русская православная церковь, внешняя политика руководства страны, русский язык, русская литература и т.д. [Там же].

Субъектами ИПВ выступают структуры, преследующие свои интересы в информационно-психологическом пространстве, обладающие ресурсами для ведения информационного противоборства, например: государства и союзы государств, международные организации и транснациональные корпорации, средства массовой информации и массовой коммуникации, незаконные вооруженные формирования и радикальные организации. [Манойло, 2003: 281]. Выделяют два типа субъектов – инициатора ИПВ и противостоящего инициатору, которые в ходе противостояния могут меняться ролями [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 17]. Непосредственный исполнитель, автор или коллектив авторов текста-носителя признаков ИПВ, в терминологии лингвистики ИПВ, является актором. Причем актор и субъект-инициатор могут как совпадать, так и нет (например, когда речь идет о заказных материалах в СМИ, когда журналисты являются не столько идеологами ИПВ, сколько рядовыми исполнителями-копирайтерами, будет корректнее назвать журналиста актором ИПВ, а структуру, совершившую заказ, субъектом-инициатором) [Там же].

Для того, чтобы констатировать наличие признаков ИПВ, требуются достаточные основания. Исследователи называют следующие:

- 1) «преобладание в печатном органе (или у одиночного автора) негативно-оценочной информации об одной и той же мишени (мишениях),

имеющей комплементарное отношение к объекту ИПВ» [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 68];

2) эта информация направлена на дискредитацию мишени (мишеней) и объекта;

3) регулярные публикации с подобной информацией;

4) регулярность и «постоянное отсутствие позитивно-оценочной информации об этих мишенях или о самом объекте» [Там же].

Помимо всего прочего, в теории ИПВ выделяют такие терминопонятия, как информационно-психологическая операция – «...весь комплекс мероприятий, направленных на достижение военно-политических целей информационно-психологическими средствами» [Кааяни, Сыромятников, 2006: 242; цит. по Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 23], информационно-психологическое оружие – «совокупность средств, избирательно влияющих на психическую деятельность людей с целью задания ей необходимых характеристик целенаправленного управления человеческим поведением» [Ефремов и др., 2000: 65; цит. по Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 24], а также стратегия и тактика.

На сегодняшний день в научной литературе, посвященной проблеме определения, описания и систематизации речевых стратегий и тактик, существует терминологический разнобой в определении этих понятий. Мы в своем исследовании опираемся на definizioni, приведенные в коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны. Книга 1».

«Речевая стратегия, – пишут авторы, – это общий мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации. Речевая тактика, – в свою очередь, продолжают авторы, – это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному

этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 66].

В зависимости от «глобальности» намерений авторы выделяют общие стратегии – стратегии генеральные, глобальные, базовые, и частные стратегии – вспомогательные субстратегии, служащие выражению первых [Там же: 66–67].

При конкретизации подхода к определению речевых тактик авторы коллективной монографии, вслед за О. С. Иссерс, относят к таковым тактикам «речевые действия, в названии которых отражено их иллокутивное либо перлокутивное назначение: оскорбление, утешение, обвинение, унижение [Там же].

Кроме того, в источнике, к которому мы апеллируем, приводится просторный контекстологический и семантический анализ текстов «Новой газеты» с целью продемонстрировать наиболее типичные для внутрироссийского информационного противостояния стратегии и тактики, направленные против России, русской цивилизации и национальных ценностей. Мы опираемся на данный образец.

Тактика рассматривается как способ реализации стратегии. Так, в субстратегии дезинформации применяются тактики гиперболизации негатива, приписывания несуществующих недостатков, манипулятивной интерпретации статистических данных и др. При использовании субстратегии дискредитации – «подрыва авторитета, доверия к кому- или чему-либо» применяются тактика формирования негативно характеризующего подтекста, тактика привлечения авторитетного источника для подтверждения правоты своей позиции, тактика манипулятивной интерпретации статистических данных и другие [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 64, 70–71, 82].

Выделяют несколько стратегий и тактик на уровне речевого воздействия:

- запугивание, направленное на создание астенических состояний (страха, паники и т.д.);
- стереотипизация, в процессе которой внедряются стереотипы, например, «западной свободы»;
- создание иллюзий, например, о социальном равенстве;
- кража лозунгов, когда «в сложившиеся понятия, призывы пытаются внести враждебное содержание»;
- «подтасовка карт», при которой «события, факты подгоняются под определенную концепцию, версию, точку зрения», «наклеивание ярлыков» т.д.» [Волкогонов 1983: 116–125].

В. Г. Крысько выделяет «сияющее обобщение», которое «...заключается в обозначении конкретной идеи или личности обобщающим родовым именем, имеющим положительную эмоциональную окраску» [Крысько, 1999: 285].

Исследователи выделяют следующие собственно языковые средства, которые применяются в текстах ИПВ чаще всего:

- лексико-фразеологические средства языка с негативной коннотацией, такие как: эпитеты: (*коррумпированный* и *мафиозный режим*), существительные, негативно характеризующие ту или иную мишень (*зачистка*, *сепаратисты*), перифразы: «*обкомовский пропойца*» (о Б.Н. Ельцине);
- синтаксические конструкции, в составе которых содержится отрицательно-оценочная предикативная группа;
- различные фигуры: антифразис, сравнение, амплификация, оксюморон, метафора, метонимия, аллюзия, антитеза, гипербола, игра с именами собственными, трансформация прецедентного текста/фразеологизма, риторический вопрос [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 101–107].

ИПВ может вестись и на организационном уровне. Так, авторы монографии «Лингвистика информационно-психологической войны» приводят случай, когда на телеканале «Россия-24», желая «не допустить в

эфир неугодную руководству канала информацию», сняли с эфира 38-й выпуск «Бергсона» Никиты Михалкова, на деле объяснив это стремлением избежать нарушения корпоративной этики [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 18].

При правильно выбранной стратегии будет достигнута коммуникативная цель пишущего/говорящего, при этом должны учитываться факторы, влияющие на планирование речевой коммуникации (время, место, эмоциональное состояние, социальные роли и статусы и др.). В целях предотвращения последствий информационно-психологической войны в стране, необходимо на федеральном уровне разработать положения, которые защитили бы личность и общество от деструктивного воздействия, а также создать условия для развития психотехнологий для конструктивного влияния на сознание человека.

В дальнейшем для достижения целей систематизации и структуризации накопленного знания о функционировании языка в рамках ИПВ, на наш взгляд, также может быть полезным рассмотрение роли отдельной языковой личности, так как известным мерилом всего является человек. Вспомним историю развития общего языкознания и гуманитарных наук в целом. Системно-структурная парадигма, при которой процессы в языке наблюдались в отрыве от человека, долго господствовала в науках о языке. Ученые всесторонне изучали систему языка, основы фонетики, морфологии, лексики, грамматики языка, нарабатывали методологическую базу, после чего обратили внимание на человека говорящего, что ознаменовало переход к антропоцентрической парадигме. Опираясь на ход исторического развития научного познания, можно предположить, что в скором времени, когда теоретико-методологическая база лингвистики информационно-психологической войны окрепнет, исследователи обратятся к анализу языковой личности как актора ИПВ, ведь, как писал Ю.Н. Карапулов, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Карапулов, 2010: 27].

1.3. Языковая личность: определение, аспекты изучения, структура

XXI век по праву называют эрой расцвета антропоцентризма, когда место центрального объекта лингвистических изысканий занял человек – говорящий, пишущий, думающий, осваивающий язык и пользующийся им. Теперь исследователей волнуют не только (и не столько) системно-структурные аспекты бытования языка, его лексические, грамматические и стилистические возможности. Опираясь на коллективные и индивидуальные начала в языке, они пытаются «вскрыть» печать субъекта речевой деятельности, раскрыть особенности актуализации известных возможностей языка конкретным человеком – языковой личностью.

Несмотря на то, что понятие ЯЛ было введено в оборот достаточно давно – в начале XX века, интерес к этому феномену в последние десятилетия продолжает расти. Количество трудов, написанных в русле этой проблематики, обуславливает формирование в русле общего языкознания теории ЯЛ, а также выделение новых направлений лингвистики, таких как лингвоперсонология, лингвополитическая персонология, русская семантическая персонология. В настоящем параграфе мы попытаемся интегрировать накопленный опыт, определив наиболее важные для данного диссертационного исследования моменты.

Первые упоминания термина «языковая личность» приходятся на 30-е годы XX века. Глубокое исследовательское осмысление понятия началось в 80-е годы XX века. Многие лингвисты, в частности Е. В. Иванцова, связывают развитие теории языковой личности с двумя авторами – Г. И. Богиным и Ю. Н. Карапловым, которых считают отцами-основателями этого учения. Именно в их исследованиях впервые была осмысlena роль субъективного в языке, описаны механизмы «присвоения» языка говорящим в процессе его использования, определен термин «языковая личность», специфицированы объект и предмет исследований в этой области, очерчен их междисциплинарных потенциал. Таким образом, Г. И. Богин и

Ю. Н. Караулов заложили прочный фундамент теории ЯЛ, и более поздние исследования с большей или меньшей степенью спецификации, детализации и углубления в суженную проблематику в зависимости от конкретных целей анализа опираются на их теоретические наработки.

Первое развернутое определение термина «языковая личность» дал Г. И. Богин в книге «Современная лингводидактика». Он называл ЯЛ центральным понятием лингводидактики. «Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980: 3]. Позднее в своей докторской диссертации он дополнит это определение, подчеркнув, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1984: 3]. По мнению лингвиста, наиболее значимой характеристикой ЯЛ является то, как она воспринимает и создает текст. Взяв это за основу, он построил пятиступенчатую параметрическую модель языковой личности, включающую в себя уровни правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора и адекватного синтеза [Там же]. В дальнейшем учение Г. И. Богина ляжет в основу лингводидактического подхода к изучению ЯЛ.

Настоящее же исследование во многом базируется на трудах Ю. Н. Караулова. Он, в свою очередь, определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов, 1989]. За рабочее мы берем также определение Ю. Н. Караулова из энциклопедии «Русский язык», в которой ЯЛ осмысляется как «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки

зрения использования в этих тестах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Караулов, 1997: 671].

Кроме всего прочего, Ю. Н. Караулов останавливается подробнее на важном аспекте – отражении в порожденных ЯЛ текстах ее мировоззренческих позиций, причем под мировоззрением автор понимает «интеграцию системы ценностей личности с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками» [Караулов, 1989]. Из этого следует, что лингвистический анализ дискурса ЯЛ (совокупности порожденных ей текстов) может стать ключом к ее мировоззренческому содержанию и ценностным установкам. В своем фундаментальном труде «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов утверждает, что «для такого анализа вовсе не обязательно располагать связными текстами, достаточно определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т.п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени» [Караулов, 1989].

Таким образом, Ю. Н. Караулов наделяет языковую способность особой значимостью в процессе реконструкции личности как таковой, отрицая, что это всего лишь часть объемного понимания личности в традиционной для психологических наук трактовке. Для него ЯЛ – это «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [Там же].

Руководствуясь своим постулатом о том, что «языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Караулов, 2010: 38], Ю.Н. Караулов выделяет три уровня в структурной модели ЯЛ:

1) Вербально-семантический, единицами которого являются отдельные слова как единицы верbalной ассоциативной сети;

2) Лингвокогнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей. Стереотипам на этом уровне соответствуют устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящими свое выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, крылатых выражениях;

3) Мотивационный уровень, единицы которого ориентированы на прагматику и проявляются, по мнению Ю. Н. Каурова, «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности» [Там же].

В дальнейшем структурирование языковой личности получило переосмысление, дополнение и уточнение в трудах других ученых. Так, например, В. И. Карасик определяет ЯЛ как «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода “семантический фоторобот”, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, выраженных в словаре» [Карасик, 2002: 2–7]. По его мнению, существуют три аспекта изучения ЯЛ: ценностный (содержит нормы поведения, которые закреплены в нравственном кодексе народа, отражают историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком); познавательный (выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы интерпретации действительности, свойственные носителю определенных знаний о мире и языке); поведенческий (характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения).

В. А. Маслова определяет ЯЛ как личность лингвокультурную, как «закрепленный в языке базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» [Маслова, 2001: 120]. Комментируя концепцию устройства ЯЛ, предложенную Кауловым, В. А. Маслова, говорит о том, что эта трехступенчатая модель соотносится, во-первых, с тремя типами

коммуникативных потребностей (контактоустанавливающей, информационной и воздействующей), во-вторых, с тремя сторонами процесса общения (коммуникативной, интерактивной и перцептивной). По ее мнению, эта модель отражает обобщенный тип личности. Конкретных же ЯЛ в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности.

Она также пишет о том, что в структуру языковой личности обычно включаются следующие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент – то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [Маслова, 2001: 118].

В. А. Маслова пишет, что язык – единственное средство, способное помочь проникнуть в скрытую от нас сферу ментального, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он способен рассказать о человеке такие вещи, о которых он сам и не догадывается. Для подтверждения своих тезисов она приводит строки из письма И. А. Гончарова к Е. Н. Нарышкиной: «Язык не есть только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных» [Маслова, 2001: 113].

Еще одной довольно популярной классификацией ЯЛ является классификация В. В. Красных: 1) человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность – личность, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность, которая реализует себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных, 2003: 37].

Отдельно стоит отметить В. П. Нерознака – автора термина «лингвистическая персонология» [Нерознак, 1996: 116]. Он утверждал, что предметом нового направления лингвистики, является изучение «идиолектной личности (языка индивидуума) во всем ее многообразии и полилектной личности (национального языка в пространстве и времени)» [Там же], а ее целью является воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и его концептосфере. Более того, В. П. Нерознак писал о существовании двух типов ЯЛ – стандартной и нестандартной. И если стандартная ЯЛ отражает «усредненную литературно обработанную норму языка», то нестандартная «отклоняется от установленных языковых образцов», Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов [Нерознак, 1996: 114–116].

Основатель Барнаульской лингвоперсонологической школы Н. Д. Голев разделяет лингвоперсонологию на два течения: персонологию в лингвистическом измерении и лингвистику в персонологическом измерении [Голев, 2007]. Персонология в лингвистическом измерении тяготеет к наукам о личности как таковым, в ее границах языковые свойства личности выступают средством решения нелингвистических задач, например, типологии личности. Лингвистика в персонологическом измерении же выводит на первый план язык и то, как он используется конкретным человеком или, как писал Э. Мунье, функционирует в «личностном универсуме» [Там

же]. Кроме этого, Н. Д. Голев ввел термин «антропотекст», который определил как «речевое произведение в антропологическом аспекте» и уже – как «отражение особого качества языковой способности его автора или адресата» [Голев, 2004: 5].

Анализируя актуальные исследования по теории языковой личности и резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что языковая личность – это комплексное междисциплинарное понятие, и подходы к его изучению разнообразны. Исследование ЯЛ может производиться с позиций психологии, когда за основу берутся психические особенности речемыслительной деятельности, или с позиций социологии, когда исследователи, анализируя тексты, ищут языковые индикаторы социальной идентичности и коммуникативного поведения определенных общественных групп: малых (семьи, школьного класса, производственного коллектива) и больших (молодежи, мужчин и женщин, людей с низким образовательным цензом). Если исследование проводится в рамках лингвокультурного подхода, конкретная личность воспринимается как носитель национального менталитета и рассматривается именно с точки зрения культуро специфических особенностей или же реализации лингвокультурных типажей – обобщенных узнаваемых представителей определенных групп, чье поведение воплощает в себе нормы целой лингвокультуры и влияет на поведение всех представителей общества. Лингводидактический подход, в свою очередь, строится на представлении о том, что языковая личность формируется в процессе реализации ее деятельностно-коммуникативных потребностей, например, во время изучения языка или общения.

Таким образом, мы видим, что современная лингвистика, реализуя видение языка, отличающееся повышенным вниманием к личности, являющейся его носителем и творцом, значительно продвинулась в области изучения языковой личности. Теоретически осмыслен феномен языковой личности и ее структура, с разных эвристических позиций изучены такие характеристики ЯЛ, как языковая способность и коммуникативная

компетенция. Более того, осуществлены попытки описания речевых портретов отдельных носителей языка.

В нашем исследовании одним из принципов изучения ЯЛ выбран принцип семантической персонологии, в соответствии с которым детально и в то же время всеобъемлюще изучается вербально-семантический уровень ЯЛ. Исследование строится на гипотезе, согласно которой различия языковых личностей в аспекте информационно-политического противостояния в наиболее полном виде могут быть обнаружены на вербально-семантическом уровне. Если лексический уровень обоих типов ЯЛ будет представлен относительно устойчивым набором идеологем политического дискурса, то смысловое наполнение этих идеологем будет существенно зависеть от политических убеждений отдельно взятой ЯЛ.

Доктор филологических наук И. В. Башкова сосредотачивает внимание на важности анализа лексического значения употребляемых ЯЛ языковых единиц. В своем диссертационном исследовании она пишет, что современный этап развития языкознания отличается порой чрезмерным экспансионизмом, когда собственно лингвистические методы в лингвистических работах отходят на второй план. «Все это приводит к тому, что методы, которые предлагает современная лингвистическая семантика, проявляющая повышенный интерес к языковой картине мира и системным явлениям в лексике, неоправданно игнорируются», – пишет автор. По ее мнению, тщательный и системный анализ семантики используемых языковой личностью языковых единиц может пролить свет как на индивидуальные, так и на культуроспецифичные особенности личности [Башкова, 2019: 79].

По мнению И. В. Башковой, вербально-семантический уровень ЯЛ до сих пор не изучен в должной мере. Хотя, по мнению ученого, таргетированная концентрация исследовательского внимания на анализе семантики и парадигматики слов, которыми оперирует ЯЛ, может вывести лингвоперсонологические учения на новый качественный уровень. Именно семантический анализ позволяет за систематическим описанием лексики

увидеть аксиологические установки личности, особенности ее индивидуального мировосприятия, раскрыть некоторые аспекты индивидуальной картины мира и понять, как это отражено в языке.

Вслед за Ю. Н. Карапловым, к вербально-семантическому уровню ЯЛ мы относим морфему, лексему, синтаксему, слово, лексико-семантический вариант, словосочетание, предложение, высказывание – единицы, которые традиционно используются при описании лексического и грамматического строя языка. Отличительная особенность единиц этого уровня в том, что все они обладают формой и значением, а значит, анализ этих единиц неизбежно включает и анализ их семантики.

В попытке интегрировать теорию ЯЛ и лингвистику информационно-психологической войны мы делаем предположение, что зачастую, оперируя одними и теми же концептами (и более того – словами), представители конфликтующих сторон наделяют их уникальным содержанием и отличным друг от друга смыслом, которые можно отследить и реконструировать только на вербально-семантическом уровне ЯЛ. Притом эта «семантическая разрозненность» уходит корнями в ценностные установки, устойчивые идеологические догмы и общественно-политические концепции, последователем которых является личность. Неочевидная, на первый взгляд, разность вербально-семантического компонента, в свою очередь, усугубляет непонимание между противоборствующими сторонами, что влечет за собой усиление конфликта. По нашему мнению, в этом заключается одна из особенностей внутрироссийского информационно-психологического противостояния: невозможно прийти к консенсусу, если вы называете одни и те же феномены разными именами и, наоборот, если вы используете одно имя для обозначения разных, порой диаметрально противоположных, понятий.

Кроме этого, рассматривая языковую личность в пространстве информационно-психологической войны и в политическом дискурсе в целом, можно раскрыть совершенно нетипичные грани как человека говорящего, так и политической коммуникации, и, что важно, проследить влияние

идеологического ключа на речевое поведение ЯЛ, особенности ее речетворческой деятельности (о понятии «идеологический ключ» см. подробнее в параграфе 1.4. настоящего диссертационного исследования).

По мнению одного из основоположников лингвополитической персонологии А. П. Чудинова, это перспективное направление современной политической лингвистики, изучающее специфику проявления ЯЛ в политической сфере [Никифорова, Чудинов, 2017: 22–23]. М. Г. Цуциева отмечает, что речевое поведение языковой личности как субъекта политического дискурса «представляет собой, с одной стороны, уникальный, сложившийся в течение жизни опыт личности, индивидуальный набор речевых предпочтений, с другой стороны, языковая личность политика оказывается осложненной институциональным компонентом как институциональная языковая личность, совершающая свою дискурсивную деятельность в политическом (институциональном) дискурсе» [Цуциева, 2014: 76]. Однако настоящая диссертационная работа простирается за пределы анализа языковых личностей только лишь политиков.

М. В. Никифорова, анализируя всю совокупность работ, написанных в русле этого только формирующегося научного направления, выделила следующие опорные точки: 1) изучение когнитивной составляющей речи политиков, 2) исследования речевого поведения политиков в лингвопрагматическом и лингвостилистическом аспектах, 3) риторическое портретирование, 4) изучение акустических характеристик речи политиков, 5) психолингвистический анализ, 6) лингвосемиотический анализ [Никифорова, Чудинов, 2017]. Мы же, в свою очередь, уделяя большое значение вербально-семантическому уровню ЯЛ, пытаемся расширить область лингвополитической персонологии, сделав ее объектом не только лица, непосредственно участвующее в принятии политических решений и совершении политических действий, но и писателя и публициста – того, кто искусно владеет языком и использует его в служении своей идеологии, тем

самым участвуя в формировании у определенной группы своих последователей общественно-политических взглядов и убеждений.

Стоит отметить, что трансформация феномена языковой личности в результате становления информационного общества также попадает в фокус внимания лингвистов. К примеру, А. В. Болотнов в своей докторской диссертации подчеркивал, что повсеместное распространение Интернета и развитие информационных технологий спровоцировало неоспоримые и очевидные изменения в общественном сознании, и это объясняет необходимость пересмотра подходов к изучению текстовой деятельности ЯЛ в массмедиа. В связи с этим он выводил на авансцену новый информационно-медийный тип языковой личности, которая создает тексты в медиапространстве, преимущественно Интернете, и реализуется, в первую очередь, в медиакоммуникации [Болотнов, 2015: 6].

Среди отличительных характеристик информационно-медийной ЯЛ А. В. Болотнов называл публичность; многоуровневость и мозаичность мировидения, эклектичность мировосприятия; полидискурсивность; поликодовость и интертекстуальность в медиакоммуникации; индивидуализацию, самодостаточность, стремление к самопрезентации; свободу выражения себя, своих оценок и ценностных установок и др. [Болотнов, 2015: 2122].

В зависимости от ряда факторов (наличия или отсутствия профессиональной принадлежности к медиасфере; отношения к актуальному информационному поводу; взаимоотношения с адресатом сообщения; лингвостилистического и жанрового разнообразия тестов и других) ученый выделил разные информационно-медийные ЯЛ: журналист, писатель, блогер, наблюдатель/свидетель (любитель, непрофессионал), политик [Там же] и дал развернутое описание каждого из вышеперечисленных типов.

К слову, Дмитрия Быкова и Захара Прилепина, несмотря на многогранность их социальных ролей, он относит к подгруппе писателей. А. В. Болотнов дает следующую характеристику ЯЛ писателя: «Это люди

творческой профессии, для которых в отношении к информационному поводу и выбору средств диалогизации в общении с массовым адресатом содержание иногда важнее формы его выражения; их характеризует свобода в общении с аудиторией; творчество является главным критерием работы, текстовая деятельность зависит от личных эстетических и этических предпочтений, личностное самовыражение может быть важнее самого информационного повода; они создают свой индивидуальный формат общения с аудиторией; имеют свой особый стиль и жанровые предпочтения; отличаются высоким уровнем культуры и широтой информационного тезауруса» [Болотнов, 2015: 84–85].

1.4. Идеологический ключ как критерий анализа языковой личности

В предыдущем параграфе мы уже частично затронули важность анализа вербально-семантического уровня языковой личности. Еще одним достоинством подхода к анализу ЯЛ с позиций семантической персонологии является возможность расшифровки так называемых «семантических лейтмотивов», «презумпций», «ключевых идей».

Сделаем небольшое отступление с целью прояснить понятийные заимствования. В монографии «Языковая картина мира и системная лексикография» понятия «семантический лейтмотив», или «ключевая идея языковой картины мира», употребляются для описания культуро- и этноспецифики языковой картины мира: «реально “особый способ мировидения” проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими и даже просодическими. Часто язык заставляет говорящего выражать эти идеи, даже если они несущественны для его высказывания» [Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э. и др., 2006: 35].

Представители Новомосковской школы, говоря о неявных значениях смысла и скрытых компонентах значения, прибегают к термину «презумпция»: «многие презумпции повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода «сквозные мотивы» языковой концептуализации мира, а кроме того, различные презумпции определенным образом согласуются друг с другом» [Шмелев, 2009: 15]. Эти повторяющиеся согласующиеся друг с другом презумпции и составляют «ключевые идеи русской ЯКМ», к которым исследователи относят, например, идею непредсказуемости мира, особую значимость оппозиции «высокое – низкое», идею справедливости и др. [Зализняк и др., 2005: 400].

В данной магистерской диссертации выдвигается гипотеза о том, что подобного рода «ключевые идеи» есть не только в глобальной языковой картине мира какого-либо народа, но и уже – в языковой картине мира той или иной социальной группы, объединенной общей аксиологией, в нашем конкретном случае – политическими взглядами и идеологическими убеждениями. Мы называем этот феномен «идеологическим ключом текста» и предполагаем, что, единожды задав вектор развития мысли, направив текст в определенном идеологическом ключе, автор непроизвольно наделяет даже нейтральные по значению языковые единицы специфическим значением – «презумпциями». В момент производства текстов языковой личностью и восприятия текстов реципиентом эти смыслы могут не считываться ни автором, ни адресатом. Они существуют как сами собой разумеющиеся, и, чтобы «расшифровать» «идеологический ключ», необходимо поместить эти компоненты значения в фокус внимания. В частности, эти задачи могут быть решены в ходе лингвистического анализа дискурса ЯЛ.

При обозначении этого феномена мы опираемся, в первую очередь, на теоретические разработки А. В. Бондарко, который, переосмысливая существенные основы функциональной грамматики, изучал языковое выражение семантических (или по-другому актуализационных) категорий высказываний. В свое время он разработал концепции темпорального,

персонального, модального и др. ключей текста, которые предполагают, что в языке существуют функционально-семантические единицы, обладающие неким семантическим ореолом, раскрывающимся на пространстве всего текста [Бондарко 1984: 41–42]. В настоящем исследовании совершена попытка расширить круг семантических категорий и обосновать необходимость анализа языковой категоризации идеологичности. Предполагается, что в сходном смысле можно говорить и об идеологическом ключе текста, так как идеологическая категориальная ситуация также формирует широкий контекст.

Почему же мы считаем, что наряду с темпоральностью и модальностью особым семантическим ореолом обладает и идеологичность? Современный этап развития общества характеризуется политологами и социологами как период интенсивной политизации. Ученые единогласно признают, что сегодня наблюдается очередное обострение социально-политических отношений внутри общества, борьба за власть и влияние, столкновение идеологий – все эти процессы нуждаются в глубоком осмыслении и анализе. Состояние общественно-политической сферы провоцирует активное производство и воспроизведение текстов политического содержания, язык становится одним из способов формирования политического института и инструментом воздействия на общество для достижения определенных политических целей. В политическую коммуникацию вовлекается все большее количество людей, на что обратил внимание А. П. Чудинов, который подчеркнул, что «в современном мире каждый человек, который хотя бы изредка читает газету или смотрит телевизор, становится адресатом политической коммуникации» [Чудинов, 2003: 11]. В современной лингвистике заметно возраст интерес к изучению политического дискурса, что нашло отражение, в частности, в том, что одним из наиболее активно развивающихся направлений является лингвополитология, которая занимается изучением политической коммуникации и политического дискурса.

Таким образом, политические взгляды человека становятся «форматом знания особого типа». Они так или иначе влияют на отражение говорящим

мира в языке. Следовательно, можно поставить вопрос о возведении идеологических убеждений в ранг языковой категории модусного типа, специфика которой, по мнению Н. Н. Болдырева, заключается в том, что она «объединяет определенные языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции» [Болдырев, 2000: 14–15]. Таким образом, идеологическая категория встает в один ряд с аксиологическими и оценочными категориями.

Как пишет М. В. Гавrilова [Гаврилова, 2002: 88–103], в идеологической и политической литературе выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом, именно поэтому большое значение имеет семантическое направление политической лингвистики, ориентированное на выяснение того, как проявляются политические представления в самых обыденных, нейтральных языковых средствах. По мнению А. А. Карамовой, основным свойством политического дискурса является именно идеологичность, которая обусловливает другие важнейшие свойства политического дискурса (оценочность, экспрессивность, манипулятивность) [Карамова, 2014: 97]. Все это дает нам основания полагать, что в рамках политического дискурса идеологичность является семантической константой, которая позволяет говорить о существовании идеологического ключа текста и, следовательно, анализировать тексты сквозь призму данной семантической категории.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Таким образом, в 1 главе магистерского исследования были рассмотрены теоретико-методологические аспекты изучения языковой личности писателя как актора информационно-политического противостояния. В основе исследования лежит антропоцентризм как мировоззренческая концепция, согласно которой отправной точкой для анализа различных сфер бытия становится человек. Именно человек становится ядром исследования, которое лежит на пересечении таких научных лингвистических дисциплин, как лингвистическая персонология, политическая лингвистика и лингвистика информационно-психологической войны. И идеология, разногласия в которой зачастую становятся причиной информационно-политического противостояния в обществе, и язык, который не может существовать вне человека и речевого коллектива, – по сути своей социальные феномены, которые имеют решающее значение для настоящего исследования.

В 1 параграфе мы подробно рассмотрели, какие взаимоотношения существуют между языком и идеологией. Одни ученые отмечают изначальный идеологический потенциал языка, которой может быть самостоятельной силой конструирования разных картин реальности. Другие настаивают на нейтральности языка по отношению к идеологии и считают, что слово – это медиум, посредством которого можно транслировать любые идеальные и идеологические смыслы. В любом случае, изучение языка и, в первую очередь, семантического уровня его структурной организации признается в научном сообществе эффективным инструментом проникновения в глубинные слои идеологического мышления.

Идеология как идеальное миропонимание зачастую становится краеугольным камнем в жизни социума. Разность идеологических взглядов провоцирует между людьми конфликты, в первую очередь, политического характера. Становление общества третьей волны, по Тоффлеру, способствовало

переводу этого противостояния в информационное пространство. Сущность такого информационно-политического противостояния рассмотрена во 2 параграфе магистерской диссертации.

Сегодня и СМИ, и СМК, и Интернет становятся полем битвы для информационных войн. Вследствие все возрастающей ценности информации актуальность изучения проблематики информационных войн растет. В связи с этим на базе Сибирского федерального университета учеными-языковедами разрабатывается новое научное направление – лингвистика информационно-психологической войны. В русле данного направления исследователи пытаются понять сущность информационно-психологической войны, установить их субъекты, объекты, мишени и акторов информационно-психологического противостояния, классифицировать и описать тактики и стратегии его ведения. Мы, в свою очередь, предлагаем исследовать языковую личность писателя, чтобы увидеть, как человек может проявлять себя в рамках информационного противостояния и как это отражается в языке.

ЯЛ писателя в качестве актора ИПВ была выбрана для изучения не случайно. В 3 параграфе мы рассмотрели историю становления теории ЯЛ и проанализировали главные труды в этой области. Изучив различные определения и классификации ЯЛ, мы пришли к выводу, что языковая личность писателя относится к информационно-медийному типу ЯЛ. Писатель в современном обществе образован и обладает высоким уровнем речевой культуры, что позволяет ему использовать все средства русского языка в своих текстах. Он может активно проявлять свою гражданскую позицию, иметь широкую аудиторию и быть лидером мнений для нее. Кроме этого, писатель идеологически более свободен, чем, например, журналист или политик. Для анализа были выбраны языковые личности писателей Дмитрия Быкова и Захара Прилепина. В публичном пространстве эти два автора сами позиционируют себя как идеологические оппоненты.

С одной стороны, исследование ЯЛ писателя имеет особое значение для семантической персонологии, поскольку такую личность можно

рассматривать в качестве «эталона ЯЛ определенного социального типа» [Башкова, 2011: 121]. С другой стороны, рассмотрение ЯЛ с лингвополитических позиций делает возможным изучение роли отдельной личности в политическом процессе. Более того, совокупность теоретико-методологических знаний данных направлений лингвистики позволяет осветить как значение языковой личности в процессе выражения и манифестации идеологии, так и роль идеологии в жизни конкретной языковой личности.

При помощи семантического анализа выступлений Дмитрия Быкова и Захара Прилепина, анализируя своеобразие словоупотребления в индивидуальном дискурсе личности, можно не только расшифровать их понятийные и ценностные составляющие, но и выделить ядерные и периферийные смыслы, наполняющие текст. Для этого мы предлагаем использовать методику, применяемую в лингвистической семантике: системообразующие смыслы выявляются через анализ неассертивных компонентов семантики языковых единиц (пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения).

Кроме этого, мы предлагаем рассмотреть особенности речемыслительной деятельности ЯЛ писателя посредством анализа построения метафорических моделей. Теоретико-методологической базой выступают исследования по когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, изучение метафоры в Уральской школе политической лингвистики [Чудинов, 2006] и др. Однако стоит оговориться, что в рамках лингвоперсонологического подхода когнитивная метафора воспринимается не столько как инструмент воздействия на аудиторию и создания представления о каком-либо объекте, сколько в качестве отражения особенностей мышления ее употребляющей ЯЛ.

Чтобы рассмотреть названных писателей как акторов ИПВ, нужно проследить, какие относимые лингвистами к манипулятивным или

контрманипулятивным тактикам и стратегиям и с какими целями они используют.

В 4 параграфе 1 главы нами предложена концепция идеологического ключа, согласно которой идеология может стать дополнительным критерием анализа ЯЛ, так как она играет значимую роль в использовании личностью языковых средств. Так, представители разных идеологий могут создавать свои тексты с помощью идентичных языковых средств, однако их смысловое наполнение и pragmaticеский потенциал будут значительно отличаться. Наиболее заметны эти различия на вербально-семантическом уровне ЯЛ.

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В АСПЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

2.1. Языковая личность Захара Прилепина

В рамках исследования языковой личности Захара Прилепина были проанализированы выпуски авторской программы «Уроки русского», выходившие на телеканале НТВ в период с 2017 по апрель 2020 года общим количеством 35 единиц; выступления Захара Прилепина на съездах и пресс-конференциях возглавляемой им партии «За Правду»; известные публицистические труды автора, такие как «Письмо товарищу Сталину», «Стесняться своих отцов» и другие материалы, опубликованные в интернет-газете «Свободная пресса», где Захар Прилепин является шеф-редактором; интервью, которые З. Прилепин давал журналистам как либерального, так и консервативного толка, а также отдельные посты автора в социальной сети «Фэйсбук».

При составлении общей характеристики ЯЛ писателя мы опирались на информацию с официального сайта Захара Прилепина (<https://zaharprilepin.ru>).

По образованию является дипломированным филологом – окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Это свидетельствует о высоком уровне речевой культуры ЯЛ, ее теоретической подкованности по вопросам русского языка, его семантическому, стилистическому и pragматическому потенциалу.

Профессиональная принадлежность: писатель, журналист, актер, музыкант. Захар Прилепин является шеф-редактором сайта «Свободная пресса», секретарем Союза писателей России и ведущим авторской программы «Уроки русского» на телеканале НТВ. Заместитель художественного руководителя МХАТа им. М. Горького. Это свидетельствует

о том, что ЯЛ владеет языком на профессиональном уровне, а также о креативности.

Известен своей общественно-политической деятельностью. В 2014 году поддержал присоединение Крыма к России. Воевал на Донбассе на стороне ополченцев, поддерживает идею присоединения ДНР и ЛНР к России. В октябре 2019 года Захар Прилепин создал Общественное движение «За правду». С 2020 года учредил партию «За правду», председателем которой является. Партия отличается консервативными, национал-патриотическими идеологическими взглядами, критикой либерализма, в социально-экономическом плане занимает левые позиции. Сам о своей идеологической позиции Захар Прилепин говорит: *«Я в 9 лет написал стихотворение «Люблю я Русь, клянусь». Ничего нового с тех пор я не придумал»* (Интервью YouTube-каналу «На троих», март 2020). Именно эти биографические сведения лежат в основе идеологического ключа текстов Прилепина.

Творчество Захара Прилепина неоднократно становилось объектом научного осмысления. Так, художественные тексты писателя подвергались всестороннему литературоведческому анализу [Ильина, 2015; Минералова, 2017]. Также встречаются и лингвистические научные исследования. В частности, исследователи Е.В. Щеникова и Е.В. Вологина рассмотрели публицистический дискурс Захара Прилепина на наличие средств речевой агрессии [Щеникова, Вологина, 2014]. А. А. Суворов – то, как Захар Прилепин представлен на пространстве внутрироссийского информационного противостояния в контексте анализа его литературно-критической полемики с Татьяной Толстой [Суворов, 2016].

В рамках общей лингвостилистической характеристики публицистического творчества Захара Прилепина можно отметить, что, во-первых, диалектика Захара Прилепина бинарна и лежит в пространстве между двух полюсов: правда – ложь, факт – мнение, аналитика – патетика, объективное – субъективное. И каждый раз писатель явственно обозначает вектор своих рассуждений. При помощи вводных слов и пояснительных

конструкций он маркирует информацию как *факт* или *личное мнение*, тем самым давая адресату право самостоятельно оценивать степень достоверности сообщаемых данных: «*Однако мое скучное мнение никого волновать не должно. А волновать нас должна реальная ситуация, о ней и поговорим*» («Уроки русского», НТВ, 12.03.2020); «*Это не мое мнение, я вообще могу по этому поводу думать, что угодно; это просто данность*» (Свободная пресса, 23.05.2019); «*Да, потеря мы на некоторых участках несли жесточайшие. Это факт*» («Уроки русского», НТВ, YouTube-канал «Захар Прилепин», 12.12.2019); «*Я вдруг понял к своим 44 годам, что то, чем я все это время занимался, отрывая время от своего основного труда — литературного, это так или иначе попытка создания, прошу прощения за патетику, пресловутого гражданского общества*» (Пресс-конференция о создании движения «За правду», 30.10.2019).

По мнению писателя, истории, политика, социум — это сложные, многокомпонентные субстраты, которые, как и само естество человека, с трудом поддаются осмыслинию, анализу и, тем более, однозначной оценке: «... [и с либералами], и с патриотами у меня **отношения очень сложные**. Они пишут про меня, и я про них тоже пишу» (Интервью в газете «Накануне», 29.04.2019); «*Противопоставление «жертва-палач» не всегда столь линейно, как это может показаться. Оно сложное*» (Интервью изданию «Культ просвет», 23.04.2014); «*Жили себе казаки, пришли большевики и совершили геноцид. Но все это, как мы видим, обстояло несколько сложнее. Мы как-то скромно забываем, что пока большевики хотели совершить геноцид над богатыми или враждебными по отношению к ним казаками, богатые и враждебные по отношению к большевикам казаки хотели совершить геноцид над большевиками*» («Уроки русского», НТВ, 07.11.2019). Автор стремится сам и призывает других не упрощать и не обобщать эти процессы.

Так, об одиночных пикетах он говорит: «*Иногда это похоже на гражданское общество, иногда — на черт знает что, иногда похоже на*

фриков, иногда – на честных, удивленных, озадаченных людей. Очень многим моим соратникам по запрещенной национал-большевистской партии «Другая Россия» не нравятся поправки в Конституцию, они выходят с одиночными пикетами и транспарантами, и я уважаю их право. У меня одна точка зрения, у них другая точка зрения» (Интервью YouTube-каналу «На троих», март 2020). Таким образом, наличие идеологии и незыблемых ценностей – то, что может помочь человеку ориентироваться в метафизическом пространстве.

В авторской программе «Уроки русского» на телеканале НТВ его рассуждения носят теоретический и аналитический характер, однако с ярко выраженным авторским началом. В тех отрезках текстов, где он дает необходимую для анализа и разоблачения манипулятивных целей оппонентов вводную, мы видим подчеркнутую научность стиля речи. Основатель Пермской школы функциональной стилистики Н.М. Кожина в своих исследованиях отмечает, что научный стиль речи отличается понятийно-логической формой, строгой системой аргументации, логическим ходом рассуждений [Кожина, 2008: 264]. Так и у Прилепина тексты, несмотря на свою публицистическую направленность, отличаются:

- **точностью речи**, которая заключается в однозначном выборе слов и использовании терминов: «*Россия является единственной страной, входящей в число топ-50 ведущих стран, в которой с 1991 года наблюдается устойчивое снижение численности населения. За 26 лет естественный рост населения за счет превышения показателей рождаемости над смертностью имел место только в 2013, 14 и 15 годах. Начиная с 2019 года и примерно до 2035 будет иметь место и продолжаться феномен, получивший название в демографической науке «русский крест» – устойчивый превышение показателей смертности над рождаемостью в масштабах с трудом компенсируемых*» («Уроки русского», НТВ, 05.03.2020);

- **доказательностью речи**, которая выражается в указании на источники данных, приведении цитат и ссылок: «*Демографы говорят, цитирую, что*

«картина такова, что население в нашей стране рискует перейти в разряд невозобновляемых ресурсов. Такие потери сопоставимы с жертвами в крупномасштабной длительной войне», – говорят демографы» («Уроки русского», НТВ, 05.03.2020);

- **отвлеченно-обобщенностью высказываний**, которая реализуется путем отказа от личного местоимения Я, использования обобщенно-личных синтаксических конструкций: «*Напомним, за последние 20 лет сократилось на 12%*» («Уроки русского», НТВ, 05.03.2020).

Также приведенные выше отрывки из программы «Уроки русского» позволяют сделать вывод о **стремлении к полноте изложения материала, объективности информации и логичности речи**. Таким образом, тяготение к рациональности и беспристрастности становится отличительной чертой исследуемой языковой личности. В программе подчеркнутая логичность, точность и доказательность изложения, тем не менее, не служат научности как таковой. Все это становится одним из инструментов его авторской выразительности – «интеллектуальной экспрессивности» [Кожина, 2008: 272].

Беспристрастное изложение содержания служит, с одной стороны, маркером ориентации ЯЛ на знаниевый подход и основой убедительности производимых ей текстов. С другой стороны, эти черты усиливают контраст между Захаром Прилепиным и оппонентами, материалы которых он последовательно разоблачает. В известном смысле, это служит примером того, как доказанное и признанное в научной среде знание становится инструментом борьбы с манипуляцией.

Однако наряду с этим дискурс Захара Прилепина отличает сила авторского начала, что обусловлено публицистичностью жанра и медийной природой текстов. Так, Т.В. Шмелева называет важность авторского начала в медиатексте и его стилеобразующий потенциал аксиоматическими [Шмелева, 2010: 11]. По ее мнению, посредством смыслового анализа модуса высказываний, можно выявить сценарий авторского поведения и задачи, которые он перед собой ставит [Там же].

Тексты Захара Прилепина отличает высокая степень персонализации – они всегда отражают его личный опыт и переживания. Те события, очевидцем и участником которых он был, становятся для него непреложным, неоспоримым доказательством его правоты и, более того, утверждением его права вообще рассуждать об этих сложных материалах и делать какие-либо умозаключения. В его текстах всегда звучат имена реальных людей: с одной стороны, его друзей и соратников, с другой – его же оппонентов. Сценарий его авторского поведения таков, что аналитические фрагменты обобщенно-отвлеченного характера, где роль автора минималистична или не выражена, чередуются с языковыми высказываниями, в которых заключены наиболее хлесткие, экспрессивные, эмоциональные мотивы, а также авторская оценка публициста.

Он может позволить себе пуститься в авторское фантазирование: «*Я, знаете, порой, когда вижу и слышу критиков Сталина, мысленно усаживаю их в Кремль в какой-нибудь 1933 год или даже в 1941-й. И знаете, как-то отрезвляет. Сами себе вообразите: фашисты перешли границу Советского Союза, а в Кремле сидят Ксения Собчак, Юрий Дудь и Григорий Явлинский. Представили себе? Мне кажется, это не понравилось бы даже коллективу радио «Эхо Москвы». Они вышли бы на демонстрацию с плакатом «Верните Сталина в Кремль». Думаете нет? А я думаю, вышли бы»* («Уроки русского», НТВ, 19.12.2019).

Или поместить в повествование свои умозаключения: «*Я со слуха художественно понимаю английскую речь, и, пожив в США или бывая в английских барах, совершенно спокойно констатирую: ребята, наши мужицкие разговоры иной раз куда умнее, чем их»* («Уроки русского», НТВ, 05.12.19).

Интегрировать свой личный опыт: «*Мой печальный тридцатилетний опыт наблюдения за тремя поколениями молодых говорит о другом: молодых иной раз нужно не на ручках качать, а палкой гонять, хотя бы время от времени»* («Уроки русского», НТВ, 06.02.2020).

Медиатексты, по Т. Л. Шмелевой, могут иметь как один авторский голос, то есть простое авторское начало, так и несколько – усложненное авторского начала. Тексты второго типа, со сложным авторским началом, она предлагает называть в духе М.М. Бахтина «полифоничными» [Шмелева, 2010: 11]. Публицист Захар Прилепин несомненно полифоничен. С одной стороны, он находит в пространстве своего текста место для заслуженных ученых, статистов, историков, философов, писателей, используя их речь для аргументации своей точки зрения, демонстрирования цикличности истории, подтверждения того, что многие мысли – не его авторства, а авторства признанных умов человечества. С другой стороны, он обширно цитирует высказывания, манифесты и обвинения своих оппонентов – по сути, идейных и идеологических врагов – для дальнейшего комментария, разоблачения или даже высмеивания. Способы введения других голосов различны. Это может быть прямое цитирование, перевод в косвенную речь или передергивание оппонента в зависимости от личного отношения автора к цитируемому, которое становится понятным из общей тональности текста и прямых маркеров субъективности и оформителей прямой речи.

Так, в случае с уважаемыми авторитетными источниками Захар Прилепин может давать пространные прямые цитаты, сопровождая их патетичными авторскими ремарками: *«Великий философ Александр Зиновьев вспоминал о тех днях, когда умер Сталин: «Моя мать, – писал он, – вырезала из газеты фотографию Сталина и вложила ее в Евангелие. Я спросил ее, зачем она это сделала, ведь Сталин был злодей. Она ответила, что Сталин взял на свою душу грехи всех других, что теперь его все будут ругать, и что кто-то должен за него помолиться, и вообще нельзя знать, чего больше вышло из его дел – добра или зла, и неизвестно, что бы на его месте сделал другой» ... <...> У Зиновьева есть еще одно точное и мудрое высказывание: «Сталин был не изобретателем русской трагедии, а ее выражителем, понимаете? Не изобретателем, а выражителем. Он дал свое имя сразу всему: и победе, и всем поражением, и кровавым бесчестиям, и*

невиданной славе. Мать Зиновьева ведь верно заметила: принял вину» («Уроки русского», НТВ, 19.12.2019).

В случае с комментированием, по его мнению, «благоглупостей» оппонентов, он иронично при помощи частиц «де» и «мол» пересказывает речь первоисточника: *«Есть такой популярный YouTube-канал «Еще не Познер» – еженедельные беседы Николая Солодникова с интересными людьми. Зовет он в основном либеральных деятелей <...>. В конце каждого интервью Солодников гадает с гостями по книге стихов Егора Летова. Помните, как там у поэта: «Тычет в книжку пальчик, он хороший мальчик». И все гадают! Отказался только Анатолий Борисович Чубайс. Ведущий возразил, мол, Летов за свою большевистскую активность и прочие антилиберальные наезды давно покаялся, и поэтому можно и погадать. Хотя где покаялся, как – неважно»* («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019); *«Лимонову без конца ставили на вид, что он писатель, писатель, а не политик, вот, мол, и пиши свои книжки, нечего тут лезть в политику»* («Уроки русского», НТВ, 26.03.2020); *«Музыкантов в самом прямом смысле подвергли травле. Как их только не обзывали. Вот-де эти сволочи уводили людей с митингов»* («Уроки русского», НТВ, 12.09.2019).

Использование частиц «де» и «мол», по мнению Арутюновой, связано не просто с передачей чужой речи. Оно также выражает целый комплекс значений, не сводимый к простому цитированию [Арутюнова, 2000: 438]. Наличие этих частиц указывает на то, что говорящий приводит свою интерпретацию сказанного, передает содержание своими словами, и при всем этом его не сильно заботит, согласится ли с такой передачей субъект передаваемого мнения или высказывания.

Кроме этого, мы видим, публицистика Захара Прилепина реактивна. Зачастую информационным поводом становятся уже циркулирующие в обществе мнения его оппонентов, которые так или иначе нарушают правильный (в миропонимании данной ЯЛ) порядок вещей. Своими трудами

он так или иначе пытается восстановить миропорядок, заданный координатами его идеологических убеждений.

Для него важен конкретный адресат, к которому он обращается. Это может быть и сотоварищ по идеологии, представитель великого русского народа, которым пытаются манипулировать враги; и антироссийский либерал; и представитель действующей власти. В случае с первыми Захар Прилепин пытается мотивировать адресата к активному размышлению и знанию освоению действительности. В случае со вторыми и третьими призывает прекратить врать и манипулировать, ориентироваться на известную правду. Отсюда вытекает еще одна характеристика анализируемых текстов – их дискуссионная природа и полемичность, о чем свидетельствует широкое употребление риторических вопросов и вопросно-ответных комплексов.

Современные исследования, посвященные проблематике информационных войн, обычно производятся с оговоркой, что анализируемый орган СМИ или конкретный автор могут не иметь представления о том, что участвуют в информационно-психологическом, идеологическом и политическом противостоянии. В этом случае тексты попадают в выборку исследователя по совокупности факторов – наличию в нем особых признаков информационно-психологического противостояния, таких как преобладание негативно-оценочной информации об одной и той же мишени и отсутствие об этой мишени информации позитивной [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 68].

Стоит отметить, что в случае с Захаром Прилепиным ситуация обстоит совершенно иначе. Исследуемая языковая личность не просто констатирует факт информационной войны – как межгосударственной, выраженной в оппозиции «Россия – Запад», так и внутрироссийской, которую ведут представители разных элит, – но и манифестирует свою особую роль в этом.

Семантика и средства выражения субъективной модальности в публицистическом дискурсе Захара Прилепина. При анализе аксиологической модальности (выраженной в тексте информации об

отношении субъекта говорения к объекту с точки зрения определенной системы ценностей) в дискурсе публициста было обнаружено, что аксиологическая доминанта Прилепина, т.е. понятие, которому он придает особое значение, – это **правда**, которую он выводит за скобки традиционной оценочной шкалы «хорошо» – «плохо»: *«Мы не против всего плохого и ни за все хорошее. Мы за правду. Мы за правду нормального большинства»* (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду» 06.02.2020 года).

Причем оговорка *«правда нормального большинства»* позволяет нам сделать вывод, что в понимании правды автор не склонен к упрощению. По его мнению, есть правда общая, неоспоримая, непрекословная – божеская, недоступная человеку со всеми его земными страстями. Божеская правда, которая возвышается над всем и вся, которую можно попереть, но она все равно восторжествует: *«Нельзя придумать лживую картину мира, всем ее навязать, а потом жить в этой картине мира всегда – она треснет, потому что Бог есть. Придумала себе Украина историю, еще какие-то люди придумали, и даже Советский Союз себе придумал определенный вид истории, который не был построен на лжи, но построен на определенной концепции, и она тоже треснула. Потому что есть только господня история, правда есть. И она всегда будет разъедать все, и все треснет и посыплется. При ближайшем рассмотрении это смотрится отвратительно [о переписывании истории], терпеть это невозможно, надо бороться. Но если попытаться взглянуть сверху, подпрыгнуть и изо всех сил помахать ручками, нормально все. Правда на нашей стороне»* (Интервью YouTube-каналу «Селфи», 15.01.2020).

В разрезе человеческой природы Прилепин допускает наличие у каждого своей правды: *«Наверное, это ощущение, что есть правда одна и другая. Что и там, и здесь живые люди, которые являются заложниками той или иной ситуации, и что они могут быть и замечательными, но при иных обстоятельствах – страшными <...>. Охрана – это ведь тоже в каком-то*

смысле моя родня, люди моей плоти и крови. Я столь же веду свою генеалогию от нее, как и от жертв. Я просто вынужден предоставить ей слово: у нее тоже есть своя правда».

К правде божеской же можно только приблизиться или, вернее сказать, приобщиться: «*Мы настаиваем, я настаиваю, что есть общие вещи. По крайней мере, если не общечеловеческие, то общие для русского мира базовые вещи. Есть норма, а норма – есть правда. Эта норма – про семью, про Бога, про Родину, про Отчество, про честь и доблесть. Понятие правды вмещает в себя все основные базовые понятия, которые важны для нас, в которых мы существуем. Она вмещает в себя это все. Это, конечно, не я выбрал, а мы с друзьями выбрали как основополагающее*» (Съезд общественного движения «За правду», 04.02.2020).

Обратим внимание на то, что понятие правды в дискурсе публициста напрямую ассоциировано с понятием нормы. Отсюда возникает образ «аномальности» всего того, что лежит за пределами авторского миропонимания: «*Это позиция аномальная для носителя русского языка, я на этом настаиваю*» (Интервью YouTube-каналу «На троих», март 2020); «*Иногда антироссийская аномальная пропаганда дает обратный эффект*» (Интервью YouTube-каналу «Селфи», 15.01.2020); «*Я заступаюсь за Советский Союз, за советский проект, как заступался бы за своих родителей, как заступался бы за слабого. Проект подвергается колossalно аномальным нападкам с разных сторон*» (Съезд общественного движения «За правду», 04.02.2020).

И это важно. Аксиологическая система «хорошо» – «плохо» всегда предполагает субъекта оценки – того, кто размещает тот или иной факт реальности на этой шкале, оценивает его, исходя из своих убеждений. Уходя в сторону от этой шкалы и пользуясь терминологией аномальности, Захар Прилепин исключает себя из процесса оценивания, становясь на место беспристрастного свидетеля, констатирующего, что в обществе происходят аномалии как нарушения естественного порядка вещей.

Другими словами, не он, Захар Прилепин, встает на роль судии, выносящего приговор, что есть хорошо, а что есть плохо. Есть общая, природная, божественная норма, которая нарушается, и он, не вынося оценок, лишь констатирует сам факт этого нарушения. Отсюда следует, что, несмотря на возможность наличия у каждого своей правды, антирусская «правда» оппонентов аномальна, противоречит правде нормального русского человека. Конечно, внутренняя форма слова «аномальность» уже содержит в себе сему «плохо», однако уход от традиционной шкалы «хорошо» – «плохо» высвечивает внутреннее намерение автора быть беспристрастным.

Непосредственная оценка по шкале «хорошо» – «плохо» в дискурсе практически не проявлена, это говорит о том, что ЯЛ стремится избегать открытой оценочности: *«Говорят, у нас первое место в мире по числу врачей на душу населения и по количеству людей с высшим образованием. Хорошо, если так»*; *«...сейчас я это предложу, и у нас начнется гражданская война. Нехорошо это? Нехорошо»* (Статья в газете «Накануне», 29.04.2019). *«Советский Союз потерял более 7 миллионов солдат и офицеров, которые на животе проползли от Москвы и Сталинграда до Берлина, а теперь нас через губу вписывают в общий список победителей с этими вот и вон с теми. Нехорошо получается, нехорошо, правда»* («Уроки русского», НТВ, 29.09.2019).

Диаметрально противоположным правде становится понятие лжи. Если с категоризацией правды могут возникнуть сложности в силу широты понятия, то вранье – везде и всегда вранье. И если правда – от Бога, то ложь – от лукавого: *«Люди должны избирать Запад только с одной целью — взять у Запада все, что можно взять, а заплатить второе меньшее. Это и есть национальная политика. Остальное — от лукавого»* (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду» 06.02.2020 года); *«Был у нас урок про казачество, где я спокойно и дружелюбно говорю о том, что донское казачество по сути своей русское, а все эти теории о*

происхождении казаков – от лукавого, потому что казаки появились на Дону только при Иване Грозном» («Уроки русского», НТВ, 26.12.2019).

В своих текстах Захар Прилепин как будто пытается подняться над субъективизированной аксиологией «хорошо» – «плохо» и оценивать все с общечеловеческих позиций «правда» – «ложь», «Бог» – «лукавый», что при детальном рассмотрении переносится и на взаимоотношения семантических полей таких понятий, как Россия и Запад.

Стоит также обратить внимание на экспликацию в текстах Прилепина эпистемической модальности, анализ которой позволяет судить об уверенности субъекта в достоверности/недостоверности высказываемых им суждений.

В целом дискурс публициста отличает строгость и категоричность в ранжировании фактов, мнений, умозрений, что проявляется и в выборе модальных слов. Так, модальность уверенности/неуверенности в достоверности и однозначности своих слов у Прилепина может выражаться при помощи:

- модальных слов (безусловно, конечно, правда):

(1) «Лимонов – это, *безусловно*, бренд России, который сможет и будет представлять ее на мировом уровне однажды».

(2) «*Ну, что про это сообщать: вот стреляют, убивают. Это какая-то дурная бесконечность, правда*».

- предиката «знать»:

(3) «Они мне рассказывают, как в России плохо. *Я сам знаю*, сам живу в деревне в отличие от вас всех».

(4) «*Зато я знаю*, что будут говорить при этом наши либералы, забираясь России под юбку, чтобы им не вывинтили голову бритоголовые».

(5) «*Думаю, да что там думаю, знаю*, причем многих поименно, людей, которые лют крокодиловы слезы по великому по Лимонову и ненавидевших его и все его дела и в 90-е, и нулевые, и в 10-е годы тоже».

Здесь хочется заострить внимание на том, что для Прилепина источником достоверности служит, в первую очередь, знание, для установления истинности которого есть достаточные основания. Модальность уверенности и достоверности могут выражать лексемы «уверен» и «убежден», однако примечательно, что эти лексемы не употребляются автором по отношению к самому себе. В отличие от глагола «знать», краткие прилагательные «уверен» и «убежден» в своей семантической структуре в качестве источника уверенности имеют убеждение или веру – не всегда объективные показатели. Думается, что автору известна эта семантическая разница, потому что в исследуемой выборке предикат «уверен» для экспликации модальности собственной уверенности все-таки встречается единожды: *«Когда я слушаю его духовника, уверен, что Путин очень религиозный человек»*. Здесь Прилепин выражает уверенность в религиозности президента, но источник этого – вера, основанная на словах третьих лиц, истинность которой оспорима. Важно: по отношению к оппонентам предикаты, выраженные кратким прилагательным «уверен», употребляются довольно часто, а предикаты, выраженные глаголом «знать», – наоборот.

Однако мы видим, что в случае с выражением уверенности в достоверности не всегда можно однозначно рассудить, стоит ли за внутренним предикатом действительное знание или сильная вера в свои слова, ведь если автор не отдает себе отчет в субъективности собственной веры, «она становится для него объективным знанием» [Романова, 2008: 44]. И в этом смысле семантика «истинности» уступает место семантике «искренности». Обратим внимание на 1 и 4 примеры. Здесь происходит эффект заражения: абсолютная уверенность автора в достоверности сказанного передается аудитории, но вектор развития мысли Прилепина направлен в гипотетическое будущее, которое может быть, а может и не быть. Здесь экспликация абсолютного знания позволяет писателю моделировать будущее, в которое веришь, а уверенность в своих словах становится средством убеждения адресата.

Вместе с этим точно так же, как Захар Прилепин конкретно постулирует известную ему правду, он не стесняется заявлять и о своем незнании открыто: «*Я не знаю, что у них на уме, честно говоря*»; «*И что нам делать, как нам быть? Я не знаю*»; «*Честно говоря, я не знаю, чего вы такие злые. Всякий раз думаю, может, с войны вернулись?*». И это становится еще одним показателем искренности Прилепина со своей аудиторией, его открытости, а также его сложного отношения к правде. Он выражает симпатию людям, которые «*самым явственным образом не знают правду наперед, а ищут ее, мучаются об этой правде, потому что она болезненна, признана и порой даже страшна*» («Уроки русского», НТВ, 13.02.2019).

Личную авторскую публицистическую оценку, которая опирается на персональное умозаключение или проблематичные суждения (такие, которые нельзя считать достоверными в силу их недостаточной обоснованности), в текстах Прилепина сопровождают показатели модальности неуверенности, сомнительности:

- глагол «казаться»:

«*Мне кажется, что Россия безусловно женская страна*»; «*Мне кажется, что стоило бы законодательно закрепить, что государство заботится о безопасности, соблюдении прав диаспор граждан России*»; «*Вот и сегодня мне кажется, что волнуются они вновь чуть больше о себе, чем о нас*».

- модальные слова (видимо, возможно, может быть):

«*Видимо, как-то нужно оговариваться при произнесении этого словосочетания про многонациональность нашей страны*».

Однако можно заметить, что эта неопределенность в случае З. Прилепина рождена не из неуверенности в своих высказываниях, а из желания намеренно смягчить категоричность априори спорных суждений и выводов. Это тот случай, когда говорящий не хочет сказать точнее. Таким образом, публицист делится своим мнением, но выбор, верить или нет, оставляет за читателем.

Как пишет Романова, ссылаясь на Ю. Н. Караурова и Н. Д. Арутюнову, «модальность неопределенности характерна для русской языковой личности в целом: она согласуется с некоторыми чертами национальной ментальности, с стремлением более к стихии, аномалии, неопределенности» [Романова, 2008: 38]. В свою очередь, экспликация неопределенности в текстах позволяет говорить о том, что перед нами «языковая личность, склонная к описанию гипотетического будущего, не склонная скрывать свою осведомленность или, напротив, умалчивающая, недоговаривающая известное, склонная выражаться намеренно-неопределенno» [Там же], что вполне справедливо и для ЯЛ Захара Прилепина.

Также рассмотрим выражение в текстах Захара Прилепина деонтической модальности. Как пишет А. В. Сытько, деонтическая модальность представляет «выражение отношения субъекта речи к действиям, своим или окружающих, по созданию того или иного положения дел в мире» и является одной из фундаментальных модальностей [Сытько, 2019, 15–16]. «Деонтика связана с принципом реальности и формируется под влиянием стремления организма к самосохранению, поскольку, формулируя законы и устанавливая разнообразные правила о том, каким должен быть сам субъект и этот мир, индивид стремится достичь определенности. Это обеспечивает равновесие и согласование между ним и окружающим миром» [Там же], соответственно анализ этой категории может стать ключом к идеальной, по мнению исследуемого объекта, картине мира.

В рамках изучения деонтики нами были рассмотрены две подкатегории: модальность *долженствования* и модальность *необходимости*, которые, с точки зрения адресанта волеизъявления, отличаются степенью серьезности намерений и обязательности предписаний.

Модальность *долженствования* выражается лексемами *должен*, *должны*, *обязан*, *обязаны* и является в дискурсе Прилепина превалирующей. Так, вышеназванные маркеры встречаются в выборке 112 раз (Можно сравнить: *надо/необходимо* – 84 раза, *хочу/хотелся* – 24 раза). Модальность

долженствования возникает, во-первых, при описании идеального положения дел в стране – того, как это должно быть, в сравнении с тем, как есть сейчас: «*За минувшие десятилетия в стране явно случились огромные перемены, которые требуют фиксации. У нас живая страна, мы, слава богу, живые люди, и законы, по которым мы живем, должны соответствовать эпохе и, так сказать, устремлениям, а не тормозить или путать нас <...>. Ну, давайте тогда не ядерное оружие впишем, а какую-нибудь другую формулировку, мол, при любых обстоятельствах должен быть военный паритет с мировыми державами*». («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020); «*Если бы на уровне риторики мы себя вели чуть более агрессивно, меня бы это порадовало. Но просто за риторикой всегда должна быть какая-то практика <...>. Это должна быть очень умная, продуманная стратегия на уровне культурном, социальном, дипломатическом, политическом и военном. Ее нужно придумывать*» (Интервью YouTube-каналу «Селфи», 15.01.2020); «*Россия должна леветь в экономике и праветь во внешней политике. Это и есть русский баланс*» (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду», 06.02.2020 года).

Частной разновидностью этого случая становится вменение долженствования при произнесении речей программирующего характера. Например, в программных речах политического толка, произносимых на публичных мероприятиях партии Захара Прилепина «За правду». В этом случае предикатом волеизъявления становится не конкретное лицо, а коллективный исполнитель – мы-обобщенное (*мы должны, мы обязаны*), интегрирующее соратников и сотоварищей Прилепина по партии, на которых и возлагается долг по исполнению предписанного. Или при произнесении прочих концептуальных речей идеологического характера, кумулирующих взгляды писателя относительно оптимального образа бытования страны: «*Мы должны создать образ нового, просвещенного, яркого, успешного, образованного патриота, не стесняющегося своих взглядов <...>. Мы*

должны ими стать, нас должны узнавать в лицо (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду», 06.02.2020 года).

«Рассуждения на тему отмирания семьи должны стать уделом маргиналов и фриков. Попытки законодательно обосновать однополые браки и право однополых браков на усыновления детей должны быть мягким образом опровергнуты и пресечены <...>. Пропаганда гедонизма и так называемого комфорта, возведенного в нравственный абсолют и цель человеческой жизни, повторство разнообразным соблазнам не должно носить массовый характер. В медиа, кино и на телевидении все должно носить характер маргинальный, ненавязчивый. <...>. Государственная элита должна состоять из людей, чьи доходы не покидают пределы государства. <...>. Подобные вещи должны быть зафиксированы законодательно» («Уроки русского», НТВ, 30.05.2018).

Во-вторых, эта модальность наблюдается в ситуации отрицания Прилепиным долженствования, навязываемого людям, к которым он себя причисляет (*почему мы это должны?*). Так, зачатую в дискурсе Захара Прилепина рисуется обратная ситуация: не когда он своим волеизъявлением предписывает субъекту определенные нормы и стратегии поведения, а наоборот, когда он оспаривает расхожие в обществе долженствования, вменяемые людям через СМИ и Интернет. Распространенным приемом этого оспаривания становится постановка риторических вопросов к сути возложенного кем-то «долга». Несмотря на то, что в подобного рода высказываниях нет маркеров ни открытого конфликта, ни противоборствующей стороны, интенционально и имплицитно они становятся операторами идеологического противостояния с внешними оппозиционными силами, которые подразумеваются: *«Но я вам серьезно говорю, если 85% населения не желают находиться в составе той Украины, которая сейчас строится, они воспринимают себя русскими, почему мы должны пренебречь волей этого большинства? Почему, я не понимаю, честно говоря, исходя из каких обстоятельств, мы должны сделать, если есть демократия, есть*

*право народа <...>. Кому-то покажутся мои рассуждения циничными, мне нет. Там живут 3 миллиона человек. Говорят: «Мы русские». **Что я должен сказать?** Сидите там, потому что вы не русские, потому что кто-то где-то в 91 году абсолютно незаконно подписал распад Советского Союза?»* (Встреча писателя с читателями, YouTube-канал «Захар Прилепин», 23.05.2019); *«Все, что происходило в Советском Союзе и при Ленине, и при Сталине, касалось по большей части нас самих. **Кто перед кем должен каяться?**»* («Уроки русского», НТВ, 19.12.2019).

В этом смысле долженствование, маркированное лексемой «обязан» в дискурсе Захара Прилепина носит более патетический, этически и нравственно окрашенный характер. О советско-финской войне: *«Да, потери мы на некоторых участках несли жесточайшие. Это факт. Но потери бы несла любая другая армия в мире, не достигая тех результатов, что достигли мы. Тем не менее мы все помним. **Обязаны помнить**»* («Уроки русского», НТВ, 12.12.2019); О погибших ополченцах Донбасса: *«Они передали нам не просто необходимость довести дело до конца, это завет, что мы не имеем права слиться и не сделать то, что мы обязаны делать»* (Съезд общественного движения «За правду», 04.02.2020); *«Сохранение отчизны — обязанность и достоинство всякого русского гражданина и каждого народа, входящего в орбиту империи <...>. Мы все дети Бессмертного полка, сыновья и дочернее уважение к этим лицам — наша обязанность»* («Уроки русского», НТВ, 30.05.2018).

Внутренняя необходимость субъекта представляет собой добровольное обязательство перед собой или другими, потребности, полезность, моральные установки (совесть, долг), внешняя необходимость актуализируется под влиянием социальных норм, то есть возникает в условиях принуждения.

Модальность необходимости, в свою очередь, отличает то, что Прилепин, констатируя необходимость действия, фиксирует не просто идеальный, но потенциальный, то есть осуществимый, характер и обозначает вектор развития ситуации: *«Ельцина надо деприватизировать!»* («Уроки

русского», НТВ, 02.02.2019). «*Да, у наших детей «есть мнение», с которым надо считаться*» (Свободная пресса, 29.04.2019). «*Ощущение беззащитности перед некими людьми в погонах уже утомляет. Надо что-то с этим делать*» (Свободная пресса, 27.11.2018).

Отдельно стоит сказать, что зачастую модальность необходимости у Прилепина возникает как призыв к интеллектуальной деятельности аудитории (*надо понимать, помнить, учитывать, осознавать, отдавать себе отчет*). Это становится своего рода инструментом убеждения адресата в своей точке зрения, ведь если он, адресат, сам пораскинет мозгами, он убедится в том, что З. Прилепин прав, а если адресат не сочтет доводы Прилепина достаточными, то, вероятно, он не додумал, недоосознал – такова импликатура. Мы видим интеллектуальную пропасть между Прилепиным и адресатом, и писатель помогает адресату преодолеть ее: «*Мы все понимаем про телевидение и точно не хотим его спасать, если оно проигрывает конкуренцию Ютубу, но реальность-то надо осознавать, что ж вы, ей-богу*» («Уроки русского», НТВ, 06.02.2020); «*Жить надо в реальности, думать надо в реальности, в реальности надо осознавать себя, бороться, умирать и воскресать*» («Уроки русского», НТВ, 06.02.2020); «*Мы разделены так же, как евреи, надо отдавать себе в этом отчет*» («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020); «*Если формулировать грубее, любой очередной якобы пророссийский Янукович сначала кинет Россию, потом чуть что в нее и прибежит. Это надо помнить, это надо учитывать*» («Уроки русского», НТВ, 05.04.2019).

На уровне модальности Прилепин заявляет о своих принципах и нормах и призывает аудиторию следовать за собой. Выражение воли становится результатом произведенной оценки ситуации и признанием целесообразности того или иного действия, демонстрирует осознание ЯЛ ситуации, которую П. Рикер называл интеллектуальной интенцией, содержащей «проект действия» [Рикер; цит. по: Сытько, 2019].

Таким образом, исследование субъективной модальности показывает, что языковая личность стремится к беспристрастности и непредвзятости.

Оценивает мир не с позиций личных убеждений, а с позиций «господней правды» и нормы адекватного большинства. Опирается, в первую очередь, на знание, в достоверности которого он сам не имеет оснований сомневаться. Оппоненты, наоборот, представляются людьми заинтересованными, предвзятыми, необъективными, апеллирующими в своей системе аргументации к вере в собственную правоту и убеждения, не имеющие под собой рациональной почвы, а не к фактам. Адресат, в свою очередь, выступает не объектом воздействия, а свободно мыслящим субъектом познания, интеллектуальную лакуну которого Прилепин пытается заполнить достоверной информацией, на основании которой адресат самостоятельно должен вынести свое суждение. При дальнейшем анализе текстов языковой личности мы опираемся на домinantные черты его публицистики как таковой: ориентацию на прорусские ценности, контрманипулятивность, высокую степень доказательной базы, полемичность и полифоничность.

2.1.1. Контрманипулятивные стратегии и тактики

В начале второй главы была установлена общая «прорусскость» (слово взято из дискурса самого писателя, который лишает его отрицательных коннотаций и использует в исключительно позитивном контексте для указания на общие и важные для всего русского народа ценности) публицистического творчества Захара Прилепина. Целью настоящего параграфа является рассмотрение основных тактик и стратегий, используемых ЯЛ для защиты национально-патриотических ценностей России и русского народа.

Во всех анализируемых текстах, взятых в совокупности, прослеживается генеральная стратегия апологетики таких идей, как Русская земля; великий русский народ; Русский мир; Родина; Россия – правопреемница СССР; Россия – правопреемница Российской Империи; Россия – победительница в Великой Отечественной войне; Россия – страна с великой историей, языком и

культурой; семья – союз мужчины и женщины, возвращение Крыма в лоно Отечества, защита независимости ДНР и ЛНР, право защищать национальные интересы с оружием в руках; писатель – воин.

В основе данной генеральной стратегии лежат контраманипулятивные субстратегии и тактики, направленные на разоблачение идейных и идеологических оппонентов в самом широком смысле этого понятия. Так, оппонентами Захара Прилепина становятся и либералы, и западники, и ультранационалисты, и сталинисты, и антисталинисты, и представители действующей власти, и «махровые» патриоты, и олигархи, и популярные блогеры, звезды шоу-бизнеса, журналисты – все те «ненавистники всего русского», разношерстные представители антироссийского движения, деятельность которых или непосредственно подрывает национальные ценности, или опосредованно вредит укреплению здорового национального единства, формированию российской идентичности.

Итак, генеральная стратегия защиты пророссийских ценностей воплощается в двух субстратегиях: субстратегии разоблачения – выведении оппонента на чистую воду и субстратегии утверждения позитивного образа прорусских идей.

A. Субстратегия дискредитации оппонента

Заключается в подрыве авторитета идеологических оппонентов языковой личности, снижении уровня доверия к их манипулятивным и инспирированным сведениям путем предоставления достоверной фактической информации. Воплощается путем следующих тактик:

- Тактика уличения оппонента во лжи

Одно из заметных направлений его информационной деятельности – противостояние переписыванию истории. Причем, как отмечает писатель, этот процесс предотвратить на Западе уже невозможно, но нужно бороться со спекуляцией фактами внутри страны. Рассмотрим на конкретных кейсах то, как в публицистическом дискурсе Захара Прилепина реализуется тактика прямого уличения во лжи.

5 марта 2020 года на телеканале «НТВ» вышла очередная серия программы «Уроки русского» – «Урок № 93. Демография тирании и демонстрация демократии», посвященная проблематике репрессий в Советском Союзе. В ней писатель обращает внимание на то, что переписывание истории не происходит само по себе – это не естественный процесс истории. Он зачастую манипулятивно и искусственно инициирован, и у него есть свои творцы. В программе Прилепин называет фамилии этих творцов, например, он вспоминает: *«Помню, в 90-е годы смотрел одну из лекций Эдварда Радзинского по телевидению, и там он рассказывал в своей вдохновенной манере, как сталинская власть жила только за счет гигантской мясорубки, которую не в силах была остановить. Некоторый перерыв, по мнению Радзинского, случился только в период Великой Отечественной. Затем, говорил Радзинский, Сталин снова разжег свой гигантский страшный репрессивный костер. Все это поэтично и убедительно только как поэтическая метафора».*

Намеренно или ненароком публицист дважды повторяет «*поэтично*», «*поэтическая*», называет цитату Радзинского *метафорой*, отказывая ему в достоверности, документальности и научности. Притом эта подчеркнутая ненаучность оппонента вступает в конфликт с определением жанра Радзинского как лекции, которая априори фундаментальна, наукоемка, доказательна. Не напрямую, но косвенно Прилепин обвиняет Э. Радзинского в манипуляции, основанной на стилистической экспрессии и языковой эмоциональности.

Проводя вектор из прошлого в настоящее, тем самым отмечая продолжительность (а далее в этой же программе он назовет это «бесконечностью») спекуляций вокруг темы репрессий, Прилепин упоминает еще одного творца – известного блогера и журналиста Юрия Дудя: *«Вот недавно один сверхпопулярный юноша снял фильм про Колыму, в котором тут же объявил, что через Колыму, то есть колымские лагеря, прошло около миллиона заключенных. Так. С 1932 года, когда был основан Севвостлаг, до*

1953 года, после чего сталинских репрессий уже не было за убылью товарища Сталина, через Колыму прошло 809 601 человек. Не около миллиона. Корректным было бы сказать, около 800 тысяч. Накидывать произвольно 200 тысяч человеческих жизней – это что? Зачем?».

И здесь, как можно увидеть, Прилепин ловит оппонента за рукав на манипуляции цифрами. Если Юрий Дудь в своем фильме называет звучную, круглую цифру – миллион, то Прилепин не только избегает округления, называя всех заключенных вплоть до единиц, но и обозначает временную периодизацию.

Таким образом Захар Прилепин очерчивает ринг информационного противостояния, в одном углу которого Радзинский с его «вдохновенностью», «метафоричностью» и «поэтичностью», Юрий Дудь с его «юношескостью» (читай – инфантилизмом) и участием в «бесконечном, нелепом вранье», а в другом – он, Захар Прилепин, статистические данные, бесстрастные цифры и историческая правда.

Захар Прилепин неоднократно во время программы развенчивает систему аргументации оппонентов, напрямую называя их утверждения – враньем и доказывая это. В качестве доказательства он приводит, по его словам, правдивые, в высшей степени детализированные сведения, что немаловажно, со ссылкой на источники. Он разоблачает «цифровое вранье» оппонентов, указывая на наглое завышение оппонентами количества жертв репрессий: *«И вот мы в очередной раз слышим: «20 миллионов людей прошли через ГУЛАГ». Цифровое вранье – то, что сопровождает практически любой антисталинский фильм или любую антисоветскую книгу <...>. Яркие, круглые, громкие цифры, вбиваемые в подкорку зрителей и читателей – 20 млн прошедших через лагеря и 2 млн погибших там. Обе цифры давно опровергнуты исследователями. Первая преувеличена в два раза <...>. Вторая – примерно в четверть <...>. И так цифры ужасные. Зачем врать-то? Зачем это делать снова и снова?».*

Повышенная градус экспрессивности аналитического текста, Прилепин дает прямую оценку происходящего как «*бесконечного, тупого бессмысленного вранья*».

Еще один прием, реализуемый в программе, – вскрытие умалчиваемой оппонентами информации. Называя «яркие, круглые, громкие» цифры, оппоненты, как отмечает Прилепин, не упоминают, что в составе заключенных в большой ее массе были не только политические, несправедливо осужденные, но и настоящие преступники, шпионы, предатели и диверсанты: «*Обе цифры давно опровергнуты исследователями. Первая преувеличена в два раза, причем речь в ней идет о всех зеках ГУЛАГа, включая уголовников, воров, бандеровцев и бывших полицаев в годы Великой Отечественной войны. Вторая – примерно в четверть, если мы говорим не про всех вместе с уголовниками, а именно про политических*».

Кроме этого, Захар Прилепин вводит в канву анализа ненастойчивый, еле различимый мотив дедемонизации фигуры И. В. Сталина. Он говорит: «*Там можно спорить, насколько конкретный Сталин имел к этому конкретное отношение*». Затем он выводит из-за кулис фигуру Ежова, называя произошедшее уже не шаблонным, растиражированным и набившим оскомину выражением «сталинские репрессии», а, например, «ежовщиной» и «ежовским террором».

Учитывая, что Захар Прилепин в своих статьях и интервью неоднократно указывает на роль писателей в программировании будущего, которое происходит за счет произнесения этими писателями каких-либо идей вслух, постулирования, сеяния идей в массы, не приходится считать этот ход pragmatically нейтральным: «*Сегодня период сталинских репрессий, о которых написаны тысячи книг и десятки статей и расследований, вновь актуализируется. Что ж, в этом есть резон: такую страшную беду надо помнить. Куда печальнее, когда такая трагедия вновь становится поводом для манипуляций и откровенного вранья. Зачем? Если не врать, разве эта трагедия станет менее страшна?*»

Мы видим, что на протяжении всей программы (и публицистики Прилепина в целом) используется **тактика постановки риторических вопросов**, которые, с одной стороны, позволяют автору натолкнуть аудиторию на необходимые размышления. С другой стороны, риторические вопросы становятся единственным способом анализа не до конца раскрытых, понятных, неоднозначных исторических фактов.

К слову, понимая, что манипуляции на теме репрессий направлены, в первую очередь, на эмоциональное воздействие на человека, Захар Прилепин всячески подчеркивает в противовес этому, что он говорит «*языком беспристрастных цифр*», ведет «*внеэмоциональный разговор*», избегает вынесения суждений по поводу самих репрессий, ограничиваясь комментированием сообщений, посвященных этим репрессиям, и намекая, что это единственно правильная стратегия поведения в ситуации, когда речь идет о непостижимых сегодня фактах исторического прошлого: «*Что это все-таки было, мы все не в состоянии ни понять, ни объяснить и, тем более, оправдать*», – заключает он.

Важно, что во второй части программы Прилепин проводит демографическую параллель между Советским Союзом 30-х годов и современной Россией. Несмотря на тианический режим, большой террор и репрессии – страшные исторические факты, которые не поддаются осмыслению, в СССР наблюдался устойчивый прирост населения. Сегодня, напротив, демократическая и свободная Россия испытывает демографический кризис. «*Если мы себе этого не объясним, мы тоже упустим что-то важное, по-настоящему важное <...>. Мы же не воевали, на нас же никто не нападал. Мы же переживали период надежд и становления демократии. Ну, тогда какого черта? Есть ли молодые прогрессивные журналисты, которые готовы говорить об этом, повторять об этом, снимать об этом фильмы?*» – задает вопрос Прилепин, отмечая вместе с тем, что негативно-оценочная актуализация темных моментов истории страны становится в руках оппонентов-манипуляторов ширмой, при помощи которой они отвлекают

внимание людей от более значимых для российского общества проблем. Подчеркивая, что мы, то есть население России, становимся объектом чьего-то умысла (на синтаксическом уровне это выражено в использовании неопределенно-личных предложений), Захар Прилепин пишет: «*Нам настойчиво предлагаю обсуждать наше тоталитарное прошлое. Мы за. Но, может, нам заодно объяснят, как так получилось, что сегодня мы вымираем вообще без репрессий?*».

Таким образом, писатель не просто пытается прекратить манипуляцию на теме репрессий. Он поднимает вопрос, который вряд ли возникнет у обычного среднестатистического потребителя информации: почему спустя столько лет этот исторический факт все еще так активно муссируется в прессе? Почему он становится почвой для манипуляций и спекуляций? Не пытаются ли населению, подсвечивая историческую боль нации, закрыть глаза на куда более актуальные проблемы современного общества?

Писатель, проливает свет на имплицитные интенции коллективного автора манипуляции и тем самым раскрывает такой манипулятивный прием, как формирование выгодной для манипулятора повестки дня: «*Мы продолжим вымирать! Слышите? Нет? Все ведущие демографы констатируют: мы будем вымирать. Пожалуй, я сделаю одно злое заключение к финалу. Возможно, что люди, которые будут в ближайшие годы рассказывать про ужасы сталинского тоталитаризма все-таки отвлекают нас от чего-то более на сегодняшний момент важного. От того выбора, который мы, к примеру, совершили в 1991 году, и за который несем ответственность. Несем крест*», – заключает свой урок Захар Прилепин.

Второй, на наш взгляд, заслуживающий внимания кейс – программа «Уроки русского. Уроки 2019», которая вышла на НТВ 26 декабря 2019 года. В ней Захар Прилепин ведет прямую дискуссию с конкретным оппонентом – питерским историком, имя которого он не называет, раскритиковавшим одну из его предыдущих программ.

В программе, ставшей поводом к открытой идеологической борьбе, Захар Прилепин рассказывает о незаслуженно незнаменитом, по его мнению, моменте советской истории – советско-финской войне, воспевая славу советскому оружию и солдатам, сложившим головы на поле битвы. На что получает развернутую рецензию от «*вроде бы историка*», который, по словам Прилепина, «*беснуется, доказывая всю ошибочность и даже ничтожность*» этой программы. Прилепина удивляет количество поддержавших этого историка русских людей, которые так же, как он, хотят видеть в советской истории только позор. Особенно удивительно это стремление потому, что, как доказывает писатель, все аргументы, приводимые оппонентом, – это ложь и спекуляция.

Обращаясь к конкретному адресату – питерскому историку, писатель видит за ним всю рать своих оппонентов и критиков. Он по пунктам отвечает на нападки со стороны историка. Это позволяет не только в очередной раз подчеркнуть историческую справедливость, но и сорвать маски с идеологических врагов, указать зрителю на манипулятивное переложение ими исторических событий. Таким образом, Захар Прилепин продолжает традицию открытой полемики, начавшуюся со времен переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским и идущую красной линией сквозь всю отечественную публицистику.

В основе полемики лежит прием антитезы, глубоко уходящий корнями в концептуальную оппозицию «свои – чужие». Писатель рисует перед зрителем биполярный мир, где, с одной стороны, есть воспетая Захаром Прилепиным победа, с другой – позор, на котором настаивает его оппонент, с одной стороны, правда, с другой – вранье: «*Я сделал программу о том, что мы вправе быть благодарными нашим солдатам и офицерам за ту победу, потому что там имела место победа. А нашим оппонентам надо чтобы был позор <...>. Я думаю, зачем им так хочется, чтобы был позор? Они скажут: нет-нет, мы просто хотим знать правду. Но если вы хотите знать правду, зачем вы все время врете тогда?*».

Прилепин прибегает к принижению статуса оппонентов, разговаривая с ними на их «детском» языке. Это выражается в использовании слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, намеренном упрощении синтаксического строя речи оппонентов, в обращении к ним посредством лексемы «ребята»: «*Они будут самозабвенно пересчитывать финские самолетики и финский флот и говорить: вот видите, у них мало самолетиков, они хотели только мира. Нет, ребята, нет*». Так он нарочито подчеркивает инфантильность и глупость оппонентов, указывает на то, что им снова и снова приходится объяснять «самые простейшие» вещи – двойной суперлатив свидетельствует о том, что ситуация доведена до крайности: «*Ну давайте еще раз на пальцах объясним нашим любезным друзьям самые простейшие вещи*», «*Историк лениво отвечает, что ... <...>. Но я же русским языком сообщаю, что основная кампания пришла...*». Мы видим, Захар Прилепин указывает, что они с оппонентами говорят на разных языках. Он говорит с ними на *русском*, но оппоненты его не слышат: «*Сравнивать все это с ордой может только глухой с моральной точки зрения человек. Вам вообще не стоит высказываться на эту тему. Слышите, вы не понимаете, о чем речь*». И причина этой глухоты в том, что «*наших оппонентов колотят вообще от российской истории как таковой*».

Все это в соответствии с pragматическими установками Захара Прилепина, должно посеять сомнение относительно компетентности и состоятельности этого источника. Чтобы усилить этот смысл, Захар Прилепин дает прямую характеристику действиям оппонента, называя их «*фантализированием*», «*ведением за нос*» своей аудитории: «*Далее наш оппонент зачем-то начинает самозабвенно фантализировать <...>. Голубчик мой, у финнов было не 30, а от 140 до 180 самолетов, хотя дело, впрочем, не в этом <...>. Но так как читатели нашего дорогого оппонента про это не знают, то он водит их за нос, зато выводит Захара Прилепина на чистую воду и упивается этим*».

Кульминацией этого разоблачения становится следующий эпизод: «*Hy, и хит от наших оппонентов напоследок. Цитирую: “К военным потерям Советского Союза плюсуйте сотни тысяч человек, погибших во время Блокады, которых просто не было бы, если бы СССР не начал эту войну с финнами”. Ах, какая прелесть, не было бы Блокады, если бы мы не злили мирных европейцев. Они не хотели ничего этого. Мы их вынудили. Видите, как ловко шевелятся эти честные пальчики наших оппонентов: одно движение, и в Блокаде мы уже виноваты сами. Видимо, и в Белоруссии тоже не сжигали бы людей целыми деревнями, если бы мы плохо себя не вели».*

Автор указывает на конкретную манипулятивную попытку переписать историю вообще путем частных, вроде бы некрупных, но регулярных фактических отклонений: переформатировать мышление аудитории, заставить ее поверить в «позор» исторического прошлого России, очернить состоятельность Советского Союза, демонизировать вождя.

Захар Прилепин указывает на то, что манипулятор нарушает причинно-следственные связи, использует прием перекладывания с больной головы на здоровую. Чтобы акцентировать внимание аудитории на этом, Прилепин повторяет прием манипулятора – прием домысливания истории в сослагательном наклонении. Общий саркастичный тон, выбор лексического оформления способствуют достижению коммуникативных целей говорящего.

Добавим, в приведенных выше кейсах мы рассмотрели то, как Прилепин реализует в своих текстах тактику разоблачения лжи и манипуляций со стороны оппонентов в комплексе. Так, мы отметили следующие ходы: восстановление причинно-следственных отношений, разоблачение имплицитных интенций оппонента, указание на умалчиваемую оппонентом информацию, разоблачение двойных стандартов в оценке действий, перекладывание с больной головы на здоровую. Однако нужно оговориться, что все эти приемы могут использоваться автором и в отдельных конкретных случаях с целью противостояния распространению лжи.

- Развенчание деструктивных прозападных мифов и ценностей

Дискурс Захара Прилепина отличается скептическим отношением к западным ценностям и той демократии, которую продвигают на международной арене и навязывают другим странам идеологические оппоненты России, в частности Соединенные Штаты Америки. Он подвергает сомнению те смыслы, которыми сегодня оперируют подвижники демократии, и мессианскую миссию этой формы общественного устройства: «Человечество с маниакальным постоянством продолжает клясться по сути своей малозначительным вещами, например, демократией, которая якобы однажды должна спасти все и всех».

Истоки такого скептицизма лежат в демонстрируемом им критическом отношении, основанном на обширном жизненном опыте, знании истории, философии, прецедентности истории и понимании природы человека и человеческого поведения. Притом стоит отметить, что Захар Прилепин не посягает на развенчание мифологемы «демократия» как таковой. Он акцентирует внимание аудитории на процессах трансформации данной мифологемы в интересах заинтересованных лиц, уже потому, что идеология демократов активно продвигается, а порой и агрессивно насаждается, что априори противоречит истинной демократии.

Так, он постулирует одну аксиоматическую для него идею: «*Никакого идеального общественного устройства не существует*». И подвергает ироничной критике людей, которые, на его взгляд, не понимают очевидного: «*Люди проживают целую жизнь, видят вокруг себя сотни тысяч знакомых, наблюдают человеческие поступки и, боже мой, убеждены, что где-то в США или Брюсселе сидят какие-то особенные господа, которые непонятно для чего неистово хотят накормить и обрадовать всех: жителей Африки, обитателей трущоб Латинской Америки, украинцев, прибалтов – всех. И даже русских. Даже русских. Русских особенно. Ну где вы видели этих людей? Как вы их себе представляете? На кого они похожи? На Трампа? На Меркель? На английскую королеву? Почему взрослые многомудрые граждане вдруг отключают свою логику, когда заходит речь об этих вещах. Почему*

никто не тряхнет головой и не скажет: “Да что это такое? Что за бред происходит вообще?”».

Если вы считаете себя взрослым и многомудрым, то должны это понимать и так.

В представлении Захара Прилепина, миф о демократии как идеальной форме общественного существования складывается из нескольких компонентов: США – идеальная модель демократии, на которую нужно равняться; в США демократия есть, а в России – нет; демократия дарует неограниченную свободу. В ходе программы Прилепин бросает критический взгляд на все эти компоненты и подвергает их анализу.

Так, для развенчания мифа о том, что США – образец демократии, Захар Прилепин проводит параллель между человеком, со всеми его человеческими страстями и неидеальностью, и государственным аппаратом. Притом он не просто низводит государство до человека, но и помещает его в негативно оцениваемый однородный ряд, в компанию к негодяям:

«Когда вам говорят, что есть наилучшая схема общественного устройства и сейчас ее испытывают на вас, знайте, что вы имеете дело с мошенниками».

«Есть люди, которые играют в наперстки и всех обыгрывают, есть люди, которые берут в долг и навсегда пропадают с вашими деньгами, есть люди, которые дают в долг, а потом сажают вас в сарай на цепь. Еще есть люди, предлагающие демократию, которая вылечит от всего. Худые станут толстыми, толстые – худыми, слепые прозреют, зрячие научатся видеть сквозь землю. Этого не будет. Слышите? Этого не будет никогда».

Этот прием вполне объясним. Изучению феномена государства посвящена уйма философско-этических, социально-политических и идеологических трактатов. Объяснить основы межгосударственных отношений, апеллируя к ним, в рамках публицистической получасовой передачи на ТВ, рассчитанной на среднестатистическую аудиторию, не представляется возможным. Низведение образа государства до сути человека

позволяет Захару Прилепину на пальцах объяснить массовому адресату существующий порядок вещей, внедриться в устоявшиеся у него логические цепочки и нанести по ним удар, разрубив целые узлы алогизмов и несостоятельностей.

Так, он апеллирует к бытовому сознанию обывателя, выстраивая следующую логическую структуру: человек эгоистичен и заинтересован только в себе. Для достижения своих целей он готов пойти на хитрость, корысть, ущемление прав других людей. Вы, аудитория, к которой я обращаюсь, знаете это сами из своего личного опыта взаимодействия с другими людьми. Это – бытовая аксиома. Государство – человек. Оно управляет такими же людьми. Оно преследует исключительно свои и ничьи более цели. Из этого следует, что вера в благопорядочность США – заблуждение: *«Неужели мы никак не догадаемся, что всякая сила заинтересована лишь сама в себе? Сила не испытывает никакого желания стать слабостью, жить себе в ущерб, отнимать у себя самой»*.

Для подтверждения своей точки зрения Захар Прилепин проводит оппозицию «реальное положение дел внутри США» – «внешнеэкономическое и внешнеполитическое поведение США». Ссылаясь на открытые официальные источники и статистические данные, Захар Прилепин наносит удар на богатство страны цветущей демократии, на равенство всех ее граждан: *«Вот есть США. 86% американских рабочих старше 60 лет планирует работать и после 65 лет. Согласно Forbes, состояние 400 самых богатых американцев превышает общее состояние 150 миллионов граждан США. В настоящее время 1% самых богатых американцев в мире имеет больше денег, чем 90% граждан США. Треть американцев считают себя малообеспеченными или бедными ... согласно ряду опросов, до 60% граждан США уверены, что американская модель экономики не работает подобающим образом»*.

Затем он в ироничной дискредитирующей манере, примитивизируя и пародируя процесс принятия политических решений, опускает его до диалога

двух явно глупых людей. Явная коммуникативная цель автора – не столько дискредитировать США в их показном стремлении помочь другим государствам, сколько показать людям смехотворность их шаблона мышления и высветить нелогичность веры людей в добродорядочность и исключительно благие намерения США:

«Но при этом вдруг собираются американские капиталисты и говорят:

- Что-то совсем плохо стало жить на этой, как ее...*
- На Аляске?*
- Да нет.*
- На Ямайке?*
- Да нет, нет.*
- На Украине?*
- «В» Украине надо говорить.*
- Окей, в Украине. А где это?*
- Не знаю, где, но плохо.*
- Надо им помочь, давайте им дадим денег. Тонну. Отсчитайте, пожалуйста, тонну денег и отдайте их Украине.*

– Может, хотя бы отдалим одну тонну денег для помощи Гаити? Там 90% граждан живут на 1 доллар в день

– Нет, Украине, им трудней».

Отметим, автор избегает эксплицитного оценивания положения и поведения США, заключая смыслы, направленные на дискредитацию США в импликатуру. Это смыслы типа: «на самом деле в США все не так хорошо, как это демонстрируется проамериканской пропагандой», «США – далеко не богатая страна с сильным социальным расслоением», «во внешнеполитической стратегии США опирается на личные злые намерения». Он не говорит об этом прямо, но подразумевает это, следовательно, происходит имплицитное формирование дополнительных смыслов, формулировать которые в полной мере необходимо адресату.

Так же Захар Прилепин описывает и политический строй США: «*В США республиканцы и демократы борются, как приговоренные, друг против друга. Это считается вершиной демократии. В то время как в этой дивной стране существуют сложные высокотехнологичные системы блокировки любых других партий, претендующих на власть. Ни при каких условиях в США не будет создана система, при которой коммунисты смогли бы всерьез надеяться возглавить страну».*

В имплицатуре его высказываний содержится информация о том, что политическая борьба – это профанация, игра, а демократия – ширма.

Далее Захар Прилепин освещает еще один компонент мифа о пресвятой демократии: в США демократия есть, а в России – нет. Для этого он прибегает к приему гипотетического моделирования реальности: «*В США есть демократия, а у нас ее нет. Но все-таки задумайтесь Один Буш был 41-м президентом США, другой, его сын, – 43-м. 42-м был Клинтон, а 44-м должна была стать его жена. Вообразите себе такое в России, что одним президентом будет жена Дмитрия Медведева, а следующим – дочь Владимира Путина. Вообразили? Я себе такого даже представить не могу. А жители США живут в подобном контексте и уверены, что у них все отлично, а у нас нет. Чтобы прокомментировать подобные перестановки на посту российского президента, наша прогрессивная общественность истратила бы тонны бумаги, стерла пальцы о клавиатуру, остря, шутя, гогоча и гыгыкая. А тут ничего. В США все нормально».*

К прямому проведению аналогий между двумя странами: «*В США у Наома Хомского есть подвальные колонки в журнальных подвалах строчек на 100, и его взгляды никто не позволит транслировать на всю страну. Но, перемещаясь по России, постоянно обращаю внимание, что во всех самолетах и поездах из пяти, к примеру, изданий четыре являются жестко или мягко оппозиционными нынешней власти».*

К прогностике и прогнозированию торжества истины в его понимании: «*Мы еще доживем до того времени, когда разумные люди в мире будут*

искренне считать Россию самым демократическим государством Европы. Но на фоне того, что творится и будет твориться в мире, это не будет иметь ни малейшего значения. Главное – не обозлиться и не возгордиться. Главное спокойно и последовательно делать свое дело — строить свою страну, невзирая на то, как там у них».

Вернемся к тому, что Захар Прилепин не претендует на оспаривание демократии как таковой. По сути, он утверждает, что это понятие претерпело семантическую трансформацию, это понятие утратило свое исконное значение в результате манипулятивного влияния заинтересованных сил: «*Мы вступаем в увлекательные времена. Прежние понятия временно потеряют свой смысл, и демократия – первое из этих имен*».

Вместе с опровержением последовательно навязываемых обществу искаженных стереотипов о демократии Захар Прилепин дает свои дефиниции понятию «демократия»: «*Истинная демократии – это всего лишь способ жизни народа, удобный именно этому народу и никакому другому. Народом может управлять царь, а может – три царя сразу. Это может быть республика, а может – казачий круг. Это может быть все сразу плюс амазонки в парламенте вместе со своими лошадями и ежегодно переизбираемый фараон <...>. Демократия в этом, ни в чем другом, личный выбор большинства людей*».

Кроме этого, писатель претендует на разоблачение базового понятия демократии – свободы. По его мнению, «*современная демократия – органичное сочетание тотального контроля с массовым производством всех новых и новых фиктивных свобод*». Для достижения этого он использует ироничное моделирование событий, обращение к прецедентным текстам, рождающим в голове адресата цепь ассоциаций, прием контраста, «хочешь» – «получи»:

«Знаете, говорит рядовой гражданин, я хочу выбрать такую форму общественного устройства, где 75% национального богатства не будет принадлежать 1% населения, где обычный учитель или врач может, не имея

миллиона долларов, баллотироваться в парламент, имея все шансы победить, где за год состояние миллиардеров не увеличивается еще на 100 миллиардов, в то время как бедные становятся еще беднее. Ему говорят, этому гражданину: ау, вы что Шариков? Вы все хотите отнять и поделить? Смотрите, что у нас есть для вас, вы можете выбрать себе пол».

«...гражданин должен быть счастлив исключительно тем обстоятельством, что раз в 4 года разрешается подойти с листочком к урне, где он выберет из тех, кого можно».

Развенчание поддерживается и на уровне лексического оформления текстов. Для описания демократии и ценностей демократии используются не только слова исключительной экспрессивности с негативной семантикой, дисфемизмы, но и концептуальные метафоры: «*Капитализм – это все убил, надругался <...>. В этом таится особая максимально (если не сказать маниакально) циничная сущность капитализма – убить кого-то и, стоя на свежей могиле, рассказать, как дорог был ему покойный*».

Более того, Прилепин прямо указывает на мифическую суть демократии, ее вымышленную природу, помещая демократию «между гномами и единорогами» – изначально сказочными понятиями, ставя демократию в оппозицию реальности: «*Те, кто этого не понимают, не хотят иметь дело с реальностью, а хотят иметь дело с магическими знаками, ритуалами, фильмами про Гарри Поттера, хоббитами и русалками. И с демократией, чуть не забыл. В этом списке не хватает только демократии. Есть такое слово между гномами и единорогами*».

Он сравнивает веру в демократию с религией: «*И в еще скажите мне, что в этом нет никакого религиозного чувства. Вера в демократию и американский образ жизни – истинная религия. Просто некоторые стесняются в этом признаться*».

Для укрепления в головах аудитории мысли о мифичности и призрачности демократии, которая всех спасет, Захар Прилепин выводит на авансцену предыдущую жертву проамериканской демократической

пропаганды – Европу: «*Удивительно, как на все это купилась Европа, на все эти бесконечные внутриполовые различия, мазохистскую толерантность и параноидальную политкорректность. В то время как проблемы вообще не там*». Далее публицист последовательно перечисляет социально-политические трудности, с которым столкнулись страны Евросоюза, констатируя плачевное положение дел в Европе. Он заключает: «*Демократия – безусловный блеф, когда страны, входящие в Евросоюз, не имеют права назначить цены на буханку собственного хлеба*».

В этом выражении обращение к буханке хлеба не случайно. Для русского человека хлеб имеет сакральное значение, о чем говорит наличие в русской языковой картине мира таких паремий, как «Хлеб – всему голова», «Хлебом не шутят», «Заработать себе на хлеб» и др. Для русского хлеб – основа жизни. Лишив Европу права управлять своим хлебом, демократия лишила европейцев основы, самости, национальной идентичности.

«*Выход у Европы только один – правый популизм. Чем правее, тем лучше. Вместо липовых правых скоро начнут выбирать радикальных правых. Все правее и правее. Вы думаете почему Европа так мало удивляется нацистским шествиям на Украине. Коммунистов в Европе дискредитировали и смяли, оставшиеся левые дискредитировали сами себя. Мы еще увидим свастики или стилизованной свастики в добродой половине Европы*».

«*Но даже это блеф именно в силу существования бесконечной системы издержек и непрестанных случаев массовых манипуляций и прямых подлогов однажды приведет к радикальной перегрузке. То, что США вдруг выбрали Трампа, а английские рабочие захотели сбежать из Евросоюза – еще ерунда. Украина – европейская страна только в том смысле, что там самые злые и активные желают выбрать кого-нибудь вроде Гитлера. Порошенко слишком хороший для них*».

«*Зато я знаю, что будут говорить при этом наши либералы, забираясь России под юбку, чтобы им не вывинтили голову бритоголовые. Они будут*

продолжать кричать из-под юбки, что никогда с Европой не случилось бы ничего подобного, если бы Россия не была такой агрессивной».

Далее Захар Прилепин надевает маску «пророка», вещающего очевидные, априори логичные выводы, которые к концу программы и без того должен был сделать всякий «взрослый, многомудрый» человек. Он использует внутренний предикат «я знаю» и предрекает, а по сути программирует негативные события будущего. Таким образом он подводит к выводу, что следование демократии, которую продвигают заинтересованные в своей выгоде США, не приведет ни к чему хорошему, что, в свою очередь, доказала попавшая под разлагающее влияние США Европа.

Вышеописанный пример – это пример комплексного целенаправленной демифологизации, реализованный в публицистической аналитической авторской программе Захара Прилепина. Она отличается прагматической определенностью, логической стройностью. Однако и в живом общении, например, в одном интервью Захар Прилепин говорит: *«В чем самая главная ошибка российского либерализма? В общем они правы: государство – монстр, который равнодушен к маленькому гражданину, и демократия весьма сомнительная у нас, социальная система так себе, силовики жестокие – все верно до этой точки. Дальше они говорят, что есть нормальные страны, есть западные цивилизации, есть европейский образ жизни – все, дальше начинается фигня. Потому что этого ничего нет. Потому что все нормальные люди, которые были в Европе, это знают <...>. В принципе, Троицкий, Козырев, Антоша Долин – все эти ребята тоже должны все это знать. И я думаю, что они знают. Ну, и сказали бы, что вообще весь мир во зле лежит. Просто весь мир – зло. Тогда нормально. Тогда я скажу: ребята, братья, здравствуйте! Конечно, весь мир – зло. Давайте вместе Богу помолимся. А то, что вы начинаете кривляться, рассказываете мне про прекрасную Францию. Во Франции 20% французов в отпуск не ходят, потому что у них денег на это нет».*

- Тактика навешивания ярлыков

Н.Е. Булгакова определяет словесные ярлыки (СЯ) как «словосочетания с пейоративной коннотацией социального или общественно-политического содержания, с ослабленным, иногда утраченным денотатом и гипертрофированной коннотативной частью семантики. Она перечисляет следующие признаки словесных ярлыков: СЯ – это лексическая единица, выраженная именем существительным (или словосочетаниями типа «существительное + существительное», «существительное + прилагательное»), в которой в ущерб денотативному значению гиперболизуются коннотативные семантические пластины с односторонне-пейоративной коннотацией. К ядру семантического поля СЯ автор относит лексемы со значением ‘враг’, ‘враждебность’ и т. п. Кроме этого, СЯ содержат семы ‘общественный’, ‘социальный’, ‘политический’, ‘государственный’. СЯ стереотипны и клишированы. «СЯ санкционированы определенной идеологией: противоборствующих партий, политических деятелей, навешивающих ярлыки своим оппонентам (врагам) с целью манипуляции сознанием слушателя / читателя, т. е. для формирования у собеседника определенного восприятия и оценки называемых референтов. Функция СЯ по отношению к политическому противнику, оппоненту агрессивная, дискриминирующая, а по отношению к читателю/слушателю — манипулятивная», – заключает Н. Е. Булгакова [Булгакова, 2012: 45–46].

Так, ярлыком в дискурсе Прилепина становится, например, лексема «*прогресс*», которая используется для характеристики процесса европеизации общественной жизни в России. Денотативное значение этой лексемы размывается, в него включаются такие смысловые компоненты, как ‘ненависть ко всему русскому’, ‘разрушение семейных ценностей’, ‘демографический кризис’ и, по сути, ‘вырождение нации’.

Производными ярлыками в этом случае выступают разнообразные словосочетания с прилагательным «*прогрессивный*»: *прогрессивная интеллигенция, прогрессивная общественность, прогрессивный журналист* и

т.п. – которые употребляются для обозначения действующих лиц и движущих сил этого процесса:

«Мы понимаем, что такое предложение вызовет бешеное недовольство среди нашей прогрессивной интеллигенции внутри России и у наших ближайших соседей. Почему? Да потому что даже в нынешнем своем состоянии мрачная, несколько коррумпированная, несколько диковатая Россия остается для миллионов бывших жителей СССР и не только для них куда более привлекательной страной, куда более привлекательным местом обитания, чем те государства, где они живут» («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020).

«... Зато наследников поэта Печорина, написавшего, как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтожения, – вот его наследников хоть пруд пруди. Толпами бродят. Это прогресс, ребята, такой вот у нас. Прогресс, извините» («Уроки русского», НТВ, 17.10.2019).

«И что тут началось в прогрессивных кругах, социальных сетях, в либеральных изданиях. Музыкантов в самом прямом смысле подвергли травле. Как их только не обзывали: вот-де эти сволочи уводили людей с митингов. Наша прогрессивная общественность любит рассказывать, как власть и патриоты всех ссорят и делят на чистых и нечистых. Но, боже мой, они делают это куда лучше других» («Уроки русского», НТВ, 12.09.19).

Становится ярлыками и такие понятия противоборствующей идеологии, как «либерал», «либеральный», «либерализм», «демократия», «западник», «Запад», «буржуа», «диссида» – по сути, детерминологизированные единицы, вследствие многократного использования в идеологически окрашенном контексте утратившие свое исконное денотативное значение. Более того, в ранг ярлыков переходит и само понятие «оппозиция». В их значении гиперболизуется сема ‘вредное, антирусское, антигосударственное’.

«Оярлычивание» происходит, во-первых, путем добавления экспрессивных, негативно окрашенных атрибутов. Западники у Прилепина – *оголтелые, скучные и осклизлые*; либералы – *антироссийские*,

бессмысленные, пустые, непоследовательные: «Наша важнейшая задача — перезагрузка самого понятия оппозиции. Престарелые, скучные, осклизлые западники, надоевшие не намедни, не 600 секунд назад, а уже 25 лет как надоевшие» (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду» 06.02.2020 года); «Либерал посмотрит на вас бессмысленными честными газами, не выражающими и не отражающими ничего» («Уроки русского», НТВ, 12.12.2019); «Они последовательно агитировали против всех прорусских выступлений на территории Прибалтики, активно выступали за антироссийское движение в Белоруссии, поддерживали там оголтелых западников» («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020).

Во-вторых, при помощи помещения ярлыка в уничижительные глагольные словосочетания. Так, «*оппозиция*» – это понятие, которое нужно перезагрузить, «*буржуазия*» – то, из-под чьего влияния необходимо выйти, чтобы помочь «*своим*»: «*Крымские события стали обескураживающими в том числе и потому, что российское государство, наконец, хоть на какое-то время, вышло из-под влияния буржуазии и — помогло своим*» («Люди, которым здесь плохо», «Свободная пресса», 09.08.2019); «*либерализм*» – то, что пытается перекраивать мозги: «*Либеральная попытка влезть в мозги, перекроить их, выжать и засунуть другие вызывает в людях чувство отторжения*» (Интервью YouTube-каналу «Селфи», 15.01.2020).

В-третьих, за счет проведения аналогий и сравнений. Так, цитируя Егора Летова, Прилепин сравнивает либералов и демократов с тараканами – насекомыми, имеющими в русскоязычной культуре далеко не самые позитивные коннотации: «...нашествие либералов и демократов – как тараканий праздник» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019). А также при помощи помещения данных понятий в негативный однородный ряд. Например, здесь он намекает на финансирование либеральных сил иностранными структурами: «*Вся квази-либеральная интеллигенция и некоторые спонсоры за пределами страны*» («Уроки русского», НТВ,

24.10.2019). Или за счет помещения лексемы в ироничный или дискредирирующий контекст: «*Что, дорогие мои либеральные друзья, это все? Подписываетесь под каждым словом? Что, опять нет? Ах, незадача какая*» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019).

В-четвертых, за счет словообразовательных манипуляций, например, усечения (*диссиденты – диссида*), префиксации (*буржуа – сверхбуржуа, либералы – квази-либералы*), суффиксации (*либеральный – либеральнеңъкий*).

Более того, так как эти слова зачастую используются как контекстуальные синонимы, между ними происходит взаимообмен семами, и в дискурсе Захара Прилепина то, что сказано о либералах, справедливо и о западниках, и наоборот.

Стоит отметить, что словесным ярлыком в дискурсе Прилепина является и такое, по мнению А. П. Сковородникова, жизненно важное для народа понятие, как *«патриот»*. Однако справедливости ради нужно подчеркнуть, что семантическое поле данного понятия у Захара Прилепина раздвоено. С одной стороны, в российской общественности, согласно автору, есть группы людей, называющих себя патриотами и тем самым дискредирирующих это понятие. В упоминаниях такого рода людей слово *«патриот»* выступает негативно окрашенным социально-политическим ярлыком.

«Потому что у нас в России в сложные времена откуда-то нарождаются целые грибницы махровых патриотов, которые, если им волю дать, закатают в асфальт всех подряд» («Уроки русского», НТВ, 05.12.2019).

«...патриоты превращаются в ликующих мракобесов, а либералы вдруг — сам тант, сама человечность. Нельзя, чтоб мы, патриоты, поприличней как-то выглядели? Подобреи, почеловечней» («Добрые люди в Кремле и злые люди вовне», «Свободная пресса», 27.11.2018).

С другой стороны, понятия *«патриотизм»* и *«патриотический»* выводятся Прилепиным в когорту непреложных ценностей российского государства. В таком случае эти понятия выступают, скорее, в роли

«оценочных антонимических коррелятов политических ярлыков — политических глорификаторов, или апологетизмов» [Сквородников, Копнина, 2019: 44].

«Мы должны создать образ нового, просвещенного, яркого, успешного, образованного патриота, не стесняющегося своих взглядов. Патриота, отстаивающего свои взгляды, а в случае необходимости навязывающего свои взгляды, умеющего разрабатывать безусловно оппозиционную и даже радикально оппозиционную стратегию и претворять ее жизнь» (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду», 06.02.2020).

- Тактика доведения до абсурда

Н. Б. Руженцева в монографии «Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе» относит тактику доведения ситуации до абсурда, другими словами, утрирование, к прямым тактикам эмоционального воздействия. Успех тактики она связывает с «особенностями психологии масс, в частности с мифологичностью сознания человека» [Руженцева, 2004: 138-139]. Такие высказывания, пишет она, мифичны, «потому что они ярче, необыкновеннее, проникновеннее, чем окружающая человека обыденность. Кроме того, они объединяют в связный рассказ рассеянное эмпирическое знание с отступлением от критерия истины (иногда весьма существенным) и одновременно с использованием элементов драматургии» [Там же].

Захар Прилепин выбирает объектом саркастического утрирования диффамации в сторону прорусских ценностей, которые циркулируют в оппозиционной идейной и идеологической среде. Подвергая антироссийские нападки осмеянию, он как бы демонстрирует заведомую несерьезность выдвигаемых оппонентами тезисов. Это они в своем желании очернить национальные идеи русских, по мнению ЯЛ, доводят все до смешного. Он, Захар Прилепин, лишь продолжает развивать их логику, доводя все до полнейшего абсурда. Помещая существующие в антироссийском дискурсе

стереотипы и клише в усугубленно смешной контекст, автор понижает их значимость.

«Николай Медведьевич Гоголь-Береза. Истинный русский. Характер спорадический, невыдержаный. С товарищами по работе поддерживает алкогольные отношения. Отличный спортсмен: черный пояс по игре на балалайке. Шестеро детей. В связях, не порочащих его, замечен не был. Беспощаден к врагам водки» («Уроки русского», НТВ, 22.12.2017).

«Планы у нас следующие. Допинг отныне будут есть не только спортсмены, а вообще все жители страны. На каждую санкцию против России мы будем отвечать атакой хакеров или атакой беженцев, нам все равно. Курс молодого бойца в российской армии будет проходить строго по лекалам Голливуда. Все солдаты будут такие же страшные и пьяные, какими вы их изображаете. Солдаты тоже будут на допинге. Если они так любят фильмы ужасов, мы будем их фильмом ужасов. Поверили? Шучу» («Уроки русского», НТВ, 22.12.2017).

Порой Захар Прилепин прибегает к ироничному мимезису – ерническому подражанию, передразниванию оппонента: «Это была пропаганда либеральная. Смысл ее примерно такой: Советский Союз – зло, там все врали, мы даже в космос, скорее всего, не летали, а только вводили войска то в Чехословакию, то в Венгрию, а Запад – наш друг и брат, мы будем строить прекрасное капиталистическое общество, а кто в него не вписывается, сам виноват, пусть сосет лапу и собирает грибы, нечего тут жаловаться и ходить туда-сюда с портретами Сталина, лучше учитесь работать и встраиваться в рынок, рынок все отрегулирует; а если где война, в Чечне, например, или в Сербии, или еще где-то надо сдаваться и свою имперскую спесь поумерить, а если кто хочет революцию, имейте в виду, лимит революций исчерпан, холопы уже устроили революцию в феврале 17-го, и мы знаем, чем все это закончилось; вся страна тогда забыла дорогу к храму, говорили нам, и стала бензоколонкой с ядерной бомбой; теперь мы наконец-

то зажили нормальной жизнью, и у нас 30 сортов колбасы – цивилизация вернулась» («Уроки русского», НТВ, 13.02.2020).

Б. Субстратегия утверждения позитивного образа прорусских ценностей

Вместе с последовательной работой по предотвращению искажения исторической правды путем указания на диффамации, логические уловки и фактические ошибки, разоблачения черных мифов, нацеленных на деструкцию национального самосознания, Захар Прилепин работает на укрепление и продвижение важных для него идеологем, заключающих в себе позитивный образ прорусских ценностей. Даная субстратегия при помощи разных тактик, в частности, защиты прорусских мифов от чужеродного влияния, «зацепки» за прецедентный текст, когда историческое прошлое государства становится залогом светлого будущего, срываания ярлыков. Остановимся на них подробнее.

- Тактика защиты конструктивных прорусских мифов и ценностей

В параграфе 2.1.1 настоящей диссертации мы рассмотрели на частном примере, как Захар Прилепин развенчивает прозападные мифы, которые, по его мнению, являются деструктивными для российской государственности. Вместе с этим он всячески защищает белые, конструктивные мифы, способствующие укреплению национального единства.

Для начала стоит указать, что эта деятельность не ведется публицистом неосознанно. Он прекрасно понимает значение истории, сказаний, литературы – всех тех источников, которые способствуют укреплению мифов, для национального самосознания народа. В одном интервью он говорит: *«Любой народ из мифа рожден и мифом держится»*. Это служит очередным доказательством того, что любовь к Родине, защита русского мира, продвижение прорусских ценностей – сознательно выбранная стратегия публичного дискурса Захара Прилепина, и больше – образ жизни.

«Мы стали теми, кто мы есть, благодаря русской литературе. Наши национальный характер – это то, что описано у Толстого и Достоевского. Так нас воспринимает весь мир. Но до людей это не доходит. Они думают, что есть мы с нашими страстью, а есть какая-то литература. Но ведь любой народ из мифа рожден и мифом держится, пока живет внутри этого мифа. У каждого народа возникает героическая песня, и из этой песни вырастает целый народ. Она продолжается, звучит, укрепляется прозой, поэзией, философией – и народ развивается. Если эти скрепляющие веи исчезают, если нет ни прозы, ни поэзии, ни философии – нация рассыпается. Она не может жить, покупая только холодильники или вентиляторы, она исчезает» (Интервью изданию «Культ просвет», 23.04.2014).

Захар Прилепин – поборник прорусской идеологии. Лейтмотивом всего его публицистического творчества становится следующий тезис: «Живите, как хотите, но к нам, пожалуйста, не лезьте»: *«Пусть они страдают про свои про американские дела, про кого угодно пусть страдают, но не про нас. И мы в дела других стран лезть не будем, и если там надо разрушить институт семьи и насадить невиданное сверхгендерное равновесие, то ради бога. У нас земли много, а детей мало, так что к нам, пожалуйста, не лезьте, даже с самыми благими намерениями, которыми, как известно, устлана дорога в ад»* («Уроки русского» НТВ, 12.03.2020).

«Так что все, кто устал быть русскими: ну ради бога, смените гражданство и запишитесь в небесные арии. Только молча и тихо. Не надо тут руками размахивать. Всем, кому хочется покаяться за вечный позор, – идите и покайтесь лично, тихо и не лезьте ни к кому» («Уроки русского», НТВ, 26.12.2019).

Прилепин поддерживает миф об особой миссии России, об особом пути, который необходимо пройти, не оглядываясь «а как там у них?»: *«Пусть прогресс идет стороной. Пусть нас оставят в покое со всеми этими новшествами. Пусть Россия выглядит дико на фоне просвещенного человечества. Ничего, переживем»* («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020).

Одной из главных идей, которую продвигает Захар Прилепин, заключается в том, что Россия была, есть и будет империей. Что интересно, семантическая структура лексемы «империя» в дискурсе Захара Прилепина претерпевает изменения. Согласно словарю В. И. Даля, ИМПЕРИЯ – это «государство, которого властелин носит сан императора – неограниченного, высшего по сану правителя». В словаре С. И. Ожегова читаем, что ИМПЕРИЯ – это «монархическое государство во главе с императором; вообще государство, состоящее из территорий, лишенных экономической и политической самостоятельности и управляемых из единого центра».

Мы видим, что в общественно-политическом дискурсе империя понимается как особый тип государственного устройства с сильной, неограниченной властью правителя. Захар Прилепин же нивелирует этот смысл в своих текстах, определяя империю как «форму жизни», причем «единственно адекватную», «нормальную, природную» форму жизни.

Подобный процесс отмечен в словаре по политологии под редакцией В.Н. Коновалова, в статье, посвященной понятию «империя», отмечается, что со временем оно изменилось. «Империей обозначается крупное государственное образование, объединяющее несколько стран и народов вокруг единого политического центра под эгидой универсальной идеи цивилизационного, религиозного, идеологического, иногда экономического» [Мудриченко, 2010: 76].

Таким образом, в дискурсе З. Прилепина термин «империя» частично деполитизируется, утрачивает исконно политические семы и приобретает идейные. На первый план выходят такие компоненты смысла:

- ‘крупное государственное объединение с единой верой и идеологией’: *«Россия должна сама себе честно объявить, что я – большая страна, я – империя, есть мировые политические интересы, есть внутренние интересы, есть православие и традиционные ценности, есть норма, я – страна большой нормы, большой традиции, большой географии, я – страна большого*

космоса и я несу за это ответственность, я не кривляюсь, я такая большая и сама себя не стыжусь» (Интервью в газете «Накануне», 29.04.2019).

- ‘содружество нескольких стран и народов’: «*России может существовать только в форме империи. Если вам слово «империя» по каким-то личным причинам не нравится, можете заменить его по своему усмотрению на «союз республик» или «содружество народов». Смысл от этого не меняется. Империя – это наша нормальная, природная форма жизни»* («Уроки русского», НТВ, 30.05.2018).

И эпитеты (*природная, нормальная, адекватная*), и определение империи через естественнонаучную терминологию (*форма жизни*) способствуют утверждению идеи «естественности» такого типа государственного устройства для России. Россия – это империя, и это само собой разумеющийся факт, который не должен вызывать протеста в обществе точно так же, как не вызывает сомнений то, что небо – голубое, львы относятся к семейству кошачьих, а деревья зимой сбрасывают листву.

Имперская форма жизни для России – это завет предков: «*Империя – это форма жизни, единственно адекватная, возможная для моей страны. Я это знание вынес из русской литературы. Все, что меня сформировало, когда я начал читать книжки, я вычитал у Тютчева, у Пушкина, у Блока, у Есенина. Я ничего тогда не понимал, но это стало моим составом, моей физиологией. Когда я пытаюсь искать какие-то ответы, я их даже не ищу, они есть внутри меня, там уже все сказано по тому или иному поводу. Для них, для Пушкина, для Блока, этих вопросов тоже не существовало: зачем нам империя, зачем нам Крым? И я тоже получил их по наследству. Никаких дилемм: мне все понятно, они мне все объяснили. Когда же мне начинают объяснять, что мир другой, мир изменился, мне кажется, что никакой разницы нет: 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 25-й век – все как было, так и будет»* (Интервью изданию «Культ просвет», 23.04.2014).

Еще один миф, поддерживаемый публицистом, – Россия – страна с великой историей, заслужившая право на государственность, независимость и

суверенность. И здесь Захар Прилепин во многом продолжает традицию, начатую еще в Древней Руси в «Повести временных лет», в «Слове о законе и благодати» Иллариона Киевского – манифестацию культурной и политической самостоятельности российского государства.

«Принятое из рук Византии христианство делает нашу родину наследницей европейской традиции. Однако европейской традицией истории нашей родины, безусловно, не ограничивается. Русская государственность в каждой ее ипостаси – Древняя Русь, Московское царство, Российская Империя, СССР, Российская Федерация – дарованное нам чудо непрерывной и более чем тысячелетней истории народа, не имеющей полноценных аналогов в мире по количеству великих побед, вкладу в мировую культуру и науку, линейной временной протяженности («Уроки русского», НТВ 30.05.2018).

Особенное место здесь отводится защите исторической правды о том, что Россия – держава-победительница во Второй мировой войне, защите от деструктивного влияния антироссийских сил, которые, стремясь переписать историю, бьют как по фактическим сведениям, так и по мифологическому компоненту.

«В Конституции нужно прописать, что Россия – держава-победительница, потому что сейчас говорят о том, что нужно второй Нюрнбергский процесс устроить, что Россия сама виновница II Мировой войны, такое же зло, как фашистская Германия. Вот надо прописать в Конституции, чтобы мы не впадали в морок. Есть вещи, которые нужно фиксировать. Победу нашу не трогайте!» (Интервью YouTube-каналу «На троих», март 2020).

«28 панфиловцев — это и есть историческая правда. Такая же историческая правда, как "Полтава" Пушкина, как любой художественный, журналистский, поэтический текст. И если таким образом работать с историческими источниками, то обличать можно вообще все подряд» (Правда.ру, 16.11.2016).

Еще один значимый для творчества публициста миф: русские – великий народ. В параграфе 2.1.4 мы подробно рассматриваем то, каким видит Захар Прилепин русский народ – важную идеологему его публицистического дискурса.

Попытки оппонентов очернить прославляющие русскую культуру, народ и историю мифы Прилепин называет «шулерским трюком», «фокусом», «уловкой», призывая адресата «не вестись» на них. Для этого он фокусирует внимание адресата на скрытых намерениях манипулятора: «*Давайте для начала разберемся с одним шулерским трюком, который часто используется. Периодически Россию начинают сравнивать с так называемым «цивилизованным миром», и якобы выясняется, что она проигрывает по многим показателям. Да, конечно, в чем-то мы проигрываем в силу объективных причин или по собственной недоработке. Фокус, однако, в том, что нас сравнивают сразу со всем цивилизованным миром. Мы не соревнуемся с отдельно взятой, к примеру, Португалией, Японией, Канадой, потому что, если напротив нас поставить только одну страну, вдруг выяснится, что, проигрывая по 10 показателям, мы опережаем конкурентов в ста других. Чтобы такого не случилось, нашу военную мощь сравнивают с американской, часы со швейцарскими, дороги с японскими, футбол с бразильским. Нет, это нормально, что мы ориентируемся на лучших. Ненормально, когда мы искренне считаем, что мы плетемся в хвосте цивилизации. Не поддавайтесь на эти уловки*» (НТВ, «Уроки русского», 11.05.2018).

- Тактика «зажепки» за прецедентный текст

Как пишет Н. Б. Руженцева, «суть тактики – сопоставление современной политической ситуации с фактами истории, отдельными событиями прошлого, ситуациями, описанными в притчах, фольклоре, мифах» [Руженцева, 2004: 176]. Зачастую проведение исторических параллелей становится основой для логических манипуляций в программировании будущего типа: как показывает история, из А следует В; сегодня мы

наблюдаем ситуацию С, которая напоминает уже известную ситуацию А; если мы в ситуации С будем поступать, как поступали предки в ситуации А, наступит В.

Захар Прилепин придерживается концепции цикличности и повторяемости истории, неизменности человеческой души. Для него история – это неисчерпаемый источник знания, поэтому при анализе современных ему событий он часто обращается к фактам прошлого, используя эти сведения в качестве инструмента аргументации и прогнозирования.

Примером этому служит, в частности, программа «Урок 61: Ассоциация с Европой – прямой путь в холопы», которая вышла в эфир 5 апреля 2019 года. В ней публицист анализирует современные отношения между Украиной и Европой, а также Украиной и Россией, проводя исторические аналогии с такими событиями, как подписание Люблинской унии в 1569 году (после чего то, что в те времена было Украиной, отошло Речи Посполитой) и собрание Переяславской рады в 1654 (после чего произошло объединение территории Войска Запорожского с Русским царством, что в публицистике получило имя воссоединение Украины с Россией).

Захар Прилепин отмечает: *«Как говорил поэт, большое видится на расстоянии. И когда, оглядываясь на случившееся несколько веков назад, вдруг удивительным образом видишь день сегодняшний»* («Уроки русского», НТВ, 05.04.2019).

«История – это такая штука, которая длится долго, и люди едва успевают увидеть краешек разворачивающегося свитка. Но у нас с вами есть замечательная возможность видеть, как это выглядело в прошлом. И есть все основания предполагать, что будущее всякий раз хранит в себе воспроизведение, пусть и в несколько искривленных в виде прежних вариантов» («Уроки русского», НТВ, 05.04.2019).

Грамматически сравнение оформляется при помощи сравнительных союзов. Степень похожести градуируется при помощи вспомогательных слов и комплексов «*почти*», «*примерно*», «*в несколько искривленном варианте*»,

«разница есть, но небольшая». Таким образом, давая те или иные оценки историческим событиям, результат которых однозначен и ясен, он, по сути, характеризует то, что происходит сегодня.

«Итак, началось столкновение цивилизаций на окраине Руси. Не на Майдане, друзьям мои, и не в 2014 году начали работать над проектом будущей Украины как АнтиРоссии». Чуть дальше Прилепин скажет: *«Заключение Переяславского договора немедленно привело к войне с Речью Посполитой, потому что европейским полякам, как и нынешним европейцам, тоже было глубоко плевать и на демократическую процедуру, и главное на то, что не только левобережная Украина, но и правобережная тоже – это наши земли, а не их. Но тогда мы хотя бы с поляками спорили, которые рядом, которые соседи, которые теряли свои владения. Кто бы нам объяснил, почему сегодня о том же самом мы спорим с Америкой?»* («Уроки русского», НТВ, 05.04.2019). В этом мы можем увидеть имплицитное обвинение Америки в работе над проектом по созданию «АнтиРоссии».

«Грубо говоря, именно так выглядел первый заход украинцев в Европу: на холопских правах. Уния – она именно об этом: о холопстве... Господами становились иноплеменники, паны были поляки, а холопы – русские. Все русское объявлялось позорным, отсталым — в общем, не европейским. Ну, примерно, как сейчас на нынешней Украине. Просто тогда этим занимались польские шляхтичи, а сейчас свои же выродки. Разница есть, но не принципиальная... Само собой, местному населению это нравилось мало, к тому же оно противилось окатоличеванию. Отсюда прямой путь к тому, что именуется воссоединением Украины с Россией». («Уроки русского», НТВ, 05.04.2019).

Исторические параллели проводятся как на уровне процессов: *«Для того, чтобы украинская государственность, украинская культура могли жить и развиваться, необходима коалиция с Россией. Иначе – холопство. Так уже было, и по-другому не будет».* Так и на уровне персоналий: *«Багдад Хмельницкий почти как, царствие небесное, Александр Захарченко несколько*

раз обращался к русскому государю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии Запорожского войска в русское подданство».

Сравнивая погибшего в ходе вооруженного конфликта главу Донецкой Народной Республики Александра Захарченко с Богданом Хмельницким, Захар Прилепин вписывает имя современника в ряд величайших исторических государственных деятелей, героев: «*Окончательно вопрос решился в 1686 году, то есть 38 лет спустя. Слышите, нет? 38 лет спустя <...>. Когда сегодня раздаются голоса, что Украина потеряна навсегда, что 5 лет оголтелой русофобской пропаганды способны сломать сознание сорокамильонной стране, я думаю о тех вещах, которые мы с вами сегодня обсуждали. История — это, я повторюсь, долго. 5 лет вранья — слишком мало на фоне минувшего тысячелетия. Украине нужно помнить уроки Унии, нам — уроки Переяславской рады. Им нужно помнить, что ассоциация с Европой — прямой путь в холопы. Нам — что справедливое возвращение земель нам никто не простит, и за это придется, так или иначе, воевать. Либо действовать как-то иначе, но как? Есть ли этот вариант в принципе?*»

Захар Прилепин не говорит это открыто, но в имплицатуре заключает следующие идеи: рано или поздно Украина отвернется от Европы и вновь воссоединится с Россией; Европа издревле преследует цель ослабить российское государство; возвращение Крыма — справедливо, но Россия еще долго будет расплачиваться за этот ход; война — это единственный способ вернуть «наши» земли, а «наши» земли нужно возвращать.

- Программирование

«Мы понимаем, что такое предложение вызовет бешеное недовольство среди нашей прогрессивной интеллигенции внутри России и у наших ближайших соседей. Почему? Да потому что даже в нынешнем своем состоянии мрачная, несколько коррумпированная, несколько диковатая Россия остается для миллионов бывших жителей СССР и не только для них куда более привлекательной страной, куда более привлекательным местом обитания, чем те государства, где они живут. Это же крах будет огромный

русофобской пропагандистской машины. Сколько лет нам доказывали, что из Рашики все хотят свалить, что это самое непригодное для жизни место на земле, и вдруг посыпятся один за другим референдумы, и десятки миллионов людей выскажут мнение, несколько отличное от мнения, скажем, радио «Эхо Москвы», «Новой газеты» и журнала «Maxim». Одна беда – на это, скорее всего, не пойдет наша власть. У власти всегда не хватает денег, их можно понять».

Итак, анализ речевого поведения Захара Прилепина показал, что автор действительно является актором информационно-психологического противостояния (мы напомним, что в своем публицистическом творчестве он неоднократно говорит о том, что Россия подвергается информационным атакам). В качестве инструмента ведения ИПВ он использует тактики и стратегии, которые описаны в научной литературе, посвященной манипулятивному воздействию на адресата, однако цели и намерения Захара Прилепина прямо противоположны: зачастую тексты Прилепина являются ответом на манипуляции со стороны оппонентов, в них он разоблачает спекуляции с информацией, стоит на защите русских ценностей, развенчивает черные антироссийские мифы и в то же время утверждает мифы белые, «прорусские». Таким образом, можно констатировать общую контрманипулятивную направленность публицистики писателя.

2.1.2. Концептуальная метафора как средство иррационального воздействия на адресата

Авторы коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны» устанавливают важность иррационального воздействия как один из постулатов ИПВ [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова и др., 2017: 37]. Соглашаясь с ними, рассмотрим некоторые особенности экспрессивной составляющей текстов Захара Прилепина, в первую очередь проанализируем метафоры.

Политическая метафора в лингвистике изучается довольно долго и плодотворно. Известен, в частности, когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации, разрабатываемый представителями уральской школы политической лингвистики [Будаевым, Чудинов, 2006]. Ученые, опираясь на теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, выдвигают оригинальное понимание метафоры как организующего принципа понятийной системы человека, обуславливающего его восприятие, мышление и поведение. Подобный подход к анализу метафор позволяет обнаружить явное и неявное в тексте, пролить свет на коммуникативные намерения его автора, выявить его общественную позицию и моральную «систему координат».

В публицистическом творчестве Захара Прилепина центральное место по праву можно отдать антропоцентрической метафоре, и уже – физиологической, исходной сферой для которой становятся «наивные представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях» [Чудинов, 2001: 59]. Физиологическая метафора, по мнению А. П. Чудинова, обладает мощным pragматическим потенциалом [Там же: 57], она позволяет писателю активировать у адресата чувства на уровне тела: «... и вдруг осознать, что этот дом улыбчивые европейцы сейчас сожгут, причем вместе с тобой, с твоим мясом, твоей кожей, твоим языком, твоими глазами» («Свободная пресса», 29.04.2019).

В проведении метафорических аналогий между межнациональными отношениями, идеологической борьбой и человеческим телом Прилепин в высшей степени натуралистичен. Так, оппозиционеры у него испытывают мучение от всего прорусского на «физиологическом» уровне. Они настолько яростно, и регулярно, и бесполезно муссируют тему Крыма и Донбасса, что «расчесали ее себе до струпьев и страдают». И сами они на теле российского общества «зудят» – раздражают, не дают покоя. «Мазохизм» как причинение боли самим себе, «уничтожение своего естества» – вот их основная стратегия поведения: «Вежливые люди вернули Крым на вежливом языке – в

этом мука. Она вовсе не филологическая, она физиологическая. Крым с Донбассом расчесали себе до струпьев наши ненаглядные оппоненты и страдают» («Уроки русского», НТВ, 05.12.2019); «*У нас помимо Украины хватает своих чудаков, которые зудят и забыть о себе не дают*» («Уроки русского», НТВ, 26.12.2019); «*За эти годы произошел колоссальный слом национального сознания – с того времени, когда в 80-е годы поднялась волна садомазохизма, стремления уничтожить свое естество*, когда половина жителей страны считала, что эта страна должна исчезнуть... Продолжайте, декоммунизируйте. Так победим. **Мазохисты – одно вам имя**» («Уроки русского», НТВ, 06.02.2020).

Взаимоотношение с оппонентами Прилепин также описывает в категориях физиологического неприятия, отторжения, тошноты: «*Просто моя родня, мои близкие, мои умершие, мои ненаглядные – они для них чужие. Они противные, их тошнит от них, их воротит*» (Встреча писателя с читателями, YouTube-канал «Захар Прилепин», 23.05.2019); «*Черт, меня едва не вырвало там. Меня просто воротило от них, а их от меня. Мы еле вытерпели друг друга*» («Свободная пресса», 25.03.2020).

Физиологическую метафору, которая встречается в текстах Прилепина, можно разложить по слотам, которые выделяет в своей монографии А. П. Чудинов:

- Слот «Позвоночник, хребет», который обладает прототипической функцией – «объединение организма, сохранение его целостности и поддержание его функциональных возможностей» [Чудинов, 2001: 63]. Так вот таким национальным хребтом, по мнению писателя, является Бог: «*Бог – это позвоночник вселенной. Иначе все разваливается*» (Интервью YouTube-каналу «Селфи», 15.01.2020).

- Слот «Лицо» как «проявление подлинной сущности человека», а также «основа для восприятия со стороны и вместе с тем создание имиджа» [Там же: 61]: «*Можете себе вообразить, как Дудь рассказывает про двадцать миллионов убитых европейцами? Нет, вы не можете себе это вообразить. У*

него сломается лицо, если он решит говорить о таком. Лицо это умеет говорить только про рабов, изуродованных наследственным колымским страхом» («Свободная пресса», 29.04.2019).

- Слот «Руки» как рабочий инструмент, то, чем совершается деятельность [Там же: 62]. Так вот, по мнению Прилепина, у либералов и западников *ручки* – тоненькие. Он рисует их хилыми и слабыми, это выражается не только контекстуально, но и в самом выборе формы сова с уменьшительно-ласкательным суффиксом: «*И вот страна, которая досталась им, смотрит на их маленькие тонкие ручки, и думает ласково: «Сынок, кто ж тебя таким сделал?»*» («Свободная пресса», 29.04.2019); «*Но ручки у некоторых все равно тянутся, ручкам не запретишь*» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019).

Распространение каких-либо идей Прилепин сравнивает с распространением «заразы», которая, в зависимости от субъективной оценки этих идей автором, может быть как «благой», так и деструктивной: «... несмотря на неприятие всего того, что говорил и делал Лимонов, речи его, дела его, книжки его и призывы его размножались и расползались, как самая благая зараза» («Уроки русского», НТВ, 26.03.2020). Сравним: «*В индустрию удаленных и самых дегенеративных развлечений сейчас будут брошены все силы <...>. Даже в условиях кризиса – всякая духовная зараза приживается лучше и легче всего*» («Свободная пресса», 25.03.2020).

Дважды в выборке встречается развернутая метафора ЕВРОПЕИЗАЦИЯ УКРАИНЫ – ЭТО ПРОДАЖА НА ОРГАНЫ. В российском сознании процесс продажи тела на органы воспринимается как нечто нелегальное, насилиственное, исключительно вредное для организма-жертвы. Притом если в одном случае Украина у Прилепина – это жертва (1), что подчеркивается инфинитивными и пассивными глагольными формами (существо будет думать об иллюзорном, пока сваливают органы), то во втором (2) – несмышленый человек, который сам идет на эту жертву (сравнение с футболистом, который очень хотел попасть в европейский футбольный клуб).

Почва, леса, водоемы, порты, аэропорты – это все «органы» живого организма – страны Украины, которые преступно отдаются истощенному нежизнеспособному палачу – Европе, которая хочет продлить свое существование за счет Украины-донора. (В другом тексте читаем: «*Даже Украина нужна только как поставщик леса – леса в Европе нет, почвы – почвы в Европе тоже нет*» («Уроки русского», НТВ, 23.03.2018)).

(1) «Глядя на происходящее, в очередной раз понимаешь: с человечеством можно проворачивать и не такие фокусы. **Можно в одном месте у государства вырезать печеньку, селезенку и мочевой пузырь и продавать желающим**, но внимание перенаправить на вообще отсутствующую проблему — и некое существо, у которого в окровавленное ведро сваливают его органы, — будет послушно смотреть в другую сторону, и бесноваться или волноваться о чем-то совсем ином, иллюзорном, **не касающемся собственного живота**» («Свободная пресса», 05.03.2020).

(2) «У них, как выяснилось, остался один-единственный путь для ухода в Европу, и они пошли по нему. Как в том анекдоте о незадачливом местном футболисте, который очень хотел попасть в европейский футбольный клуб и все никак не получал приглашения, но дождался того, что его решили продать на органы: **вот, мол, сначала печень туда уедет, в Европу, потом — почки, потом еще что-нибудь — так постепенно и целиком там окажешься**. Украина переезжает в Европу, не сходя с места: теряя почвы, леса, водоемы, а также мосты, аэропорты, порты, трассы» («Свободная пресса», 31.03.2020).

Тема насилия со стороны антироссийских сил проходит красной линией через тексты Прилепина. Так, например, он сравнивает YouTube и тех, кто его спонсирует, с мясорубкой, которая делает из мозгов пользователей фарш:

«Пользователей Ютуб развлекают зачастую люди, не получившие никакого образования вообще. Правда, за этими, не получившими никакого, стоят другие — сверхобразованные люди, которые точно знают, что хотят сделать с мозгами пользователя. У них точно такая же, как и

телевизионная, мясорубка в руках, только с множеством новых примочек, накруток и функций. И они крутят ручкой этой мясорубки. Уверенно и спокойно крутят ручкой этой мясорубки. И делают фарш» («Уроки русского», НТВ, 06.02.2020).

Развал Советского Союза либеральной буржуазией (1), спонсированной Западом, и развенчание культа личности Иосифа Сталина он называет убийством:

(1) «Вот у нас было государство – СССР. Теперь его нет, потому что его убили» («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020).

(2) «Карлики убивают великанов, чтобы самим выглядит великими» («Уроки русского», НТВ, 19.12.2020).

Еще один тип метафоры, встречающийся у Прилепина, – милитаризированная метафора. Мы знаем, что Захар Прилепин – человек, ответственно и серьезно относящийся к воинской обязанности, поэтому неудивительно, что в его дискурсе возникает сравнение ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО АРМИЯ, которое подразумевает понимание левого или правого направления политики как «вспышки слева» и «вспышки справа». Таким образом, молодежь всегда отворачивается от общегосударственной политики в другую сторону, ей не хватает воспитания и строгости, она слишком избалованна:

«Короче, у меня перед глазами прошло минимум 3 поколения молодежи, и, уважая многих конкретных людей в каждом из поколений, я ничего хорошего в целом об этих поколениях сказать не хочу. Я даже не хочу нравиться и как-то смягчать все то, что я здесь произношу. Они как в армии: пока была вспышка справа, косились налево. Когда возникла вспышка слева, поперлись направо. Все у них наоборот <...>. Мой печальный тридцатилетний опыт наблюдения за тремя поколениями молодых говорит о другом: молодых иной раз нужно не на ручках качать, а палкой гонять, хотя бы время от времени. Мы же так любим американские фильмы, где как появился у режиссера Стенли Кубрика беспощадный орущий

на новобранцев американский сержант, так сейчас этот сержант из фильма в фильм и кочует. Вот такой в самом широком смысле орущий, беспощадный, злобный сержант нужен не только в армии, он вообще нужен. Нужно и орать иногда, иначе тебя никто не услышит» («Уроки русского», НТВ, 06.02.2020).

Последняя метафора, которую мы рассмотрим: ПРЕЗИДЕНТ СТРАНЫ – НАЕМНЫЙ РАБОТНИК/МАСТЕР и сцепленную с ней метафору СТРАНА – ЭТО ДОМ. Путем этого метафорического сравнения автор репрезентует отношения между президентом и населением России. Захар Прилепин представляет Россию как дом россиян, а В. В. Путина как человека, который по просьбе жильцов пришел починить сразу все и тихо, беззвучно делает что-то, жильцам неизвестное, непонятное. И жильцы – россияне хотят знать и понимать происходящие процессы, хотят знать и понимать, что за человек «чинит им все», но «нас же не интересует личность тех людей, которые приходят к нам, чтобы что-то починить». И отношения главы государства с населением характеризуются как надежды, вера и любопытство со стороны людей и неизвестность со стороны президента:

«Наёмный менеджер — ну да. Нас же не интересует личность тех людей, которые приходят к нам, чтобы что-то починить. Пришел человек, представился, улыбнулся. Мы говорим: знаете, можете починить нам все. И вот человек полез на чердак и что-то беззвучно там делает. Хочется посмотреть, но почему-то страшно. Вдруг он делает что-то ужасное. Или может расстелил себе там что-нибудь и прилег отдохнуть. Спит тоже беззвучно. Очень страшно спит, как будто он не совсем человек» («Уроки русского», НТВ, 08.12.2017).

К слову, сравнение России с домом возникает периодически. Как пишет А. П. Чудинов, метафора дома имеет высокий эмоциональный потенциал и способна пробуждать в человеке добрые чувства [Чудинов, 2001: 156–157]. У Захара Прилепина обозначение страны звучит как призыв любить и беречь свою Родину: *«В России самая большая площадь в мире чернозема и самая*

большая в мире площадь лесов. Вы скажете: «В чем гордость?». Как это в чем?! Тут наши дом. Мы за него воевали, мы его отстояли, ни у кого большие такого дома нет» («Уроки русского», НТВ, 11.05.2018).

Таким образом, концептуальная метафора в дискурсе Захара Прилепина, с одной стороны, становится эффективным инструментом воздействия на аудиторию, а с другой, отражает особенности мышления самого автора. Высокая частотность использования разнообразных метафорических моделей говорит о креативном потенциале языковой личности.

2.1.3. Лексико-семантические особенности дискурса

Считается, что именно лексика «является наиболее благодатной почвой для реконструкции внеязыковой составляющей ЯЛ: особенностей ее мировосприятия и миропонимания, характера ценностных установок в сложной связи типического и индивидуального начал» [Иванцова, 2014: 310].

Наиболее значимые для автора понятия позволяют ему выразить наиболее важные для него идеи. В текстах Захара Прилепина самые главные смыслы раскрываются при помощи слов «Родина», «патриот» и «патриотизм».

Опираясь на исследования И. А. Стернина, мы полагаем, что «описание значения слова в коммуникативном аспекте требует применения к значению понятия «семантический компонент». Только в терминах компонентов можно зафиксировать и описать отличие реализованного значения от системного, а также различия между употреблениями одного и того же значения» [Стернин, 1985: 29].

Итак, в словарях русского языка содержатся следующие толкования значения слова «родина»:

- 1. Отечество; страна, в к-рой человек родился и гражданином к-рой он состоит. 2. перен. Место возникновения чего-н. [Ушаков, 1935-1940];

- родимая земля, чье мѣсто роженья; въ обширн. знач. земля, государство, гдѣ кто родился; въ тѣсн. городъ, деревня [Даль, 1972];
- 1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н. [Ожегов, 1992];
- 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отчество. / О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие. 2. Место происхождения кого-, чего-л., возникновения чего-л. [Большой толковый словарь русского языка, 2014].

В приведенных толкованиях в первом значении слова «родина» (именно оно актуализируется в рассматриваемых нами текстах) когнитивный макрокомпонентом включает две семы: ‘страна, в которой человек родился, отчество’ + ‘место рождения человека’. Эти семы связаны отношениями меронимии: место рождения человека – это часть страны. Фразеологизм «малая родина» выявляет различия между родиной – страной и родиной – местом рождения человека.

Захар Прилепин смотрит на понятие «Родина», скорее, патетически. Для него разговоры о Родине сведены к минимуму, потому что нет и не может быть рассуждений на эту тему, так как Родина возведена в абсолют: «Свобода за Родину – вот высшая степень свободы» («Уроки русского», НТВ, 15.12.2017); «Родина – это все, что мы есть. И нет ничего больше, выше, важнее родины. Мы – просто ее часть» (Медиапроект «Столица Нижний», 15.02.2018).

Вместе с тем абсолют не предполагает образцовой показательности. Родина, в понимании Прилепина, не идеализирована, однако объектом критики для него являются люди. В картине мира этого писателя нет «неправильной» Родины, но есть люди, которые неправильно к Родине относятся. Для него власть, народ, он сам – не слитые понятия. Он по отдельности может задавать полемические вопросы и простому народу, и представителям правящего класса, но запятнанная репутация первых и вторых при всем при этом не бросает тени на родину: «Они вообще не понимают, что такое «Родина», у них и органа этого, как правило, нет, что отвечает за

чувство Родины. Чувство дачи в Юрмале у них есть, или что-то такое» (ЖЖ, 27.10.2018); «...и когда у нас тут будет полный ужасный кромешный Ирак, и Невзоров, и Красовский, и Касьянов встретятся в аэропорту и уедут за пределы нашей несчастной родины, сказав нам напоследок: «дурной вы народ, быдло, да и только»» (НТВ, Уроки русского, 08.12.17).

В дискурсе З. Прилепина существует параллель «Родина – мать». Более того, он ставит Родину в один ряд с такими известными каждому понятиями, как мать, отец, друзья, родные и близкие: «*Есть мама, есть папа, есть Родина, есть мужество*» (Накануне, 08.05.2015); «...потому что это моя история, моя страна, моя Родина, мои друзья, мои близкие. Это часть моей личной истории» (Эксклюзив, 19.03.2017); «*Как известно, слово родина и другие однокоренные: род, родители, рождение – все это очевидная неразрывная цепочка: генетическая, культурная, духовная*» (Медиапроект «Столица Нижний», 15.02.2018).

В своих текстах Прилепин часто обращается к таким синонимам слова «Родина», как «держава» и «отчество», что может быть связано с искажением исходного значения лексемы в публичном дискурсе, связанным с неоднократными нападками либеральной общественности и наслоением отрицательных коннотаций. Кроме того, в этих двух менее «затертых» словах более проявлена выгодная для З. Прилепина сема государственности. Прилепин не разделяет понятия «Родина» и «государство» и активно разрабатывает идею долга перед Родиной. По мнению писателя, обязанность каждого гражданина выполнять свой долг перед Родиной, и это не бремя, а вопрос выживания и единственная возможность нормального существования данного народа: «*Появилась расхожая, из одних сахарный уст в другие передаваемая фраза о том, что, дескать, надо отличать Родину и государство. Родину можно любить, а государство не можно. Такой подход означает следующее: пользоваться любыми благами той земли, на которой ты живешь, у тебя есть все права от того, что ты Родину любишь, а отдавать какие-то долги ты не обязан, потому что государство плохое, и*

лучше с ним дела не иметь. Вообще. Удобно, выгодно, привлекательно, при этом позволяет очень хорошо к себе относиться» (НТВ, Уроки русского, 25.02.2018).

К слову, в дискурсе Захара Прилепина наблюдается сильная сцепка понятия Родины с землей. Для него земля священна: «*А русская земля священна. Русские люди остаются русскими людьми. Это наше, и мы это будем забирать при любых обстоятельствах. Потом Россия, дай Бог, изменится, может быть, а может быть, не изменится, но Земля-то наша. Вот и все*» (Встреча писателя с читателями, YouTube-канал «Захар Прилепин», 23.05.2019); «*Мы говорим, необходимо вернуть статью конституции СССР: земля, ее недра, воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на нашей территории. Земля — святое. Продажа земли иностранцам, аренда земли иностранцами должна быть запрещена*» (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду», 06.02.2020).

Еще одно понятие, которое можно выделить в этой связи, – базовое, по мнению Захара Прилепина, понятие русского мира: «*Правда – базовое понятие того, что называется «Русский мир». Видимо, как-то нужно оговариваться при произнесении этого словосочетания про многонациональность нашей страны. И, собственно говоря, русская правда – это основополагающий документ русской ментальности и русской официальной юридической жизни. В последние годы складывается так, что некие силы мировые настаивают на глубоко индивидуализированном представлении о реальности, на отдельности каждого человека, атомизированности человеческого мира. Мы настаиваем, я настаиваю, что есть общие вещи. По крайней мере, если не общечеловеческие, то общие для русского мира, базовые вещи, есть норма, а норма есть правда. Эта норма – про семью, про Бога, про Родину, про Отечество, про честь и доблесть. Понятие правды вмещает в себя все основные базовые понятия, которые*

важны для нас, в которых мы существуем» (Съезд общественного движения «За правду», 04.02.2020).

Перейдем к анализу слов «патриот» и «патриотизм». В словарях встречаем следующие толкования этих слов: «Любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу» [Большой толковый словарь РЯ, 1998: 630]; «Преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [Ожегов, Шведова, 1992]; 1. Любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины; 2. (разг.) преданность чему-л., горячая любовь к чему-л.» [Ефремова, 2000].

Центральным признаком понятия «патриотизм» является любовь, которая, как известно, не имеет полюса. Эту амбивалентность понятия «патриотизм» подчеркивает Захар Прилепин: какую бы идеологию ни разделял человек, он может быть патриотом и любить родину по-своему. Так как это понятие является государствообразующим, именно в размытости границ понятия «патриотизм» автор видит угрозу: *«Если же термин «патриотизм» не расшифровывать, то придет какой-нибудь анархист с длинными волосами и скажет, что его идеология самая патриотичная, потому что Путин сказал: патриотизм — идеология России, а этот анархист считает, что анархия есть главная патриотическая идеология»* («Патриотизм и государство», 2016).

Однако, несмотря на то, что патриотом может быть кто угодно, антонимичным этому понятию, в его представлениях, является понятие «либерал»: *«Я как раз не сторонник этого, у нас есть патриоты, которые убеждены, что все либералы находятся на «подсосе» у Запада, а либералы убеждены, что всех патриотов кормят государство. И то и другое на 99% неправда»* (Свободная пресса, 27.11.2019).

В ответ на обвинения либеральной общественности, автор старается демонстрировать рационализм в употреблении и понимании слов «патриот» и «патриотизм». Исследование показало глубоко критичное отношение

Захара Прилепина к современным патриотам – тем, которые сами себя таковыми считают. Это основывается на убеждении автора в свершившейся в публичном дискурсе подмене понятий. В частности, патриотами могут называться националисты и люди, у которых вместо чувства любви к родине – «чувство дачи в Юрмале». Сегодня патриотизм не просто дискредитировал сам себя, но и достиг той степени энтропии, когда настоящим, по мнению Прилепина, патриотом быть стыдно. В этой сложившейся путанице Захар Прилепин активно делится своим взглядом на то, каким должен быть истинный патриотизм. Так, чертами настоящего патриота, по его мнению, являются национальный дух и идентичность. Главная и неотъемлемая часть патриотизма – готовность защищать родину с оружием в руках. Не деятельностного патриотизма не существует: «*Если русский националист всерьез предлагает перестать кормить Кавказ, то надо перестать кормить этого националиста. Завтра кто-нибудь на Кавказе встанет во весь рост и предложит перестать кормить Россию, и начнется война, на которую националист, кстати, не поедет. Давайте ответственнее относится к своим словам, дорогие патриоты*» (НТВ, Уроки русского, 30.03.2018); «*Почему-то в нашем обществе возникло странное какое-то ощущение, что признаться в любви к Родине и выразить готовность защищать ее с оружием в руках – это как-то стыдно. На самом деле это нормально. И жертвенность – это великое качество. Мы стали этого стесняться, и это совершенно абсурдно*» (Национальная служба новостей, 22.09.2016); «*Писатель – это патриот, поэтому он идет на войну <...> если жители его страны в опасности, то он берет в руки оружие и идет их защищать. Это и есть его гуманизм, его патриотизм и понимание творческого пути любого писателя*» (Комсомольская правда, 17.12.2017).

Таким образом, в настоящем параграфе был проведен анализ денотативного, т.е. предметно-понятийного, и прагматического, т.е. эмоционально-оценочного, макрокомпонентов значения слов «родина», «патриот» и «патриотизм» в публицистике Захара Прилепина. Было

установлено, что писатель наделяет данные понятия особым значением, в его дискурсе они играют смыслообразующую роль. Несмотря на общее патетичное настроение, Захар Прилепин, тем не менее, подмечает семантические трансформации, которым подверглись рассматриваемые понятия.

2.1.4. Дихотомия «свой» – «чужой» и ее языковая репрезентация

Дихотомия «свой» – «чужой» считается фундаментальной категорией человеческого сознания, играющей непосредственную роль в развитии национальной культуры, формировании национальной и социальной идентичности. Еще Ю. М. Лотман утверждал, что в основе любой культуры лежит разделение мира на пространство «нашее» / «свое» / «безопасное» / «гармонически организованное» и «их» / «чужое» / «враждебное» / «опасное» / «хаотичное» [Лотман, 1996: 175]. По мнению Е. И. Шейгал, эта универсальная бинарная оппозиция составляет понятийно-смыслоное ядро политического дискурса в целом [Шейгал, 2000: 122].

Проводя оппозицию между «своими» и «чужими», Захар Прилепин, вслед за С. Т. Аксаковым, делит их на «народ» и «публику». Он цитирует классика: «*Аксаков описывает ситуацию в России, показывая, в чем разница между просвещенной западнической аристократией, которую он называл публикой, и собственно народом: «Публика выписывает из заморья мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника; публика говорит по-французски, народ – по-русски <...> публика презирает народ, народ прощает публике, публике всего полтораста лет, а народу годов не сочтешь, публика приходяща, народ вечен <...> Публика у нас поченнейшая, народ – православный. Публика – вперед, народ – назад!» Главное не верить публике, что она наследница по прямой Державина, Пушкина, Грибоедова. Может, они не наследники никакие, такое ощущение, что они самозванцы»* («Уроки русского», НТВ, 30.01.2020).

А. Образ «своего»: небесный русский человек

С определением круга «своих» в публицистическом творчестве Захара Прилепина не возникает проблем, потому что он сам определяет этот круг довольно широко и однозначно: «свои» – это все русское, прорусское, русскоговорящее население.

В понятие «русские» входят не только жители Российской Федерации или обладатели российского паспорта, нет. Русские – это исторически сложившаяся общность людей, исконно проживающих на русской земле, говорящих на русском языке, считающих себя русскими. Интегрирующим фактором становится самосознание, дух и земля, которая для З. Прилепина священна.

В этом отношении примечательна позиция писателя по отношению к событиям, разворачивающимся на Донбассе с 2014 года. Известно, что он являлся активным участником этих событий, принимал непосредственное участие в боях на юго-востоке Украины в рядах армии самопровозглашенной Донецкой народной республики, написал несколько романов, посвященных этому, в частности «Некоторые не попадут в ад». Для него жители самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик – «свои», и критерием включения их в это поле становится неоспоримое желание быть русскими и готовность положить за это жизнь: *«Огромное количество людей, которые продолжали считать себя русскими, желали считать себя русскими, готовы были за это положить жизнь. Жизнь положить за это. Можно мы тоже будем русскими? Можно тоже будем в составе России? Можно мы тоже будем говорить на русском языке, защищать русскую историю, петь русскую песню? Можно нам быть такими же, как вы?»*

В то время как многие зарубежные и отечественные СМИ, либеральные деятели происходящее на юго-востоке Украины именуют «войной», «аннексией», «столкновением», «конфликтом», Захар Прилепин отходит от этих военных терминологических обозначений. Он очеловечивает происходящее, обозначая главным приоритетом, сутью и плотью всего

человека. Он деэвфемизирует эти обозначения, используя не приевшиеся понятия, не вызывающие в сознании людей ничего, кроме равнодушия, и ставит перед адресатом живого человека. Более того, он ставит жителей Донбасса в ранг просящих, а это сакральная для русской христианской культуры категория. В Евангелие от Матфея читаем: «*Просите – и дано вам будет, ищите – и найдете, стучитесь – и отворят вам. Ибо всякий, кто просит, получает, кто ищет, находит, и тому, кто стучится, отворяют. Разве даст кто-нибудь из вас сыну своему камень, когда тот попросит хлеба, даст ли змею ему, когда попросит он рыбы? Но если даже вы, оставаясь людьми злыми, способны дарить вашим детям хорошее, то тем более Отец ваш Небесный даст просящим у Него нужное им. И так во всем: как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и сами поступайте с ними; этому учат Закон и пророки*». В Домострое о странноприимстве читаем: «*Следует быть приветливыми и должную честь воздавать по чину и по достоинству каждого человека. С любовью и благодарностью, ласковым словом каждого из них почтить, со всяким поговорить и добрым словом приветить, да есть и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а иным и послать чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать*».

Пустить на постой, накормить, обогреть, дать помощь всем, кому это нужно, – это черта каждого достойного христианина, и значит, и русского человека, носителя православной веры.

Такой же прием Захар Прилепин использует, чтобы описать позицию русских по отношению к Европе: «*Все, что мы хотели, – иметь право быть. Немного достоинства, немного чести, немного участия в жизни планеты. Но, как выяснилось, ничего этого нам нельзя. Будем искать, что нам все-таки можно: “Можно мы еще чуть-чуть победим мировой терроризм, чтобы беженцы не заполняли старую добрую Европы? Русские очень любят Европу и желают ей только добра. Можно прийти к вам на Олимпиаду, чтобы ваши спортсмены уважали свои медали и не скучали без достойных противников?*

Можно, мы просто иногда будем делать вид, что мы тоже суверенная страна? Все равно нет?"» («Уроки русского», НТВ, 22.12.2017).

Для обозначения «своих» Захар Прилепин использует слово «родня» в значении «свой по рождению, по духу, по привычкам» [Ожегов, 1972]: «*Один из первых моих текстов назывался "Русские люди за длинным столом". Я понял, что я пытался посадить русских людей, дорогих мне и важных людей, за один большой стол. Я поэтому так часто обращаюсь в своих социальных сетях к людям мне близким и дорогим: «Родня». Откуда ко мне пришло? Я говорил ранее: «Привет, родня», «Спасибо, родня»»* (Пресс-конференция о создании движения «За правду», 30.10.2019).

Как пишет С. Ю. Дубровина, «в русском языке широко распространено «родственное» обращение. Люди, порой совершенно незнакомые друг другу, в зависимости от возраста могут называть собеседника братом или сестрой (братьком, сестрицей), отцом или матерью, сыном или дочкой. Традиция подобного именования тянется с древних времен. Данное свидетельство приводит Б. А. Успенский как факт прямого церковнославянского влияния на разговорную речь. Христианство приняло устоявшиеся отношения установления братства людей, подняв их на небывалую высоту: христиане именуют друг друга «братьями» как дети одного Отца Небесного» [Дубровина, 2009].

Таким образом, языковые формулы обращений: «родня», «братья и сестры» – у Прилепина свидетельствуют о глубинном значении для него традиций собратства и сотоварищества. «Свои» у Прилепина не только родные, но и *дорогие, важные, близкие*. «Это для меня соратники. Я, конечно, могу еще шире зачерпнуть и сказать, что наши соратники — все люди, все имена мы помним и знаем, которых мы наблюдаем в учебниках истории и литературы или в виде русских святых в церквях. Это тоже наши соратники, мы смотрим на них и стараемся хоть как-то им соответствовать».

В текстах Прилепина довольно часто по отношению к русскому употребляется обозначение «дикий» в значении «находящийся в первобытном

состоянии» [Ожегов, 1972]. Однако для более точного понимания этого определения его необходимо рассматривать в оппозиции к лексеме «прогресс», которая претерпевает семантические трансформации у Прилепина (подробнее читай в параграфе 2.1.1). В этом смысле из слова «дикий» исключаются негативно-оценочные коннотации, оно употребляется по отношению к русскому человеку с целью описать его нетронутость западной, культивируемой либералами, антироссийской культурой: «Сегодня все говорят, что Летов настолько *внесистемен, внеидеологичен, да и попросту дик*, что он как бы уже и не русский, какой угодно, *вне географии, вне границ всечеловеческий*. В силу именно этих всех своих качеств Летов является русским на всю тысячу процентов, впрочем, как и всякий иной великий русский» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019).

«*Но кроме среднестатистического русского человека есть его прообраз – "небесный русский человек", в котором можно выявить архетипические черты. У нас было на это время, линейная история России насчитывает тысячу лет, и какие-то признаки этого человека четко обозначились. Они обнаружены в том числе и русскими писателями. Есть что-то в русском человеке, что не дает восторжествовать в России либеральным ценностям.* Значимость индивида у нас мала не только с точки зрения озверелого государства, но и для самого человека. Ему и себя не жалко, и другого не особенно. Это не от злобы, не от жестокосердия, а просто от ощущения того, что ты – не самое главное в этом мире, что в России ты – не мера всех вещей. У нас утверждение, что каждый человек – это неповторимая вселенная, – иллюзия. Возможно, это так, но русский человек не носится со своей вселенной».

Что характерно, в представлении Прилепина русский человек – не либерал. Русский априори не может быть либералом, он защищен от этих вредных идей многовековой традицией. Недаром, что русские – наследники славной истории. Русские – наследники заветов предков, к которым относятся честь, доблесть, мужество: «*В Древней Руси не было понятия «прогресс», было*

понятие «быть как передние князи» – первые князья, как люди, которые завещали нам определенные принципы доблести, чести и мужества. Это уже наши соратники, мы тоже хотим как-то должны им соответствовать. Так и к ним отношусь — как к друзьям, братьям, учителям, и живые, и павшие неразделимы для меня» (Съезд общественного движения «За правду», 04.02.2020).

Неотъемлемой характеристикой русского человека становится широта и щедрость его души. Это качество воспринимается Прилепиным как данное Богом: «*Русский человек широк. И все его страсти — огромны. Любить — так умереть за то, что любишь. Разлюбить — так вырвать из сердца навек*» («Уроки русского», НТВ, 26.12.2019); «*Русский человек на то и русский, потому что никого не считает генетическим отребьем и злобными дебилами. За широту, веротерпимость и щедрость русского человека широко и щедро наградили самой большой в мире и самой богатой страной. Она все время кого-то кормит, кто живет чуть хуже, чем мы. За это нас окормляет небесный управитель от своих небесных щедростей*» («Уроки русского», НТВ, 30.05.2018).

Чтобы доказать, что русский народ велик, и вывести эту идею из области субъективного, Захар Прилепин включает в систему аргументации цитаты видных отечественных и зарубежных деятелей, классиков. Например, цитату одного из крупнейших поэтов XX века Райнера Марии Рильке: «*Все страны граничат друг с другом и только Россия граничит с Богом*»; или наставление генералиссимуса Суворова солдатам: «*Мы русские, мы все одолеем*»; или фразу Александра Дюма: «*Русские люди неустанно работают на преображение себя и окружающих от человекообразия к Человечности*».

Простые русские – интеллигентные и умные люди:

«*У меня вчера шок был. Я такой иду с ток-шоу домой, а у дома стоят три милиционера, подтянутые, красивые, без масок. И слышу один говорит (клянусь!):*

– *Здесь стоит вспомнить римское право...*

Я аж остановился. А они мне говорят ласково:

– Вам помочь нужна?

Обожаю свой добрый, бесстрашный, чудесный народ» (Пост в Фейсбуке, 03.04.2020).

Русские – это патриоты в исконном смысле этого слова: «*Я вижу, что, как минимум, есть мое поколение от 30 до 50 лет, которые по большей части не вовлечены ни в какую политику, а у них есть гражданское чувство. Причем это не гражданское чувство таких ребят, как Ксения Собчак. Гражданское чувство людей патриотических, консервативных, которые хотят, чтобы у них было какое-то дело»* («Свободная пресса», 31.03.2020).

Между «своими» и «чужими», по мнению З. Прилепина, идеологическая пропасть. Так, в его представлении идеологические оппоненты представляют группу *родных ему людей*, с которой себя соотносит сам Захар Прилепин, как злодеев, выродков, исчадий цивилизованного мира: «*<...> те, кого из десятилетия в десятилетие изображали даже не в сотнях, а в тысячах голливудских фильмов в качестве злодеев и носителей зла: русские, кубинцы, китайцы — выродки, короче, исчадия цивилизованного мира, наряду с северными корейцами и сербами».*

Б. Образ «чужого»: ненавистник всего русского

В параграфе 2.1.1 настоящей диссертации, рассматривая словесные ярлыки, в дискурсе Захара Прилепина, мы уже частично затронули проблематику презентации оппонентов. Остановимся подробнее на образе «чужого» – идеологического с точки зрения исследуемой языковой личности врага.

Как мы уже сказали ранее, Захар Прилепин при помощи тактики навешивания ярлыков очерчивает круг своих оппонентов: *либералы, западники, буржуа, диссида* – все те, чьи убеждения и образ действий не соответствуют кодексу поведения и мировоззрению «своего». В его дискурсе эти лексемы детерминологизируются, их денотативные значения, содержащие значительные, с точки зрения политологической науки, отличия,

размываются, они становятся синонимами, главным объединяющим семантическим компонентом которых является ненависть ко всему русскому. Именно это позволяет отнести ту или иную личность, независимо от ее политических и идеологических убеждений, этнической и религиозной принадлежности, национальности – все это не имеет большого значения для исследуемой ЯЛ – к лагерю «чужих».

Ненависть ко всему русскому в частных вариантах проявляется:

- в ненависти к русской истории: *«наших оппонентов колотят вообще от российской истории как таковой»* («Уроки русского», НТВ, 26.12.2019).

- в ненависти к русскому языку: О Г. Ч. Гусейнове, который опубликовал пост о «клоачном» русском языке: *«<...> чего вы тогда слюнявите тут глаза о проблемах русского языка? Вас же не проблемы русского языка волнуют, правда? Давайте не будем лукавить, вас волнует современная российская действительность. В 90-е годы русский язык был просто изуродован атакой низкопробных латиноамериканских сериалов, кромешной порнографией, криминальным сленгом. И что? Гусейнов тогда огорчался всей этой клоаке? Да ни разу. Его все это тогда устраивало. А теперь его с коллегами все не устраивает. Потому что это язык, на котором не сдали очередной Крым, а забрали. Вежливые люди на вежливом языке вернули Крым – в этом муга»* («Уроки русского», НТВ, 05.12.2019).

- в ненависти к русскому народу: *«Некоторых наследников, кажется, бесят русские как таковые. Некоторых наследников мучительно волнует, что на русском языке разговаривает это крымнашистское нездоровое быдло, холопы и смерды с вечными со своими имперскими комплексами»* («Уроки русского», НТВ, 05.12.2019).

Русофobia и социальный расизм становятся главными смысловыми компонентами оппозиции. Так, людей, которые организовали преступный, по мнению Прилепина, развал Советского Союза в 90-е годы, а теперь являются представителями либеральной оппозиции, он называет *«профессиональными русофобами с интеллигентными лицами»*, политическая активность которых

– «гарантия, что завтра будут убивать русских и всех ратующих за жизнь с Россией и в России». Основанием для таких обвинений становится, как и всегда в дискурсе публициста, историческое прошлое страны, в которой оппоненты «всегда были против русских и всех, воюющих на русской стороне» (Свободная пресса, 09.08.2019): «Характерна в этом смысле позиция нашей либеральной интеллигенции, которая последовательно в случае с населением Приднестровья, в случае с абхазским населением, осетинским, в случае с народами Крыма, в случае с Донбассом и во всех последующих случаях выступала против встречного движения к России всех перечисленных народов и болела с завидной последовательностью за противоборствующую сторону. Потрясающие люди эти наши либеральные оппозиционеры. Они последовательно агитировали против всех прорусских выступлений на территории Прибалтики, активно выступали за антироссийское движение в Белоруссии, поддерживали там оголтелых западников, и далее – везде» («Уроки русского», НТВ, 27.02.2020).

Это сближает внутрироссийских русских оппонентов с иностранными агентами, нерусскими, которые всегда хотели и хотят нанести России урон. Объединяет их даже то, что они все хотят присвоить себе. Так, и русских либералов, и американских демократов в разных контекстах Прилепин обозначает одинаковой ироничной паремией «все в дом, все в дом»: «Как мы уже сказали, они паразитируют на всем подряд. **Позиция либералов – все в дом, все в дом.** Высоцкий — их, либеральный <...> Цой — конечно, их, он же ждал перемен. Башлачев — тоже их, он же ненавидел ГКБ. Летов — и Летова сюда давайте. Так, ребята, давайте начистоту. Вы буржуа и западники, и сами об этом отлично знаете, и сами об этом без конца говорите» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019); «<...> США могут ограбить и разбомбить кого угодно, только бы избежать этого, они стараются жить по принципу **все в дом, все в дом**» («Уроки русского», НТВ, 23.03.2019).

Таким образом, на имплицитном уровне всего публицистического дискурса Захара Прилепина прослеживается следующая установка:

российская либеральная элита – филиал антироссийских сил – Запада, представленного США и странами Европы; этот филиал участвует в гибридной – идеологической, политической, экономической и информационной – войне и по заказу своих западных спонсоров подрывает российские ценности изнутри, распространяя морок.

Захар Прилепин отказывает своим оппонентам в чистоте и благородстве политического противостояния. Они борются не за Россию – в такой борьбе за благо русского народа участвует он сам, но не они. В дискурсе Прилепина **они борются против России** как таковой, **желают ей катастрофы, хаоса**, который обязательно наступит, пойди Россия по западному сценарию: «*Однако сама форма неприязни по отношению, — нет, не к Путину, и не к ФСБ, и не к ГРУ, и не к РПЦ, — а к самому порядку вещей в России столь огромна, что перекрывает заранее и навсегда любые издержки, перегибы и даже катастрофы в тех странах, что раз и навсегда избраны для нас в качестве образцов*» («Свободная пресса», 31.03.2020).

«Чужие» болеют за поражение русских. Торжество прорусской идеологии, победы России на международной арене для них – «головная боль»: «*Они нашли разумным распад СССР <...> Потом они болели за поражение русских везде — от Олимпиады до Сирии.*» («Свободная пресса», 31.03.2020); «*Всякий раз, когда русские проигрывали — у буржуазии был праздник. В том числе, и когда проигрывали сербы в Югославии. Потому что везде лучше, чем в Рашке*» <...> **Праздник россиян**, получивший название «*русская весна*», для нашей аристократии **был непреходящей головной болью**. Они все сделают, чтобы этого больше не повторилось» («Свободная пресса», 09.08.2019).

И если оппоненты участвуют в этом противостоянии не по заказу Запада, то причиной их действий, по мнению Прилепина, становится **инфантанизм**. Он называет их «*инфантами, пребывающими в психозе от этой страны, этого народа, этой политики и даже самого языка*», которых отличает глупость, благоглупость, они «*ничего не понимают*», «*не знают*»,

«не слышат»: «Жизнь будет принуждать вас время от времени смирять свой непобедимый инфантилизм. Впрочем, самые упрямые по-прежнему имеют шанс умереть идиотами» (Пост в Фейсбуке, 05.04.2020); «Они ни черта не понимают: ни про войну, ни про свой народ, ни про рабов, ни про господ. И вот страна, которая досталась им, смотрит на их маленькие тонкие ручки, и думает ласково: “Сынок, кто ж тебя таким сделал?”» («Свободная пресса», 29.04.2019).

В своих речах он обращается к оппонентам посредством лексем «дети», «дитя», «ребята». Это может объясняться, во-первых, тем, что оппоненты действительно молоды (по данным группы «Мониторинг актуального фольклора» в протестах на проспекте Сахарова в Москве примерно 30% протестующих были в возрасте до 25 лет), а во-вторых, желанием писателя подчеркнуть наивность и инфантилизм этих людей: «Я вот этого все время боюсь – потрясающей человеческой непоследовательности. Какой-то упоительной непосредственной детской непоследовательности. И хотя дети, то есть подростки до 16 и старше, составляли далеко не весь состав митингующих в Москве, а примерно половину из них, именно юношеская аура заставила посмотреть на все эти события несколько иначе» («Уроки русского», НТВ, 12.09.2019).

При обращении к ним Прилепин надевает маску одобрения, сопричастности, солидарности, понимания. Но ироничный контекст высказываний помогает имплицитно выразить отношение снисхождения к ним и возвыситься над ними. Это скрытое противопоставление имеет в импликатуре следующие смыслы: они – несмышленые дети, мы – взрослые, знающие люди; они сами не понимают мотивов и последствий своих действий – мы точно знаем, о чем говорим; им доверять нельзя – нам доверять можно и нужно. Это может быть выражено на лексическом уровне при выборе нарочито позитивных атрибутивов с семой ‘трогательный, милый’: «Они такие находчивые. Такие фантазеры. Такие милые. Такие такие» («Свободная пресса», 31.03.2020); «Дудь и миллионы его **милых** зрителей

просят: о, европеец, мы забыли европейские уроки, приди и научи нас жить, мы совсем не умеем, — ведь мы убивали за мороженое, ведь мы очень плохие. Сейчас европеец придет и даст Дудю мороженое. И всем этим ласковым, нежным, теплым детям» («Свободная пресса», 29.04.2019). Также и на уровне морфологии путем добавления суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением: «[Летова] сделали актуальным, оранжевеньким таким, либеральненьким таким» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019).

Как и все дети, оппоненты Прилепина чересчур эмоциональны, и это показательно, потому что в семантическую структуру этого качества входит ‘субъективность’, то есть ‘необъективность, недостоверность’. В отличие от спокойных, последовательных «своих» оппоненты, по мнению Прилепина, **крикливы, буйные, шумные.** Это становится не просто индикатором их неправоты, но и показателем того, что они сами осознают собственную неправоту: «*И эти люди пять лет кричали про россиян, обманутых телевидением? О, да. Именно эти люди. Они кричали*» («Свободная пресса», 05.03.2020); «*Ведь опровергать антисталистов легко: они, как правило, истеричны и крикливы. Истеричный человек кричит, потому что он боится своей неправоты. Боится, что его опознают по запаху и укусят за ногу*» («Уроки русского», НТВ, 19.12.2019); «*Как у них все трогательно устроено в головах. Можно поддерживать бомбежки Донбасса и не умереть от этого, а можно выступить на концерте в один день вместе с митингом и сразу умереть*» («Уроки русского», НТВ, 12.09.2019);

«Чужие» в своих взглядах и убеждениях двуличны и непоследовательны, потому что ищут не правду, а личную выгоду: «*...серьезная часть российских политических, финансовых и культурных элит сформирована после 91 года в либеральной повестке и зачастую только мимикурирует, видя запрос на политический тренды. Случится смута, многие из них присягнут первому же самозванцу. Огромная часть не мыслит национальными категориями. Пресловутая национализация элит по большей*

части не состоялась (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду», 06.02.2020).

Они не признают своих ошибок: «*Даже если, – Господи, пусть этого не будет! – но даже если европейские страны начнут друг друга вырезать, отвоевывая друг у друга никого не спасающие маски и парацетамол, наши лучшие люди не откажутся ни от одного из своих убеждений. Это выше их сил*» («Свободная пресса», 31.03.2020). Готовы найти оправдание любому злу, совершающему против России, объясняя это тем, что Россия сама спровоцировала такое отношение к себе в мире: «*В сущности, все это можно было бы проследить уже на истории Майдана и всех последующих событий. Какую ловкость демонстрировали эти невиданные демагоги, последовательно отказываясь видеть очевидное и объясняя каждый новый акт зверства и коллективного безумия тем, что “...а Россия их довела”, “...а это ополченцы их довели”, “...а если б мы, русские, первыми не начали бы, ничего б и не было”, “...а со стороны Донбасса тоже имеются мародеры и живодеры” — и все такое прочее до бесконечности, до тошноты*» («Свободная пресса», 31.03.2020).

Более того, в своем двуличии и непоследовательности оппоненты Захара Прилепина *неубиваемы*: «*Их можно варить в супе. Их можно запускать в космос без ракеты. Ими можно укладывать дороги. Из них можно строить пирамиды. Можно печь из них пирожные. Можно делать икебаны. Можно кидать в воду вместо шипучих таблеток, и они будут шипеть. Шипеть они будут особенно хорошо. Они натренированы событиями последних тридцати лет, им ничего не страшно*» («Свободная пресса», 31.03.2020).

Еще один семантический макрокомпонент «чужих» – ‘пацифизм’, который он приравнивает к капитуляции: «*Защищать родину с оружием в руках – норма. Экспансия дипломатическая, культурная, политическая, языковая в крайних случаях и военная — тоже норма. Мы живем в мире, где сегодня 42 войны. Все уверяющие нас, что в 21-м веке проблемы нужно*

решать цивилизованно, на самом деле желают исключительно нашей капитуляции» («Уроки русского», НТВ).

Интенция, заключенная в выражении «*пора валить из Рашики*», становится основной стратегией поведения идеологических оппонентов Прилепина, ведь «*сколько для них не старайся – Рашика все равно будет зло*» (Пост в Фейсбуке, 04.04.2020).

По этому признаку он противопоставляет «чужих» людям патриотического толка: «*Ну, вот кому-то пора валить из Рашики, а Летов говорит: я отсель, я никуда не хочу*» («Уроки русского», НТВ, 24.10.2019). Противопоставляет их великим историческим деятелям России, тем самым лишая связи с историей и корнями: «*Эти люди отчего-то считаются носителями тех же ценностей и странным образом являются представителями той же профессии, что Пушкин, Даль, Давыдов и Грибоедов. Но, друзья мои, у них какая-то другая профессия, какие-то другие ценности и вообще неясно, что им так плохо все время. Вы можете себе представить Пушкина или Грибоедова, говорящих: “Пора валить из этой страны, пока народ не вернулся в сознание”?*» («Уроки русского», НТВ, 05.12.2019).

Мы помним, что для Захара Прилепина крайне важными становятся категории рода. Так вот, если «свои» для него родня, то «чужие» – это **выродки**: «*С одной стороны, Россию терроризируют профессиональные русофобы и откровенные выродки, с другой стороны, террору способствует вся государственная медийная машина*» (Программная речь Захара Прилепина на учредительном съезде партии «За правду», 06.02.2020).

Захар Прилепин прописал кодекс русского человека и обозначил линию поведения либерала, западника, буржуа (в своей авторской колонке в издании «Свободная пресса»). По сути, таким образом он сам обозначил главные идеологемы противоборствующей ему в этом внутрироссийском информационно-политическом противостоянии силы:

«Они начнут с того же самого места.

- А) «нормальные страны»;*
- Б) «европейская солидарность»;*
- В) «гендерное равновесие»;*
- Г) «православное мракобесие»;*
- Д) «преодолеть наследие совка»;*
- Е) «рабское мышление русских»;*
- Е) «ворованный Крым, ворованный Донбасс, ворованная Абхазия, ворованное все»* («Свободная пресса», 31.03.2020).

Отношения между «своими» и «чужими» Захар Прилепин ассоциирует с физиологическим процессом отторжения, полного неприятия – тошноты. Причем эта «тошнота» друг от друга взаимна. О буржуазии: *«Черт, меня едва не вырвало там. Меня просто воротило от них, а их от меня. Мы еле вытерпели друг друга»* («Свободная пресса», 25.03.2020).

Таким образом, было установлено, что оппозиция «свои» – «чужие» в дискурсе Прилепина идеологически опосредована. Опираясь на семантико-ценностные параметры, к «своим» писатель относит всех людей, которые, независимо от этнической или религиозной принадлежности, территориального расположения, считают себя русскими, разделяют русские ценности, считают Россию своей духовной родиной. Их отличает внесистемность и первозданность, интеллигентность и острота ума, широта и щедрость души. Они верят Бога, не считают себя центром вселенной и имеют прообраз – небесного русского человека. Для Захара Прилепина они – братья и сестры, родня. В свою очередь, «чужие» – это ненавистники всего русского: русской истории, языка, народа. Они болеют и ждут ее проигрыша на мировой арене. Они не разделяют духовных ценностей русских, считают их выродками и исчадиями цивилизованного мира. Имеют прозападное мировоззрение, шумны и эмоциональны, глупы и инфантильны. В основном – либералы. Между «своими» и «чужими» непреодолимая идеологическая пропасть.

2.2. Языковая личность Дмитрия Быкова

Согласно открытым источникам в сети Интернет, Дмитрий Быков – русский писатель, поэт и публицист, литературный критик, радио- и телеведущий, журналист, преподаватель литературы, кинокритик. С красным дипломом закончил факультет журналистики Московского государственного университета, что свидетельствует о высоком уровне речевой культуры и профессиональном владении словом.

Позиционирует себя как антисталинист, политический мыслитель, оппозиционно настроенный к высшей федеральной власти в России и президенту Владимиру Путину. Известен участием в митингах на Болотной площади, на проспекте Сахарова в 2011–2012 гг. и др. В марте 2014 года вместе с рядом других деятелей науки и культуры выразил свое несогласие с политикой российской власти в Крыму.

Тексты Д. Л. Быкова неоднократно становились объектом анализа разного рода лингвистических исследований. Так, например, И. Г. Катенева рассматривает способы самопрезентации в памфлетах Быкова в «Новой газете» и приходит к выводу, что главная задача памфлетов – «при помощи жесткой критики и осмеяния уничтожать «враждебную» идеологию, политический строй в целом или его отдельные негативные проявления», а сочетание в текстах различных тактик позволяет журналисту, оставаясь в зоне этической и юридической безопасности, «оказывать эффективное воздействие на сознание и восприятие окружающей действительности различными категориями читателей» [Катенева, 2014: 184–190].

Т. М. Евдокимова, исследуя на примере памфлета Д. Л. Быкова оценочность современного сатирического текста, описывает, как публицист при помощи экспрессии, принижения иронией, намеренной дискредитации и уничижения, выражает крайне негативное отношение к политическим событиям, легшим в основу памфлета. «Автор не выражает явно свое мнение о предмете речи, а наводит читателя на самостоятельные выводы — один из

характерных приемов публицистики. Это позволяет, с одной стороны, обеспечить юридическую безопасность автора, с другой же — позволяет читателю самостоятельно проанализировать предлагаемую ситуацию» [Евдокимова, 2015: 324].

А. В. Радионова рассматривает функционирование стилистически окрашенной лексики в «Философических письмах» Дмитрия Быкова. Она называет «Философические письма» базой творчества публициста и считает, что многие тезисы, заложенные в этих публицистических эссе, были развернуты им в других произведениях. Перечисляя языковые особенности стиля Д. Л. Быкова, исследователь называет, в частности, активное употребление стилистически маркированной, сниженной лексики; использование языковой игры, построенной на контрасте «высокого» и «низкого»; образование цепочек синонимов или антонимических пар; усиление роли комического и др. «Комическое создается с помощью бурлескных сравнений, развернутых гротескных аллегорий. Негативная оценочность в сочетании с сарказмом, гротеском, гиперболой, иронией придает эссе черты памфлета», – заключает А. В. Радионова [Радионова, 2016: 144–147].

Примечательно, что вышеперечисленные исследования, хотя и не рассматривают тексты Быкова в разрезе внутрироссийского информационно-политического противостояния, косвенно свидетельствуют о наличии в текстах всех признаков информационно-психологической войны (ИПВ). Так, Д. Л. Быков, будучи **актором ИПВ**, имеет конкретную цель – «при помощи жесткой критики и осмеяния **уничтожать “враждебную” идеологию**, политический строй в целом или его отдельные негативные проявления» [Катенева, 2014: 184]. **Объектом ИПВ** становится сознание реципиента – читателя, на которого направлено речевое воздействие: «языковая картина мира автора представлена богатым спектром языковых и стилистических приемов, которые также направлены на **формирование у читателя устойчивой негативной оценочности**» [Евдокимова, 2015: 326].

А. В. Радионова, перечисляя темы, над которыми иронизирует автор, по сути называет **мишени ИПВ**: «Публицистика Д. Л. Быкова тяготеет к афористичности, имеющей ироническое звучание. Его афоризмы посвящены темам: **русский менталитет, русская история, русская государственность, исторические события, признаки времени, этические установки в обществе**» [Радионова, 2016: 147]. Все названные этими исследователями лингвостилистические и прагматические приемы можно выстроить в систему последовательно применяемых тактик информационно-психологического воздействия, что говорит о том, что актор владеет **технологией ИПВ** [Бернацкая, Евсеева, Колмогорова, 2017: 24].

Эти заключения, конечно, имеют умозрительный характер и сделаны на основании косвенных признаков, однако в ряду прочих есть исследования, ставящие вопрос о возможности рассмотрения творчества Д. Л. Быкова в информационном противостоянии напрямую. Так, А. А. Бернацкая исследует текст романа «ЖД» и делает вывод о наличии в романе всех признаков информационно-психологической войны. Камнем преткновения становится вопрос, вынесенный в название научной статьи, – это информационно-психологическая война «против» или «за» Россию? «Нельзя не отдать должное гражданскому мужеству автора, смело обличившего многие системные пороки общества, государственной политики. Но позволительно ли так произвольно манипулировать такими данностями, как народ, нация, государство, его история, вера, язык?» – спрашивает в своем исследовании автор [Бернацкая, 2016: 235]. А. А. Бернацкая не приходит к однозначному выводу. «По замыслу автора, в силу его активной гражданской позиции, это война за Россию. Но это «за» так плотно окутано камуфляжем, что временами появляется сомнение: а не муляж ли таится за ним, не есть ли камуфляж самой сущностью, содержанием авторской идеи? Тогда это война против России <...>», – завершает она свою статью [Бернацкая, 2016: 236].

Мы, в свою очередь, «принимаем эстафету» у ученого. Настоящим анализом мы попытаемся внести посильную лепту в поиск ответа на этот

дискуссионный вопрос: Д. Л. Быков – «за» или «против» России. На этот раз материалом исследования стали тексты публичного дискурса Д. Л. Быкова: транскрипты авторской радиопередачи «Один» на радио «Эхо Москвы», его фельетоны из авторской колонки в издании «Собеседник», интервью коллегам, которые вышли в свет в 2018–2020 годах.

Действительно, как в художественном, так и в публицистическом дискурсе, цель, декларируемая Быковым, звучит вполне себе «за» Россию – раскритиковать настоящее, чтобы изменить ход событий:

«Я не просто ее [сменяемость власти] жду, я что-то для нее пытаюсь сделать. Но ведь для того чтобы эта власть сменилась, нужно просто взято сформулировать, а формулирование – это и есть моя профессия. Надо взято сформулировать, почему сейчас плохо. Вот это я и формулирую в меру своих сил» («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

Однако более или менее четкого образа будущего в дискурсе автора нет. Почему в России было и есть плохо, описывается подробно, детально, даже смакуется. А как должно быть и что для этого нужно делать – эти тезисы либо не формулируется вообще, либо формулируется крайне абстрактно. Так, когда в интервью в ответ на постулирование Быковым отсутствия глобальной сверхзадачи как главной проблемы современной России журналист А. Нарышкин просит его привести пример такой сверхзадачи, Д. Быков перечисляет: *«Полететь на Марс, построить новую систему образования. Создать генерацию вундеркиндов, безусловно. Победить Альцгеймера»* («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020). В другом интервью, рассуждая о глобальной задаче, которая должна сплотить российское общество, он говорит: *«Нужно искать задачу, которую им [молодому поколению] было бы интересно решать в течение ближайших 50 лет. Задачу строительства нового образования, задачу создания новой индустрии, новой биологии – вот об этом надо думать, что делать с бессмертием»* («Особое мнение», Эхо Москвы, 09.01.2020).

Со всей серьезностью относясь к важности покорения космоса и выращивания вундеркиндлов, мы не можем не заметить идеалистичности этих задач, их фантомности, заведомой обреченности на многочисленные неудачи, отвлеченности их от реальной жизни. Выбор Быковым в качестве идеала трудно достижимых фантазийных образов представляет собой хитрую логическую уловку: что бы ты ни ставил на другую чашу весов, когда на одной стоит победа смерти, ты заведомо обречен на поражение – идеализм, экзистенциальный и онтологический максимализм перевешивают любую насущную проблему. Таким образом, Дмитрий Быков заведомо занимает выигрышную и удобную для критики (если не критиканства) позицию, выбирая своим аргументом экзистенциальные тезисы наподобие этого: «лучше бы выращивали поколение вундеркиндлов».

Еще одной отличительной чертой, характерной для всего дискурса Д. Л. Быкова, становится своего рода «кликанье» беды – революции, гражданской войны, Третьей мировой войны. Он из текста в текст целенаправленно или будто между делом повторяет неизбежность общественной катастрофы, которая в том или ином виде, но обязательно случится, потому что, по его мнению, это единственный исход нынешней общественно-политической системы. Вина за это ложится чуть ли не персонально на действующего президента страны В. В. Путина, который, как считает Быков, хочет развязать войну, чтобы сплотить население страны или «под шумок» списать отрицательные проявления своей власти. И главное в этом всем то, что он, Дмитрий Быков, это предвидел: *«Итог путинскому правлению будет подводиться не сейчас <...> Путин будет смещен либо в результате революции, либо в результате развязанной им войны»* («Собеседник», 13.08.2020); *«Можно не сомневаться, что до следующей революции в России не будет никакой вертикальной мобильности»* («Собеседник», 04.02.2020).

Здесь мы видим очередной трюк в исполнении автора: подмену объективного знания личными субъективными умозрениями, сделанными на

базе ложных причинно-следственных связей: революция неизбежна, потому что этого хочет Путин (на чем основана уверенность в том, что В. В. Путин этого хочет?). Ни статистических данных, ни исторически обусловленных аргументов мы не встречаем. Каждый смысловой отрезок отражает исключительно мнение автора.

Более того, общим для всех текстов мотивом становится мотив скуки и усталости от происходящего. Ему, Дмитрию Быкову, уже все доподлинно понятно, скучно и предсказуемо. Он уже все прописал в романе «ЖД», и его ничем не удивить: *«Многие люди, особенно не служившие в армии, уже разводят демагогию патриотическую в уютных ЖЖишечках, что мы по праву сильного так себя ведем. Мы – воины, мы – нация волхвов, воинов и мудрецов. Я им все это довольно подробно расписал в «ЖД» и не вижу смысла к этому роману возвращаться <...> Вот чем прекрасны такие времена, возвращаясь к роману «ЖД» — все собираются по стратам. В эту страту я не вхожу»* («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

О В. В. Путине: *«Я не могу сказать, что я его знаю наизусть, я просто могу сказать, что мое восприятие его, оно уже не критично. Я уже ни за что его критиковать не могу. Что бы он ни сделал, что бы ни сказал – это, как говорил Чуковский, когда Маяковский своими гиперболами утомит читателя. Хотите, выну из левого глаза целую цветущую рощу. Читатель говорит: вынимай, что хочешь, я устал. Поэтому вынимай, что хочешь, честное слово»* («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

«Спасение России, ее неизбежное светлое будущее начнется с появления такого человека. И не подумайте, я вовсе не себя предлагаю на эту роль. Со мной здесь сделали достаточно – внушили стойкую уверенность в том, что все бессмысленно» («Собеседник», 28.01.2020).

Позволим себе неоднозначное замечание. Детальное рассмотрение некоторых высказываний Д. Л. Быкова наталкивает исследователя на мысль о скрытом, слабо выраженном, но все-таки существующем желании автора сыграть в судьбе страны роль мессии – того, кто предрек, предугадал,

предвидел своими текстами такие громкие исторические события, как война или революция, а может быть, даже и того, кто помог своим творчеством свергнуть репрессивный полицейский режим. Учитывая, что в дискурсе автора нет места для описания катастрофичности, жестокости, трагичности подобного рода событий и даже нет места для хороших слов в адрес народа России – тех, кому предстоит жить в том, чего он так яро ждет и кличет, возникает еще один дискуссионный вопрос: он ждет перемен ради улучшения жизни в России и благополучия граждан или из иных более эгоистичных желаний? В любом случае, если мотив спасителя и мессии остается спорным, то желание быть причастным к масштабным событиям в стране очевидно:

О блогере Юрии Дуде: «*Видимо, нам предстоит какая-то встреча, может быть, в каких-то новых политических обстоятельствах; может быть, нам предстоит какая-то совместная работа, не знаю. Но пока Господь нас бережет, как бы мы не тратим энергию, которая должна сработать как-то иначе. Не то чтобы мы войдем в переходное правительство – нет, я не думаю. Не то что мы будем стоять у одной стенки – нет, этого я тоже не думаю. Я думаю, нам предстоит, каждому на своем участке, как-то перепридумывать российские медиа или российское образование. Вот тогда, возможно, мы будем работать рука об руку, но я пока не знаю, в какой степени мы сойдемся. Пока мне очень нравится все то, что он делает*» («Один», Эхо Москвы, 06.03.2020).

К слову, прием самоотрицания, который мы можем видеть в примере (*Не то чтобы мы войдем в переходное правительство – нет, я не думаю*) – излюбленный прием автора. С одной стороны, он произносит вслух какие-либо идеи, а с другой, не несет за это никакой ответственности.

В текстах присутствует уверенность в том, что он, Дмитрий Быков, справился бы с определенными обязанностями лучше, он знает, как это сделать, да только не дают, «не доверяют», что актуализирует проблематику конфронтации с действующей властью. И в этом опять звучит идеализм, детская наивная категоричность, ведь оснований и доказательств какого бы то

ни было веса высказываний не предоставляется, а слова так и остаются громкими словами: «*Дайте мне любую провальную окраинную московскую школу на три месяца. Через три месяца там будет генерация вундеркинов. Это очень легко сделать <...> Ну дайте мне такую школу. Пока я не вижу желающих, пока опасаются даже обычных студентов доверить*» («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

Все вышеперечисленное свидетельствует о желании Д.Л. Быкова воздействовать на аудиторию скорее эмоционально, чем рационально.

2.2.1. Манипулятивные стратегии и тактики

Магистральная стратегия публицистического творчества Д. Л. Быкова – дискредитация России как государства и российского народа как государствообразующего, российской истории и Иосифа Сталина персонально, российской власти и действующего президента страны В. В. Путина персонально. Для реализации данной стратегии Д. Л. Быков использует разнообразный инструментарий: от собственно языковых средств до манипулятивных тактик.

Что касается собственно языковых средств ИПВ, среди них можно выделить лексические средства языка с негативной коннотацией:

Негативно-оценочные предикаты:

«*Как сказал Зеленский, разговаривать, безусловно, надо – но в другом формате и в присутствии других лидеров. А с теми, кто пять лет разжигал эту войну и клеветал на братьев, внезапно снова ставших таковыми, разговор должен быть один, и не на телеканале, тем более украинском, а в Гааге. И о братских чувствах надо было не тогда, когда вам надо продвигать в Раду пророссийского нашего кума, а пораньше, когда они еще наличествовали <...> Когда на Украине опомнились и – хоть и с лукавой мотивировкой насчет угроз сотрудникам канала NewsOne – отменили телемост, его все равно провели – из России в Россию. Зрелище было*

редкостное даже по меркам российского телевидения, рекордное по дурновкусию и фальши. И то, что участием в нем замарали пожилых и достойных людей – Талызину, Конкина, Инина – было еще противней <...> Неприятно, когда нынешняя Россия лезет ко всем со своей ненавистью. Но еще фальшивей и страшней, когда лезет с любовью» («Собеседник», 16.07.2019).

Негативно-оценочные эпитеты, а также нейтральные эпитеты, приобретающие негативную окраску в результате помещения их в соответствующий контекст:

«После предсказуемо скучной и бесперспективной в смысле рейтинга (да и во всех прочих смыслах) прямой линии случилась приостановка авиасообщения с Грузией, пошло привычное нагнетание антигрузинской истерики на федеральных каналах и в подтягивающих агентствах – и стало понятно, что для сплочения масс вокруг родной власти решили прибегнуть к традиционному способу <...> Честно говоря, я думал уже, что это вечное средство перестанет срабатывать: слишком все наглядно, да и конфликт явно не того масштаба, как во время “русской весны” пять лет назад. Ясно же, что все эти постимперские судороги никак не помогают забыть печальную русскую реальность – с несменяемостью власти, прогрессирующими бедностью, отсутствием социальных лифтов и прочими приметами эпохи» («Собеседник», 25.06.2019).

Негативно-оценочные существительные:

«Как известно, реакция на неприятности проходит пять стадий – отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Применительно к России, о чем бы ни шла речь, эти стадии выглядят чуть иначе – угрозы, разгон, аресты, подкуп, бегство» («Собеседник», 10.09.2020);

Зачастую это ряды негативных однородных членов, включая **политические ярлыки**:

«Безоговорочно плохо то, что страна потратила 20 лет не на поступательное развитие, а на откат назад; что вместо реставрации

плохого СССР она во многом реставрировала досоветский **монархизм**, досоветский **национализм** и досоветскую государственную **религиозность**; что вместо научного, культурного и социального прорыва увидела существенную **деградацию**, затронувшую почти все сферы ее жизни. Безоговорочно плохи массовые (именно массовые) **репрессии, попранье Конституции, ликвидация суда, всевластие карательных органов, искусственный раскол страны на непримиримых крымнашистов и столь же непримиримых оппозиционеров**. Безоговорочно плохо моральное **расление, глубокая порча** (дословный перевод слова *corruption*), запредельный уровень государственной **лжи, цинизма и воровства**. Все это проекция личности Путина, отзеркаливание его черт, неизбежное при авторитарном правлении – как коллективная **паранойя** при Сталине или коллективный сонный **маразм** при Брежневе... К плюсам отнес бы я и окончательное сбрасывание масок, то есть **разоблачение** русской идеи – отсроченное, половинчатое, но все же наглядное формирование русского **фашизма**, его **репрессивной программы, идеологии, международной стратегии**» («Собеседник», 13.08.2020);

Причем можно увидеть, как трансформируется семантика нейтральных понятий (**монархизм, религиозность**) и эпитетов (**традиционный, вечный**). Перечисляя их в ряду негативных однородных членов, Быков изменяет их смысловую структуру, они приобретают отрицательную эмоционально-оценочную окраску.

Наличие большого количества негативно-оценочных языковых единиц отражает такие интенции Дмитрия Быкова, как критика, гнев, недовольство, презрение, унижение, доходящее до издевательства, приводящее к «подначиванию», эпатажу, подрыву морально-этических устоев общества, презентируемое агрессивными словами с высокой степенью экспрессивности.

Таким образом, для публицистического творчества Дмитрия Быкова справедливы слова М. Эпштейна: «Все это как раз и говорит о кризисе объективной картины мира, об эмоциональной перевозбужденности как

общества, так и языка, где оценка и экспрессия начинают захлестывать предметно-понятийное значение слов. Язык все меньше описывает, анализирует — и все больше кричит, требует, осуждает, глумится. Современный русский — язык не столько мысли, рассуждения, размышления, сколько эмоциональных вспышек и нервных потрясений» [Эпштейн, 2009].

Зачастую эффект сгущающегося мрака усиливается посредством **антитезы**. Ее автор использует не только для противопоставления того, как должно быть, и того, как есть в России, но и для противопоставления, например, внутренней и внешней политики государства: «*Главная российская болезнь — пытаться внешней угрозой задавить внутреннее противоречие*» (Из выступления на «Дилетантских чтениях» в Санкт-Петербурге, 21.12.2018). И, в частности, для усиления идеи оппозиции «Россия – Запад»: «“Вышка”, как ласково называют ее в народе, готовит студентов **для России, а не для Запада**. Так, по крайней мере, задумано. А раз они собираются работать здесь, надо готовить их к соответствующим условиям. Западный студент в курсе, что его студенческая активность прямо пропорциональна будущему карьерному росту. Российский же студент должен понимать, что умение промолчать и в целом затихариться гораздо продуктивней умения высказываться по любым вопросам, в том числе и по научным» («Собеседник», 21.01.2020).

Использование оксиоморона, парадокса и двоемыслия для размывания жизненно важных для российского общества понятий и выхолащивания смысла из нациеобразующих концептов — тех, «которые формируют и поддерживают национальное самосознание народа» [Сквородников, 2016: 155]. Так, согласно Быкову, думать о том, что ты живешь в нормальной стране — русофobia, быть патриотом — значит быть русофобом: «*Думать, что это и есть Россия, – это и есть настоящая русофobia*» («Один», Эхо Москвы, 02.08.2019); «*Сегодня единственный настоящий патриот – тот, кто находится в ортогональном противоречии с сегодняшним российским*

патриотизмом. Сегодня быть патриотом – значит быть русофобом» (Из выступления на «Дилетантских чтениях» в Санкт-Петербурге, 21.12.2018).

Это смысловое жонглирование Дмитрия Быкова напоминает описанный Джорджем Оруэллом в романе-антиутопии «1984» способ речевого манипулирования человеческим сознанием – принцип «двоемыслия». Формулируя данный принцип, писатель продемонстрировал, как при помощи языка человека заставляют поверить лжи и считать правдой оксюморонные лозунги: «Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – сила». В романе «1984» принцип двоемыслия раскрывается персонажем Эммануэлем Голдстейном: «Двоемыслie означает способность одновременно держаться двух противоречащих друг другу убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, осознает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины».

Внутреннее противоречие, положенное в основу таких заявлений, становится эффективным манипулятивным ходом. Подобного рода фразы идут вразрез со стереотипным восприятием читателя, звучат хлестко, броско, входят в сознание реципиента как нож в масло, заставляют его прокручивать эту мысль, тиражировать ее. Как следствие, они проникают в его сознание и, вполне вероятно, рождают некую солидарность со сказанным.

Дмитрий Быков широко использует креативный потенциал русского языка. Так, **игра с именем собственным** способствует реализации тактики дискредитирующих номинаций. В дискурсе Д. Л. Быкова Россия получает кличку *Абсурдистан* – окказиональное имя собственное, получившееся в результате ономастиологической игры: «*Россия никогда еще так не жила. Это действительно абсолютный «Абсурдистан», тотальный на всех уровнях*» («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

Одной из распространенных тактик нагнетания негатива вокруг России становится **представление безальтернативного многообразия одинаково отрицательных вариантов**. Например, при анализе происходящих в России процессов и моделировании возможных сценариев развития событий в будущем Быков предлагает довольно много разнообразных сценариев, однако суть их одна – зло и катастрофа. По Быкову, будущее России непредсказуемо, может случиться что угодно: установление власти силовиков, хаос и распад, путч и воцарение фашизма, диктатура или клоунада – все, кроме доброго, позитивного, сулящего расцвет нации, укрепления позиций страны. Так он, с одной стороны, в очередной раз утверждает отрицательный образ правителя, своей страны и народа, а с другой, он не кажется категоричным, его суждения не однобоки, он предлагает читателю выбор: «*Скажу больше: из всех сценариев развития России на ближайшие 6 лет этот – оптимальный. Потому что таких сценариев всего пять. Первый. После Путина (или при сохранении Путина неконституционным путем) власть берут силовики и устанавливают фашизм, кратковременный, но приводящий к национальной или всемирной катастрофе. Второй. После Путина в стране воцаряется хаос и распад вплоть до территориального. Третий. Путин или силовики развязывают масштабную войну с той же катастрофой в finale. Четвертый. В результате путча или низового профашистского переворота осуществляется такая же диктатура, но снизу – с теми же последствиями. Пятый. К власти приходит человек, никем не принимаемый всерьез (вроде Хрущева), с помощью аппаратных игр расправляется со старой гвардией, исправляет наиболее явные перегибы, теряет власть и мирно доживает на пенсии («Собеседник», 02.10.2018).*

Причем если он и предполагает наличие в ряду прочих позитивного варианта, он тут же его отрицает, ввиду невозможности реализации в России сценариев со знаком «+»: «*У молодой генерации есть три пути. Либо она будет уезжать, либо она будет мимикрировать <...>. Либо она будет что-то здесь менять и продолжать свою борьбу. К третьему варианту готовы*

не многие. Значит, либо бежать, бегство приобретает очень массовый характер. Либо мимикрировать каким-то образом и встраиваться. Пока системе еще есть что предложить. Скоро будет нечего. Но пока еще чиновники чувствуют себя неплохо» («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

Согласно убеждениям Дмитрия Быкова, главная дилемма, непростой выбор, перед которым стоит большинство российских граждан, – «бежать» из страны или «досматривать». Притом внутренняя структура лексемы «досматривать» предполагает, во-первых, имплицитное предсказание скорого конца актуальной России, во-вторых, обреченность россиян, которые ничего не могут сделать с надвигающейся кончиной. Кроме этого, Быков отказывает гражданам в возможности жить и наслаждаться жизнью в России, радоваться успехам своей страны и реализовывать здесь свой потенциал. Манипулятивна и сама интенция актуализации данной проблемы: насколько правомерно называть проблему эмиграции самой главной для россиян (что важно: эмиграции вынужденной, связанной с невозможностью разделить судьбу своей страны, с презрением к ней, а Быков почему-то сужает проблему именно до этого типа эмиграции): *«Очень многие семьи расколоты надвое миграцией. Кто-то не хочет ехать, кто-то уже уехал. И теперь пытаются воссоединиться. Мы не просто так главной темой новогоднего эфира сделали эмиграцию. Это главная проблема сегодняшней России. Бежать или досматривать. Если бежать, то куда <...> Я же не бегу, видите, я здесь. Я досматриваю. Мне интересно»* («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

Действия власти в текстах Быкова тоже бесконечно многообразны и при этом одинаково репрессивны. Так, в текстах Быкова В. В. Путин сделал все, чтобы другие политические силы были «уничтожены, закатаны в асфальт» или «сбежали» (но ни в коем случае не продолжили бы действовать и работать на территории страны), российская власть реагирует на все «запретом, ограничением» или «сажает» в тюрьму (и никогда не поощряет, не помогает, не способствует подъему): *«Он [Путин] сам так сделал, что все остальные*

либо уничтожены, либо сбежали, либо закатаны в асфальт» («Собеседник», 25.03.2020); *«Коронавирус вполне способен принести в Россию полицейский режим, но покажите мне хоть что-то, что не может это сделать. Это единственный способ, которым российская власть реагирует на любые внешние вызовы: запрещать, ограничивать, лучше всего сажать – и сажать на пять лет за распространение вируса либо на год за нарушение карантина уже пообещали»* («Собеседник», 11.03.2020).

Нельзя не отметить **алогичность** некоторых текстов и **моделирование мнимой логичности посредством вводных слов и чередования предложений**. Например, читаем *«Высшая школа экономики запретила своим сотрудникам и студентам делать политические заявления с упоминанием имени вуза. То есть, получается, от собственного имени тоже. Хотите что-то заявить – попробуйте, но не смейте указывать, что вы студент (доцент) ВШЭ. Новый шаг, ведущий к ликвидации большинства студенческих изданий, я считаю прекрасным – по трем причинам»* («Собеседник», 21.01.2020).

Начинаем восстанавливать логику повествования, отложив в сторону чистоту интерпретации инфоповода. Почему то, что ВШЭ запретила указывать студентам и сотрудникам название вуза под своими политическими заявлениями, – это запрет на заявления и от своего имени тоже? Почему этот запрет приведет к ликвидации большинства студенческих изданий? Разве большинство студенческих изданий пишут крамолу, за которую вуз ввиду предполагаемого Быковым цензурно-карательного аппарата чувствует опасность? Разве студенчество – это всегда своеобразная оппозиция, которую государству стоит бояться? Разве среди студентов не может быть сторонников действующей власти, патриотов страны? Или им тоже запрещено делать политические заявления?

И это лишь один пример, когда довольно небольшой по объему фрагмент текста содержит в себе не соотносимое с объемом самого фрагмента количество алогизмов, играющих на руку манипулятору, не выдерживающих критического рассмотрения. Он создает образ репрессивного государства,

зашоренного университета, несвободы слова и мысли, господства цензурного и карательного аппарата, прибегая к паралогическим манипулятивным приемам воздействия на сознание реципиента.

Еще один манипулятивный прием – **позиционирование личного опыта как истины в первой инстанции**: «*Российский же студент должен понимать, что умение промолчать и в целом затихариться гораздо продуктивней умения высказываться по любым вопросам, в том числе и по научным. Я периодически преподаю и тут, и там [на Западе] и слежу за карьерой выпускников. Если там лучше всего трудоустраиваются самые активные, то здесь – самые неприметные, которых я чаще всего и не помню*» («Собеседник», 21.01.2020). Однако разве то, что Быков не помнит студентов, которые затем строят хорошую карьеру, не свидетельствует ни о том, что студенты с активной гражданской позицией не имеют в стране успеха, ни о том, что *неприметные* на его занятиях студенты – плохие специалисты?

Часто встречающейся манипулятивной тактикой является **проведение неправомерных аналогий**. Так, например, читаем: «*Мои надежды на Путина, ваши надежды на Путина в 2000 году – они были сродни надежде евреев в 41-м на то, что немцы культурная нация. Мы жестоко ошиблись*» (Дилетантские чтения, 21.12.2018). Очевидно, что данное сравнение, дискредитирующее российского правителя, сделано не на рациональном базисе, а на эмоциональном восприятии Быковым деятельности президента страны. Быков сравнивает надежды русского народа в 2000 году и надежды еврейского народа в 1941-м, основанием для проведения аналогии становится ошибочность этих надежд. Сравнение реализовано путем создания яркого коннотативно окрашенного образа евреев, которые в годы Второй мировой войны ошиблись, не оценив угрозы, исходящей от немцев. Однако мы знаем, что ценой этой ошибки был Холокост, жертвами которого стали, по разным источникам, 5–6 млн евреев, которые были бесчеловечно и жестоко уничтожены. Данная неправомерная аналогия, апеллирующая к чувствам

адресата, позволяет автору дискредитировать промежуточные итоги правления В. В. Путина.

Еще один пример: «*Как Грузия до сих пор не может отмыться от вины за Сталина, вам долго еще отмыватьсь, ребята, простите меня, но долго. Он ваш. Он ваши*» (Там же). Так как выступление проходит в Санкт-Петербурге, несмотря на то, что Быков не называет «его» напрямую, очевидно, что говорит он о действующем президенте России – В. В. Путине. Он говорит, что правление Путина = правление Сталина. Мы знаем, что Сталин для Быкова – тиран и диктатор, правление которого связано с террором и репрессиями. Следовательно, Путин – тот же диктатор, развернувший в современном российском обществе репрессивный аппарат. Более того, родине «диктаторов» нужно «отмыватьсь от вины» за них. В импликатуре – убеждение в том, что народ эту вину обязательно испытывает: Грузия – за Сталина, Петербург – за Путина. Хотя это не обязательно так. Таким образом, Дмитрий Быков настойчиво встраивает в сознание аудитории сложную многоуровневую идею о параллелизме репрессивного режима времен Сталина и современного российского путинского режима.

Подмена понятий с уличением других в подмене понятий – еще один прием Быкова. Это, с одной стороны, позволяет ему бездоказательно уличать своих идеологических оппонентов в махинациях с информацией, а с другой, брать на себя ответственность за возвращение к исходному правильному порядку. В этом смысле в глазах аудитории он становится безусловным гарантом истины, что работает на понижение критичности адресата.

Так, автор является адептом идеи вечной гражданской войны в России. По его мнению, она началась после отмены крепостного права и прекращается только в случае объединения нации против внешнего врага или внутреннего государственного террора. Гражданская война, по Быкову, идет прямо сейчас. Ее, как он считает, **неправомерно** называют «конфликтом либералов и государственников», а нужно – именно «гражданской войной». Политологические словари, в свою очередь, говорят нам, что гражданская

война – это «организованная вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны» (<http://aleho.narod.ru/book2/terms.htm>). Таким образом, гражданская война – это вполне конкретный политологический термин, характеризующий явление, признаком которого является организованная вооруженная борьба. На сегодняшний день в России вооруженные столкновения не зафиксированы, а цивилизованное идеологическое противоборство между приверженцами разных взглядов, справедливости ради заметим, в других странах называется демократией. Денотативный макрокомпонент термина «гражданская война», таким образом, ослабевает, на первый план выходит коннотативный макрокомпонент, который рождает в сознании аудитории ряд деструктивных ассоциаций, связанных с денотатом: *«Вот по этим трем линиям «Юг – Север», «дворянство – крепостничество», «русские – евреи» идет в России вечная гражданская война. Она идет и сейчас, мы принимаем ее как конфликт либералов и государственников, но, на самом деле, это, конечно, псевдоним. И вот, к сожалению, эта гражданская война прекращается либо когда начинается прямой государственный террор, либо когда против нас Украина, направляемая Америкой»* (Дилетантские чтения, 21.12.2018).

Для Быкова «конфликт» – это недостаточно острое и яркое обозначение происходящего, ему нужна драма, накал, надрыв. Он держит общество на грани первого срыва, по сути запутывая его своими прогнозами о приближающейся горячей фазе войны, которая уже идет, и даже внешний конфликт с Украиной (а он, к слову, несмотря на официальную позицию государства, утверждает, что Россия ведет войну с Украиной и, более того, спровоцировала ее, чтобы разрешить какие-либо внутренние противоречия) не поможет обществу сохранить состояние профанированного мира.

На самом деле, эта спекуляция на гипотетической возможности гражданской войны, эта постоянная актуализация большой темы для русских людей выглядит как манипулятивная стратегия **запугивания общества** и убеждения его в том, что это единственный возможный исход. И это странно

вдвойне, потому что сам публицист настаивает на том, что государственный аппарат России отвратителен именно потому, что общество живет здесь в страхе, в состоянии ксенофобии. Но вместо того, чтобы, будучи лидером мнений, способствовать уменьшению негатива в социуме, он провоцирует внутренний конфликт, нагнетает страх.

Хотя, конечно, мы помним, что Дмитрий Быков и ждет, и желает социального потрясения наподобие революции. По его мнению, тогда у России появился хотя бы небольшой, но шанс на установление идеального, в миропонимании Быкова, общественно-политического строя. Поэтому неудивительно появление прямых призывов к разрушению традиционных для русского человека ценностей, например, семьи (на Дилетантских чтениях в Санкт-Петербурге, 21.12.2018).

Кроме этого, Дмитрий Быков использует тактику **прямого обвинения России в фальсификации истории**: «*Россия не просто страна, а наглядное пособие: в ней история не столько изучается, сколько воспроизводится <...>. Да здравствует замена всех сетевых ресурсов на российские, собственные, фирменные: информации – на пропаганду, истории – на фальсификацию, факта – на миф! Ведь давно уже понятно: если страна не может дать подданным счастья и свободы, она годится в качестве объекта изучения*» («Собеседник», 12.11.2019).

Быков заявил: «*К сожалению, российская гражданская война 40-х годов включала в себя практически массовое истребление евреев, и те, кто собирался жить в свободной России, освобожденной гитлеровцами, вынужден был согласиться с тем, что на подконтрольной гитлеровцам территории полностью истребляли евреев. Такой ценой покупать российское счастье, я думаю, никто не был готов. И это еще одна роковая кривизна российской истории. Понимаете, я абсолютно уверен, что Гитлер бы добился той или иной, но все-таки популярности в России. Если бы истребление евреев, как частный случай цыган, не было бы его главной задачей. К сожалению, или к счастью, инфильтрация евреев в русскую*

культурную жизнь в тот момент была уже достаточно значительной, и такой ценой покупать независимость российский социум не был готов... Если бы Гитлер в тот момент был чуть более модернизирован, чуть более интернационалистичен. Но гитлеровский зоологический, совершенно примитивный, чудовищный антисемитизм, конечно, возуждал недоверие и вражду среди русской интеллигенции. А тот, кто не дружит с интеллигенцией, в России не победит никогда. Это важный закон, и это так», – чем вызвал огромный общественный резонанс. Пользователи сети подали на него иск за реабилитацию нацизма. По факту проверки Следственный комитет не обнаружил нарушений, после чего Быков прокомментировал события в рамках своей передачи «Один» на радио «Эхо Москвы».

Несмотря на это, стоит отметить, что автор в приведенном отрывке не конкретизирует, что говорит о России, «свободной» от ненавидимой коллаборационистами идеологии большевизма. Нельзя не заметить и то, что жизнь без большевизма и сталинизма Быков называет «российским счастьем», а ценой, которую русские аристократы оказались не готовы платить, – «жизни евреев», умалчивая о массовом истреблении других народов, в частности славян. Можно также остановиться на субъективной модальности сожаления, выраженной в союзной группе *если бы... но*, которое автор испытывает в связи с проигрышем Гитлера ввиду его «зоологического, примитивного, чудовищного антисемитизма». Таким образом, прибегая к **тактике умалчивания**, писатель **заведомо провоцирует двоякое прочтение этого текста**.

Более того, категоричность высказываний во время выступления на Дилетантских чтениях (делаем акцент на этом, так как спустя три недели на радио «Эхо Москвы» Дмитрий Быков представит развернутое и содержательное объяснение своих высказываний, которое будет в большей или меньшей степени отличаться от первоначального варианта) говорит о том, что причину проигрыша Гитлера во Второй мировой войне автор сводит до

«антисемитизма», с которым не смогли мириться коллаборационисты, а единственное, что волновало русский социум в коричневой чуме – это опять же «истребление евреев». Нельзя не увидеть и существенной подмены понятий: начиная говорить о ждущих от Гитлера освобождения от большевизма коллаборационистах-противниках режима, он заканчивает интеллигенцией вообще, с которой гитлеровцам не удалось *подружиться*.

Однако в своем «оправдании» (берем в кавычки, потому что ни сам автор, ни мы в результате анализа назвать это оправданием не беремся, скорее, ответный выпад) Быков использует следующий прием – **стратификацию аудитории на умных, которые его поняли, и дураков, которые к тому же еще и доносчики**. В расшифровке своих истинных намерений публицист прибегает к весьма ожидаемому приему – **перекладыванию с большой головы на здоровую**, ведь как известно, лучшая защита – это нападение. Он предполагает, что именно его оппоненты «внутренне солидарны с нацизмом», а он, Дмитрий Быков, его «*критикует*», считает «великой кривизной». Те, кто не видят этого и трактуют иначе, – «идиоты».

«Я не представляю, как может развиваться эта ситуация, потому что я не понимаю, каким образом можно не видеть очевидного в упор. Когда рассказываешь о коллаборантах и о том, что действительная часть русской эмиграции верила в “освобождение” России благодаря фашизму, я же никоим образом не солидаризируюсь с этим. Напротив, это мне кажется великой кривизной. Но все это трактуется с точки зрения какой-то даже не казуистической, а идиотической. Абсолютно с точностью до наоборот. И все это подается с такими дикими антисемитскими выпадами, которые как раз и показывают, что эти люди глубоко уязвлены моей критикой нацизма. Они сами, видимо, с ним внутреннее солидарны. И поэтому их мстительное чувство находит такой кривой и странный вывод» («Один», Эхо Москвы, 17.01.2019).

Отметим, что Д. Л. Быков по прошествии времени трансформирует свое первоначальное сообщение с «Дилетантских чтений», восполняя

содержательные лакуны, скрывающиеся за красотой и выразительностью речи, и умалчивания, которые и позволили адресату обвинить Быкова в реабилитации нацизма: «*Мне приписывают слова, которые я произношу как цитату, как описание мировоззрения русских коллаборационистов Второй мировой войны <...> Ведь это я цитирую слова белых генералов о том, что Гитлер освобождает Россию от большевистского ига <...> Вы понимаете, что, когда я цитирую коллаборантов, я не могу держать в руках кавычки*». Быков заключает: «*Это вообще такой известный способ шельмования, когда мне приписывают мысли людей, о которых я рассказываю*». Исследователь вынужден поставить краеугольный вопрос: действительно ли это аудитория «приписывает автору мысли людей, о которых он рассказывает»? Или же в данном кейсе интертекстуальность и цитативность используется с целью избежать ответственности? Ответственности этической и нравственной перед населением, не обладающим достаточным бэкграундом и не имеющим возможности возразить автору; интеллектуальной перед такими же эрудитами, которые в ответ на цитаты Быкова могут предложить не менее звучные цитаты исторических деятелей с другими, не совпадающими с мнением Быкова взглядами; а в настоящем кейсе и юридической ответственности.

В этом, в частности, и проявляется идеологический ключ, о существовании которого говорится в теоретической главе настоящей диссертации, в соответствии с которым языковая личность осуществляет отбор языковых средств, трансформирует семантику употребляемых языковых единиц, подбирает интертексты.

Автор настаивает на том, что он не «*солидаризируется*» с тем, что он говорит, и у нас нет ни единого основания оспаривать данное утверждение, однако мы не можем не заметить, что язык напрямую связан с идеологией, он служит ее выражением. Так или иначе идеологическое несогласие с воспроизведимым текстом отразилось бы в языке на уровне семантики, морфологии, лексики, синтаксиса и было бы обнаружено в результате

лингвистического анализа. К сожалению, в приведенном отрывке отсутствуют скрытые или явные признаки отрицания или несогласия с оглашаемыми мыслями (ирония, сарказм, контраст, приведение альтернативных точек зрения для восстановления баланса и объективизации информации).

Также нельзя не заметить и то, что в результате анализа других контекстов выясняется довольно высокая актуальность и значимость в дискурсе Дмитрия Быкова еврейского вопроса, крайне негативная оценка им антисемитизма, что также может объяснить настойчивую повторяемость этого мотива и в анализируемом отрывке.

К слову, на этих же чтениях в Санкт-Петербурге, вслед за Н. Г. Чернышевским, Быков агитирует за то, чтобы сбросить идею патриархальной семьи и сделать измены женщины *символом свободы*.

«В романе Чернышевского «Что делать?» уже подчеркнуто, что в России не будет политической свободы, пока в ней будет доминировать патриархальная семья. Россия может спастись, если она разрушит патриархальную семью. Условно говоря, пока женщина не начнет изменять мужу, и пока муж не признает эту измену некоторым символом свободы. Пока в России женские изменения не станут нормой, а мужья не станут это одобрять, ни о какой политической свободе говорить нельзя... Вперед! Вперед, петербуржцы!».

После в своей оправдательной речи на «Эхе» он в очередной раз укажет на цитату текста известного писателя, однако в речи писателя помимо цитаты Чернышевского звучит и прямой призыв *«Вперед! Вперед, петербуржцы!»*. Кроме этого, «цитата» чернышевской концепции в исполнении публициста упрощена и примитизирована.

Таким образом, в настоящем параграфе было проанализировано, как в публицистике Д. Л. Быкова реализуется стратегия дискредитации России, русского народа, российской истории, российской власти и действующего президента страны В. В. Путина. Для реализации данной стратегии Д. Л. Быков использует разнообразный инструментарий – собственно

языковые средства: негативно-оценочные существительные, эпитеты и предикаты; синтаксические фигуры: антитезу и оксюморон; игру с именем собственным. Речевому поведению этой языковой личности свойственны манипулятивные тактики.

2.2.2. Концептуальная метафора как способ иррационального воздействия на адресата

Отдельно стоит выделить использование метафоры. Рассмотрим развертывание метафоры из сферы-источника «Болезнь» в статье Дмитрия Быкова «Сталинизмом Россия тоже переболела, но антитела не выработались...».

Сталинизмом Россия тоже переболела, но антитела не выработались...

Появилась у меня идея – создать свою партию. Самоизоляция навеяла. «Переболевшая Россия» — именно партию с таким названием я желал бы зарегистрировать — но, как вы понимаете, не для тех, кто прошел коронавирус <...> Дурак, если не сказать хуже, тот, кто переболел и не обзавелся антителами, – это я, как вы понимаете, в метафорическом смысле.

Есть основания для патриотической гордости у граждан России — она переболела всеми главными заболеваниями последних двух веков, иногда в более легкой, иногда в более тяжелой форме. Революция у нее была, и антитела выработались — как выработались и побочные следствия: никто больше не может вывести граждан России на баррикады, хотя бы и по самому прекрасному поводу. Они не верят в успех восстания и даже в успех погрома. Они инертны, у них снижен инстинкт сопротивления власти. Сталинизмом Россия тоже переболела, и вирус умер, а страна жива; но антитела не выработались, и диктатура тут по-прежнему возможна. Как привычный вывих. Хотя форма заболевания была очень тяжелой, с массой

жертв. Но как-то все по-прежнему готовы чтить память вируса, ходят на его могилу, а могли бы – и в мавзолей бы внесли обратно.

Так вот, беда России не в том, что она болеет сейчас путинизмом и всеми сопутствующими заболеваниями (человек-то обычно гибнет не от вируса, а от его попутчиков и последствий). Тут вам и интеллектуальная деградация, и расцвет национализма, и нефтяная игла... Наоборот, это может стать грядущим источником антител для всего мира – как солженицынская сыворотка правды под названием «Архипелаг ГУЛАГ» спасла многих леваков в Европе. Беда будет, если эти антитела не выработаются в самой России, если урок будет извлечен всеми, кроме нас.

Но что-то мне подсказывает – будут антитела, будут. Очень уж попахивал больной на пике эпидемии» (Собеседник, 31.03.2020).

Метафорический образ, заданный уже в заголовке (СТАЛИНИЗМ – это БОЛЕЗНЬ (вирус)), не просто раскрывается на пространстве текста, он становится текстообразующей основой. Вирусом и болезнью называются разные исторические события России: революция, сталинизм, путинизм. А метафорическая образность становится основой для имплицитного сравнения этих реалий, проведения аналогий на основе того, как российское общество – живой организм пережило то или иное событие: в легкой или тяжелой форме, выработались ли антитела, были ли побочные эффекты, сопутствующие заболевания, смертельные жертвы.

Итак, историческая личность Иосифа Сталина в метафорическом смысле представляется Быковым как «вирус»; сталинизм – как «тяжелая болезнь», повлекшая многочисленные «жертвы», в результате которой у общества не выработались «антитела». Это, в свою очередь, стало причиной расцвета путинизма – тоже «болезни», от которой страна «гибнет» ввиду наличия многочисленных «сопутствующих заболеваний: интеллектуальной деградации, расцвета национализма, нефтяной иглы». «Диктатура», которой Д. Л. Быков называет и период правления Сталина, и период правления

Путина, воспринимается обществом, как «*привычный вывих*», несмотря на всю актуальную серьезность болезни.

В отличие от двух вышеперечисленных феноменов общественно-политической жизни России такое событие, как революция, которое общество также пережило как болезнь, закончилось не только выработкой антител, но и «*побочными следствиями*» – сегодняшней инертностью русских людей, которые не хотят восставать даже «*по самому прекрасному поводу*».

Краеугольный вопрос данной статьи – вырабатываются ли у российского общества антитела в результате болезненного правления В. В. Путина. Отвечая на него, автор приходит к положительному заключению, потому что на момент написания текста «*больной*» (т.е. общество) уже «*попахивал*».

Таким образом, Д. Л. Быков не просто заявляет о своем негативном отношении к двум важным для российской истории личностям, он ставит знак равенства между Иосифом Сталиным и В. В. Путиным на основании, по его мнению, их склонности к тирании и вредоносному влиянию на страну. Нельзя не отметить, что, конечно, эти заявления спорны, ведь для того, чтобы проанализировать правление любого государственного деятеля на рациональном уровне необходимо значительно больше фактов и сведений, и все не так плоско и примитивно, как это представлено в тексте. Однако автор опускает дискуссионность данного вопроса, апеллируя к чувствам и эмоциям читателя и даже к эмпатическим свойствам человеческой психики. Сила метафорического образа заменяет для адресата доказательную базу.

Попутно Быков ставит диагноз всему российскому обществу, по сути, называя его нежизнеспособным, инертным и предрекая близкую смерть. А может быть, он уже констатирует эту кончину, о чем говорит употребление в тексте лексемы «*попахивать*». В русской культуре один из семантических компонентов этого слова – появление специфического запаха в результате разложения трупа (вспомним знаменитую сцену из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, когда почитаемый всеми старец Зосима «*пропах*»).

В этом смысле идея, открывающая текст, – создание партии «Переболевшая Россия» – в контексте всего дискурса Д. Л. Быкова звучит оптимистично, как надежда на исцеление страны от недуга диктатуры и воскрешение в новом виде (вот только в каком именно?). Другой вопрос, что тема наличия в стране диктатуры не раскрыта, диктатура подается как что-то самоочевидное и само собой разумеющееся, хотя это совершенно не доказанный и оспоримый тезис.

Отметим, что пространство настоящей диссертации не предназначено для дискуссии вокруг общественно-политических, исторических, идеологических тезисов, мы лишь можем констатировать доказательность, аргументированность, наличие показателей достоверности, истинности и искренности таких тезисов в том или ином тексте.

На данном примере мы можем увидеть, как реализуется прагматический потенциал морбильной метафоры с исходной понятийной сферой «Болезнь», когда личные убеждения автора текста за счет экспрессии преподносятся как достоверные и не требующие дополнительных доказательств факты. Подобные метафоры создаются с прицелом на эмоционально-образное некритическое восприятие. Это может свидетельствовать о наличии в публицистике Д. Л. Быкова признаков ИПВ, так как концептуальная метафора имеет способность «к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира, к переносу рациональных и эмоциональных оценок» со сферы-источника (в нашем случае – это болезнь) на сферу-мишень (исторические реалии и политические деятели России).

Мы рассмотрели, как в конкретном тесте происходит развертывание одной доминирующей метафорической модели со сферой источником «Болезнь». Как отмечает А. П. Чудинов, «способность к развертыванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры» [Чудинов, 2003: 111]. Развортывание какой-либо метафорической модели в тексте «обеспечивает связность и цельность текста, усиливает эстетическую

значимость и прагматический потенциал текста, обеспечивает его интертекстуальность, связи с общим политическим дискурсом» [Там же].

Однако следует заметить, что Быков в своем публицистическом творчестве прибегает к морбидальной метафоре довольно часто, не обязательно развертывая ее на пространстве целого текста. Так, точечно в разных текстах неоднократно повторяется мотив того, что «*нынешний этап российской истории, нынешний этап российского общества – это затянувшаяся болезнь*», причем, как считает Быков, «*врачей гонят с порога и пытаются их как-то обездвижить*» («Один», Эхо Москвы, 02.08.2019). Более того, сама «*Россия – это болезнь* (Там же). Участие России в новейших вооруженных конфликтах Быков называет «*постимперскими судорогами*», русскую жизнь – «*травматичной и с язвами*», русского человека без гражданской позиции – разбитыми «*параличом импотентом*»: «*Русская жизнь всегда была травматична. То, чего мы боялись, ощущение грехов, за которые пора расплачиваться, вышло на поверхность, коронавирус обнажил язву*» (Из интервью YouTube-каналу ЗЫГАРЬ, 22.04.2020); «*Ясно же, что все эти постимперские судороги никак не помогают забыть печальную русскую реальность – с несменяемостью власти, прогрессирующей бедностью, отсутствием социальных лифтов и прочими приметами эпохи*» («Собеседник», 25.06.2019); «*Современной российской власти нужен тотальный импотент, чем и объясняется всеобщий паралич, а также отсутствие потока добровольцев в локальных гибридных конфликтах*» («Новая газета», 20.11.2019).

К слову, Дмитрий Быков в описаниях не стесняется выражаться в терминах и метафорах сексуальной физиологии. Феномен доносительства и желание человека поддерживать действующую власть он объясняет желанием «*почувствовать себя насаженным на шампур, возбудиться*» и испытать «*доносительский оргазм*». Гражданская война представляется им как «*мастурбационный процесс*» (Из выступления на «Дилетантских чтениях» в Санкт-Петербурге, 21.12.2018).

«Доносчик доносит не для того чтобы ему дали квартиру. Он доносит чтобы почувствовать слияние с линией партии. Чтобы почувствовать себя насаженным на шампур. Некоторых это безумно возбуждает и доводит до такого доносительского оргазма» («Один», Эхо Москвы, 10.04.2020).

«Я хочу сказать, что ощущение человека “свой среди чужих” основано на этом моменте наслаждения. Он не равен себе ни в одной, ни в другой среде. Но в момент перехода он испытывает что-то вроде интеллектуального оргазма» («Один», Эхо Москвы, 19.07.2019).

Еще одной крайне продуктивной сферой метафорических смыслов становится криминал. Так, по мнению Д. Л. Быкова, нынешняя коррумпированная и нелегитимная с точки зрения нравственности российская власть удерживает свой паритет за счет привлеченных в госаппарат «уголовников и криминальных элементов», да и сама действует по законам преступного мира – «крышует» своих, «наступает сапогом на морду» неугодным, «угрожает и давит». Государственная система сложена таким образом, что любая оппозиция в ней «нелегальна, подпольна», вынуждена «видеть в товарище провокатора, подозревать всех в стукачестве и сплачиваться общим кровавым преступлением».

Российское общество, по Быкову, живет по «блатной морали и в постоянном ожидании ареста». Оно – один сплошной «паханат», который живет по «ценостям паханов», и даже Бог в России – «сверхпахан», которого можно «задобрить взяткой, отлив колокол», например.

Эта метафора свидетельствует об укрепленной в миропонимании Быкова идеи нецивилизованности российской власти и всего российского народа. Россия – не правовое государство, по Быкову: «*Если каждого в России посадят, он не будет думать за что, он будет думать, что давно пора было. Страна, где все живут в ожидании ареста*» (Дмитрий Быков в интервью с Ольгой Романовой, 13.04.2020); «*Что происходит, понять очень легко. Это неизбежное привлечение к политической борьбе уголовников. Конечно, это фальшивые уголовники – не те, которые блодут какие-то во многом*

*мифические законы блатного мира. Наверное, есть люди, которые их все же соблюдают, но такие, для которых вообще никаких правил не существует. Конечно, к этим “боям без правил” – вы совершенно правы – **кriminalные элементы** будут подключаться <...> Самым главным и востребованным процессом современности является, конечно, борьба за продление этой власти, этого режима, и разумеется, **кriminalный элемент** будет широко к нему привлекаться и уже привлекается <...> это будут совершенно реальные люди, которых вербуют либо из числа фанатов, либо из просто **кriminalитета** <...> Это будут нормальные классические **беспредельщики**» («Один», Эхо Москвы, 04.02.2020); «Я ощущаю презрение к российской оппозиции, бессильной что-либо изменить, хотя она виновата ровно в том, что у нее отняты все легитимные возможности влияния на ситуацию; по-видимому, во мне возобладала **блатная** мораль, согласно которой виновна всегда **жертва**, позволившая все это с собой проделать» («Новая газета», 20.11.2019);*

*«<...> пранкеров в России неоднократно **крышевала** и даже прицельно готовила именно власть» («Собеседник», 24.12.2019).*

*«Сейчас, когда мы знаем все, сталинизм не может быть заблуждением, сталинизм – это **преступление**. Будем называть вещи своими именами» («Один», Эхо Москвы, 06.03.2020).*

*«Но вот вопрос: чего вы хотите, если вся политика в России на протяжении ее многовековой истории была либо государственной, либо **подпольной**? Все неформальное – то есть не присвоенное государством политическое движение, дискуссии, общественные науки – все развивалось тут **подпольно**, а подпольные нравы светлыми не бывают. **Нелегальность** накладывает мрачный отпечаток на всю русскую партийную жизнь и политические полемики: все подозревают друг друга в **стукачестве**, видят в товарище **provokatora** (и не без оснований), пытаются, как Нечаев, поделить всех на малые группы и **сплотить** их общим кровавым **преступлением...**» («Собеседник», 26.02.2020).*

«Своих ручных церковных иерархов они не боятся вовсе, потому что в православного Бога не верят или видят в нем сверхпахана, которого можно задобрить взяткой, храм там построить или колокол отлить. Их может напугать расследование с конкретными цифрами, но никак не сатирическое стихотворение, не разоблачительный роман-антиутопия и тем более не гражданская лирика» («Собеседник», 24.09.2019).

«Торжество сегодняшних ценностей, то есть русской идеи, заключающейся в умении только угрожать и давить, Лосевым названо с беспрецедентной точностью. Ведь действительно, русская земля сейчас за ханом, паханом, бугром, и хотя ошибочно было бы думать, что это всегда в ее природе, но к доверию таким личностям она в самом деле чрезвычайно склонна <...>. Родина не бывает вечно права. Гипноз родины пора сбросить. Огромное количество людей мыслящих, порядочных, честных и свободных, не связывает с этой территорией ничего. Не следует кричать им «валите», потому что где хотим – там и живем, и разделять ценности паханов, орующих громче всех, мы совершенно не обязаны, даже если живем внутри паханата» («Русский пионер», 26.04.2019).

Еще одной повторяющейся метафорической моделью является РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК – это ХОЛОП (РАБ) и связанная с ней модель СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА – это РАБСТВО. Причем это рабство добровольное, оно позволяет русскому человеку «живь в комфорте и не нести ни за что ответственности». Д. Л. Быков настойчиво повторяет, что русский холоп не понимает, что он холоп. Он «упиваетя» рабством, «гордится» им и испытывает «рессентимент», то есть ненависть ко всему, где ему чудится свобода: «Но дело-то по большому счету не в нем [в Путине], а в той системе, которая его породила. И этой системе совершенно не страшны любые личные упреки в его адрес. Рано или поздно их будут высказывать все, даже нынешние пропагандисты, и в этом будет едва ли не больше **рабства**, чем в нынешних славословиях» («Собеседник» 20.11.2018).

«Можно терпеть крепостничество до его отмены, но, когда оно возвращается – это уже нестерпимо. С Россией проделали именно такой фокус – посулили свободу, а потом вернули в крепостное состояние. Всех, включая олигархов. Воспитать привычку к бесправию действительно удалось. Проблема только в том, что холоп – холоп во всем и ждать от него подвигов бессмысленно <...> И вот вопрос: холопы, которые понимают, что они холопы, – они свободнее или нет? По-моему, они еще хуже. Особенно если им смешно» («Собеседник», 14.01.2020).

«Я уже не говорю о том, что огромное количество людей, людей очень недалеких, по-моему, пишут: «Надо работать, а не бороться». Они похожи на рабов, прикованных к тачке, упивающиеся своим рабским состоянием, довольно крякают, когда надсмотрщик похлестывает их по плечам и ниже плеткой, при этом говорят: «А я работаю, учитесь у меня. Вы протестуете, потому что работать не умеете» <...> И вот эти все прикованные к тачкам люди, которые гордятся, что «я работаю, а не хожу протестовать», это гордость рабством, это тот же самый ресентимент».

«Слишком интимная близость родины и даже самоотождествление с ней опасны – можно заразиться безвкусием, алогией масштабов, как это случилось с многими большими поэтами, не станем называть их. Ресентимент, конечно, сильное чувство, но Ницше первым написал, что это чувство рабское» («Русский пионер», 26.04.2019).

Стоит отметить и безусловное художественно-образное новаторство Д. Л. Быкова в процессе формирования окказиональных довольно сложных метафорических моделей, построенных на аллюзиях – скрытых или явных отсылках к прецедентным текстам в истории, литературе, культуре, а также их трансформации в своих целях. Так, по его мнению, человек должен быть не просто компьютером, а «квантовым компьютером, который мыслит кубитами». Мир – это «кот Шредингера», который «то ли есть, то ли его нет». А несовместимость приверженцев либеральных и патриотических

идеологий он раскрывает через невозможность вампиров сосать кровь одновременно у тех, и у других.

Озлобленность и ненависть русских людей ко всему – это способ «повышения резистентности организма к стрессам», как «спасение от дементоров» в книгах о Гарри Поттере, потому что, «если думать об ужасном – тебя не тронут дементоры». К слову, в этом можно увидеть манипуляцию исходным текстом: дементоры, согласно идеи Джоан Роулинг, действительно питались счастливыми воспоминаниями, но селекцию жертв в соответствии с наличием или отсутствием депрессивных состояний не проводили. Поэтому данное метафорическое сравнение можно считать не вполне правомерным, Быков трансформирует исходный смысл для достижения своих целей:

«Понимаете, человек в идеале должен быть таким квантовым компьютером, который мыслит не битами, а кубитами, который признает одновременно существование и несуществование каких-то вещей в пространстве. Бог – это квантовое понятие, и Я – квантовое понятие» («Один», Эхо Москвы, 06.03.2020).

«Мир – это шредингровский кот, он то ли есть, то ли его нет; то ли это голограмма, то ли иллюзия» («Один», Эхо Москвы, 06.03.2020).

«<...> как учит нас Джоан Роулинг, если думать об ужасном – тебя не тронут дементоры. Они нападают на счастливые мысли. Состояние агрессии, озлобления оно резко повышает резистентность организма. Человек бешено сопротивляется. А при той концентрации ненависти, которую я вижу в любой маршрутке, нам коронавирус угрожает, мы друг друга истребим до коронавируса» («Особое мнение», Эхо Москвы, 07.04.2020).

«Но мне интересен кажется такой вампир, который умирает от другой группы крови, несовместимой с его вкусами. И поэтому, скажем, какой-то вампир может кровопийствовать только у поэтов, кто-то – только у либералов, кто-то – только у почвенников. Представляете, ситуация вампира, который хочет пососать либерала, а нельзя, все либералы

уехали, и ему приходится, за неимением лучшего, сосать у таких урапатриотов, идеологов тотального доминирования; людей, больше всего озабоченных тотальным доминированием. У него не получается, его рвет, у него какая-то несовместимость. Он начинает меняться под действием этой крови, пытается играть в патриотизм» («Один», Эхо Москвы, 04.02.2020).

В своих текстах Д. Л. Быков сравнивает Россию с Гоморрой (одним из двух легендарных городов, который наряду с Содомом, согласно библейской традиции, является высшим олицетворением греховности). По его мнению, в России нет праведника, «запятнаны все». Да и праведник здесь «не уместен», потому что «не совсем понятно, зачем он нужен»:

«В этой нише мог находиться тот, кто не запятнан, а современное общество в России устроено так, что запятнаны все. И тот, кто наглее всех рядится в белые одежды, спекулирует наиболее наглым образом. Надо понимать, что мы живем в Гоморре. В Гоморре, действительно, праведник не уместен, не совсем понятно, зачем он нужен» («Один», Эхо Москвы, 02.09.2019).

К слову, тема греховности общества, власти, страны активно поддерживается Д. Л. Быковым. В своем интервью он говорит, что в России сильно чувство страха, источником которого является осознание собственной греховности. Более того, пандемия коронавируса интерпретируется им как расплата за грехи.

Будучи сам верующим человеком, чувствующим своего рода ответственность перед Богом (в одном интервью, рассуждая о протестных акциях и своем отношении к ним, он говорит: «Для меня Господь Бог совершенно реальный. Я живу для того, чтобы ему было не стыдно на меня смотреть. Вот и все, что я делаю.») («Особое мнение», Эхо Москвы, 09.01.2020)), он атакует не просто церковь как религиозный институт и даже не православие как религиозную доктрину, он бьет в самое сердце русской веры – в мифологемы о богоизбранности русского народа, о том, что Россия – главный оплот истиной веры и перед ней стоит мессианская задача,

мифологемы, которые изложены в частности в концепции «Москва – третий Рим». Быков отказывает России в той духовной роли, которую, как считается, она должна сыграть в мировой истории, называя ее именем города, уничтоженного Богом за грехи.

2.2.3. Лексико-семантические особенности дискурса

Рассмотрим лексико-семантические особенности дискурса Дмитрия Быкова на примере слов «*родина*», «*патриот*» и «*патриотизм*». Словарные определения этих лексем представлены в параграфе 2.1.3. настоящей магистерской диссертации. Несмотря на то, что Д. Быков и З. Прилепин оба были рождены в СССР, что должно обуславливать совпадение денотата, говоря о родине, оба автора апеллируют к образу России, однако прагматический макрокомпонент значения, который включает ассоциативные и эмоционально-оценочные смысловые признаки, у них значительно разнится.

Так, Дмитрий Быков, известный своими антисталинистскими и либеральными взглядами, еще в 1994 году в интервью журналу «Столица» дал следующее определение слову «*родина*»: «*У меня несколько Родин. Первая — гигантская, недораспавшаяся Империя, полагающая в числе своих заслуг именно этот гигантский масштаб — символ доблести предков, неуклонно расширявших территорию. Это Родина кваса, валенка и «Катюши», — к каждому из этих понятий по отдельности я отношусь с нежностью, но в сумме они производят удручающее впечатление. Мы не знаем Родины как дома — только Родину как абстракцию, которую надлежит (заметим директивность!) изучать, любить и ставить превыше всего. А где абстракция во главе угла — там моему дому не место. Вторая моя Родина — язык и культура, русская проза и русский стих, тоже вечно мечущиеся в поисках почвы. Есть и еще одна Родина — пейзаж, улица, дом, семья; но гимном такой Родины давно уже служат авторские песни и рок-баллады,*

которые никак не годятся на роль государственного гимна» («СТОЛИЦА», 1994).

Мы видим, что для Быкова понятие Родины дискретно. Для него Россия – и наследница имперских традиций, гордящаяся своими масштабами, и средоточие приходящих в упадок традиций народных. Уже тогда он отмечал для себя раскол между Родиной и государством. Родина для каждого человека заключается и в общих понятиях, таких как язык и культура, Родина отражается и в индивидуальных понятиях семьи и дома, но ни то, ни другое не имеет ничего общего с символами, навязываемыми государством. Д. Быков демонстрирует критично-ироническое отношение к исследуемому понятию и тотальное неприятие царящего в обществе состояния «родинобесия», когда все перед Родиной в долгу, но взамен она ничего правильного не предлагает: *«Это такая основа русского мировоззрения, против которой не попрешь: главная духовная скрепа. Родина – это все. Ей все можно. Все перед ней в долгу. Все перед ней виноваты <...> К чему ведет такое поведение – и такое мировоззрение, все мы сегодня наблюдаем: все это родинобесие – другого слова не подберу имеет у нас чрезвычайно глубокие корни. Никакая мораль с ним не совмещается, потому что любые нравственные критерии немедленно исчезают при роковом слове “Родина”»* («Родина против матери», Еженедельный журнал «Профиль», 30.01.2015).

Анализируя судьбу Родины, Д. Быков исследует в комплексе и линию поведения действующей власти, и состояние мысли русского народа, и собственное отношение к России. Он обращает внимание на то, что сегодняшний символ Родины – это результат целенаправленной пропаганды: *«Вот в этом-то и ошибка сегодня, опасность сегодняшней российской пропаганды – что она ставит на последние, на самые значительные вещи. Либо ты с нами, либо ты против Родины. Отождествлять Родину с собой довольно опасно, потому что ты-то не вечен»* (Эхо Москвы, Один, 05.04.2019).

Главная претензия, которую бросает Д. Быков Родине как понятию, навязываемому «сверху», – это жестокость, кровавость и императивность. Родина, по его мнению, требует жертвенности и преданности, но ничего взамен своим гражданам не предлагает: *«Я главное не могу понять, а что, Родина ничего не может предложить, кроме пули, своему истинному патриоту? Вот тому, кто любит Родину, полагается русская пуля на русской земле. А кто не хочет пулю, тот не русский»* («Один», Эхо Москвы, 06.03.2018); *«<...> в Америке понятие Родины хотя и священно, но оно не так жестоко, кроваво и императивно, как в русской официальной пропаганде»* («Один», Эхо Москвы, 15.09.2016).

Стоит заметить, что в дискурсе Дмитрия Быкова довольно часто возникает мотив отказа от Родины. Он задается вопросом, можно ли оторваться от Родины, если претензий так много, и приходит к выводу, что, во-первых, Родина – часть человека, и для отказа от нее, нужно уничтожить в себе многое. Во-вторых, в российском обществе развит ничем не обоснованный культ предательства, и те, кто реализовывает свое право выбора, сразу же попадают в ранг предателей: *«Просто, видимо, отрыв от русской матрицы – это всегда довольно кровавое дело, довольно трагическое. Надо слишком многое в себе уничтожить, чтобы оторваться от родины и от ее ценностей»* («Один», Эхо Москвы, 05.04.2019); *«<...> для русского поэта отказ от Родины <...> всегда выглядел как предательство. Предательство – это очень употребительное в России слово, действительно: шаг влево – шаг вправо. Если ты действительно не хочешь разделять с родиной ее заблуждения, то ты сразу же получаешься предателем. А Родина всегда права, не права она не бывает»*; *«Я очень не люблю, когда Родина использует нас как заложников. Да и вообще у меня к Родине массе претензий. Но готов ли я от нее оторваться целиком? Нет, не готов. Иначе бы оторвался»* («Один», Эхо Москвы, 23.09.2016).

Хотя мы помним, что позиция автора трансформируется с течением времени. В 2018 году, заявляя о том, что в его представлении наиболее близка

к идеалу страны для проживания Америка, он все еще актуализирует мотив любви к Родине, хотя и путем метафорического переноса и сравнения Родины с женой: «*Там [в США] прекрасная проза, замечательный кинематограф, культура развивается быстро. Но любишь ведь не хорошую, а родную. Вера Брежнева может быть идеально красива, но люблю-то я не Веру Брежневу и как-то живу не с Верой Брежневой*» (Дилетантские чтения, 21.01.2018). В 2020 году он упрощает свое желание остаться в России лишь до желания «*досмотреть*», чем в итоге обернется ситуация в стране, а не «*бежать*» в эмиграцию.

В своих последних заявлениях Д. Быков придерживается той позиции, что Родина – это не данность, а выбор человека. «*Родина – это воплощение принципов, а не просто место вашего рождения. В конце концов, очень многие люди родились совершенно не там, где реализовались. Место рождения – не факт вашего выбора и не момент вашего личного отношения. Сегодня человек сам выбирает, какие принципы ему защищать. В этом смысле он волен выбирать. Если на его родине торжествуют глубоко враждебные ему идеи, он волен уехать туда, где торжествуют идеи, ему близкие*» («Один», Эхо Москвы, 15.03.2019).

Несмотря на все вышеперечисленное, тем не менее, Д. Быков не ставит крест на Родине, он лишь разрабатывает свою особую концепцию ее существования и развития. Так, он по сложившейся традиции сравнивает Родину с матерью, однако любовь к матери, по его представлениям, не имеет однозначного выражения. Она может быть разной, и его путь – любовь жалостливая, с надеждой на лучшее: «*Я отношусь к родине примерно так же, как к своей жизни: я ею не горжусь, но я за нее отвечаю. И другой у меня нет <...> Может, родина действительно похожа на мать, и каждый к ней относится соответственно <...> я, например, от своей матери сильно завишу, и мне всегда ее жалко, при всем любовании ее способностями. Мне все время кажется, что жизнь ее могла сложиться лучше, что ее многие*

незаслуженно обижали и оттесняли, хотя она и сама не пряник. И к родине у меня ровно такое же отношение» (Домашний Очаг, 03.09.2019).

По всему видно, что отношения с Родиной у Быкова не выяснены. И по количеству обращений автора к этой теме, и по пространности рассуждений можно судить, что эта проблема для него самого, в первую очередь, не теряет актуальности.

Рассмотрим репрезентацию понятий «патриот» и «патриотизм». Дмитрий Быков находит современный российский патриотизм не истинным, и моделируют лучшего патриота. Так, Быков получил своего рода славу Герострата, заявив, что «Сегодня быть патриотом – значит быть русофобом» (Дилетантские чтения, 21.12.2018). Мы уже рассмотрели манипулятивный потенциал настоящей фразы в параграфе 2.2.1. практической главы данной диссертации, однако находим важным и нужным остановиться на этом авторском тезисе подробнее.

Согласно словарю политологических терминов, «русофobia» – это ненависть ко всему русскому (<http://aleho.narod.ru/book2/terms.htm>). В свою очередь, «патриотизм» – это преданность и любовь к своему отечеству. Утверждая, что патриотизм есть русофобия, Быков по сути говорит о том, что любовь к своему отечеству, к России, может быть проявлена только через ненависть ко всему русскому. Ненависть к русскому всему (истории, народу, правителям) отчетливо проявлена в дискурсе писателя и публициста. Таким образом, в дискурсе Дмитрия Быкова происходит тотальная подмена понятий, абсолютная десемантизация слова «патриот» и наполнение его обратным смыслом с целью объяснить и облагородить свою позицию по отношению к России, унижение и дискредитация России выставляется как необходимый для воскрешения страны протест.

Одновременно с утверждением себя патриотом России, Дмитрий Быков отказывает в патриотизме всем, кто себя сегодня таковыми считает: «*К сожалению, сегодня единственный настоящий патриот – тот, кто находится в ортогональном противоречии с сегодняшним российским*

патриотизмом» (Дилетантские чтения, 21.12.2018). Он пытается нащупать, что же есть патриотизм истинный, он даже пишет, идя по стопам Петра Палиевского – автора памфлета «К понятию гения», свою фундаментальную статью «К понятию патриота», *«поскольку мало в чем Россия так нуждается, как в истинном патриотизме»*. Однако его дискурс отличается стремлением к обытовлению понятия «патриотизм» и избавлению его от налета патетичности и милитаризма. По его мнению, патриотом является всякий, кто *«остается на Родине, имея все возможности свалить»* (Здесь и далее приведены выдержки из текста Д. Быкова, опубликованного в журнале «Профиль», 07.02.2016).

Патриот – это не обязательно защитник отечества. *«Живет здесь? Налоги платит? Закон не преступает? Он самый патриот и есть, а не тот, кто рвет глотку за Донбасс или требует посадить на кол пятую колонну»*. Более того, *«патриотизм не предполагает следования идеологии»*, а главная черта настоящего патриотизма – сопротивление, так как по Быкову *«патриот – всегда борец с генеральной тенденцией эпохи, потому что быть патриотом, попавшим в струю, слишком легко, и этому как-то не веришь»*. Патриот всегда действует вопреки: вопреки действующей власти, что выражено в полнейшем отсутствии у него раболепия или желания выслужиться; а также вопреки собственной выгоде, и Быков подчеркивает это, называя патриотами тех, *«кто, не уезжая никуда – пока сохраняется шанс жить и работать дома, – заявляют о своей гражданской позиции»*.

Немаловажная черта быковского патриотизма – непривязанность к земле. Для него патриот – не обязательно тот, кто живет на территории государства, а уехавший – не обязательно предатель: *«Разумеется, те, кто вынужден жить и работать за границей – по причинам политическим или профессиональным, если учесть стремительную депрофессионализацию местного общества, – тоже могут называться этим гордым словом, ибо они укрепляют престиж России и русских за рубежом»*.

Для Быкова как Родина – не место на карте, а набор принципов, так же и патриот – это, в первую очередь, думающий о судьбе России: «Мы не можем абстрагироваться от русской темы. У Искандера есть потрясающая формула: «Патриот — это думающий о России». Мы не можем перестать думать о России. Вот это и есть единственно допустимый патриотизм».

Итак, анализ слов «родина», «патриот» и «патриотизм» показал, что у Быкова отношения с родиной не выяснены. Он относится к ней критично и жалостливо, видя в этом основы истинного патриотизма. Причем понятие «патриотизм» в своем публицистическом творчестве он полностью пересматривает и наделяет его другими, порой противоположными исходным смыслами.

2.2.4 Дихотомия «свой» – «чужой» и ее языковая презентация

Прежде чем переходить к рассмотрению категорий «своих» и «чужих» в публицистическом творчестве Д. Л. Быкова, стоит остановиться на разрабатываемой им концепции о непримиримом расколе русского общества на две расы, две «ветви эволюции». Апеллируя к писателям фантастам (и таким образом заранее снимая с себя подозрения в расизме, ведь он всего лишь интерпретатор), он аллюзивно делит российское общество на людей и люденов (как у братьев Стругацких) или, например, элоев и морлоков (как у Герберта Уэллса). Семантически и контекстуально этот раскол в конечном счете упирается в конфликт между народом и интеллигенцией: «Раньше конфликт народа и интеллигенции существовал на каждой лестничной площадке; сегодня народ и интеллигенция просто расселились по разным местам. И вот так причудливо я сам перестал конфликтовать, практически перестал видеться с людьми, с которыми я расхожусь по убеждениям <...> Вот уэлловские элои и морлоки... морлоки — они вынужденно находились в одной среде, потому что одни обслуживали других. А оказывается — Уэллс не совсем угадал. Хотя он точно угадал вектор расслоения, но он не угадал,

что люди перестанут быть воспринимаемы друг другом. Угадали это Стругацкие <...>» («Один», Эхо Москвы, 21.07.2017).

Людены, элои, интеллигенция – сверхлюди, «бессильные, но утонченные», продукт «эволюции второго порядка» и «бурного научного и культурного рывка», обладатели «новой морали». Все войны – лишь попытка затормозить прогресс и распространение этих сверхлюдей, которые грозят «непоправимо и радикально изменить мир», которые продолжат эволюционировать на фоне всего остального деградирующего мира.

Люди, морлоки, народ – «человейник», который «не справляется с грузом моральной ответственности» («Один», Эхо Москвы, 19.06.2015). Они «сильные, грубые, но глупые» («Один», Эхо Москвы, 21.07.2017).

Первым интересны «знания, наука, творчество», вторым – «зло». Первые выступают за «развитие», вторые – за «традиции», которые есть маска и камуфляж «зверства». Первые развиваются «интенсивным путем», вторые – за счет экспансии.

В конечном итоге это раскол на «бессильную рафинированную интеллигенцию и на безмозглый пролетариат» («Один», Эхо Москвы, 19.06.2015). И совместное будущее, согласно Быкову, – это или незаметное существование люденов, либо глобальная война: «Действительно, для одних людей первичны сильные эмоции, добываемые из зверства (можно взять ИГИЛ как вариант, и у нас многие к этому тяготеют), а для других первично ненасильственное распространение знания, интерес к науке, к творчеству, к созиданию, к семейному счастью и так далее. То есть одним необходимо зло как источник энергии, а другие умудряются как-то это делать из добра» («Один», Эхо Москвы, 19.06.2015); «И люди, для которых превыше всего зверство и наслаждение от зверства, все чаще прикрываются идеями государственничества, патриотизма, традиций. А для других традиция – вещь не священная. Для других священно развитие. Вот так выглядит сегодня раскол на людей и люденов» («Один», Эхо Москвы, 19.06.2015); «Но разница – ведь в чем? Понимаете, миру люденов совершенно не нужно никого

захватывать для того, чтобы существовать. Людены могут жить без экспансии. Людены могут продолжать развиваться за счет познания – грубо говоря, интенсивным путем. А людям, которые живут экстенсивно, которые любят только казнить, пытать и получать в этом источники творческой энергетики – им совершенно необходимо расширяться за чужой счет. И это причина, по которой большинство опасных режимов, они не могут ограничиться собой, они вылезают за собственные границы. Это трагедия, конечно, да. Поэтому в эпоху мирного сосуществования я не очень верю. Я не верю, во всяком случае, в возможности, как бы сказать <...>» («Один», Эхо Москвы, 19.06.2015).

И подобного рода заявления можно было бы счесть только лишь интерпретацией художественного творчества фантастов, однако для иллюстраций автор прибегает к реальным примерам из жизни, вследствие чего становится совершенно очевидно, что за образом морлоков стоят «сильные, но глупые государственники и патриоты России», в частности, и борцы за Донбасс, а восхваляемые людены – это Киев и представители либеральной оппозиции. Таким образом, можно заключить, что эти фантастические образы служат выражению политических взглядов Д. Л. Быкова: «Жаль только, как и предсказали Стругацкие, что в мире люденов туговато будет с иронией и милосердием. Но что поделать — мир, условно говоря, Донбасса сделал все, чтобы в мире Киева относились к нему без иронии и милосердия (я только что вернулся с Украины и прибегаю к этой метафоре, но вы можете подобрать любую другую). Отсюда и беспрерывные споры о том, что делать с Донбассом: попытаться интегрировать или отгородиться стеной. Мир Донбасса не хочет, чтобы его интегрировали. Что будет делать Киев — пока непонятно. Может быть, получится так, что он просто исчезнет с радаров прежнего мира: ведь нынешняя Россия, прямо скажем, совершенно не видит Украину. Она видит на ее месте ужасный фантом, а реальная страна попросту не помещается, как сказали бы те же Стругацкие, в темпе ее восприятия» (Собеседник, 19.11.2019); «Потому что конфликт элоев и

морлоков, понимаете, – там же не элои хотят истребления. Так получается, что ими пытаются, так получается, что их ненавидят. Сами-то по себе они, невзирая на свой снобизм, не такие уж и кровожадные. Больше того скажу: можно сколько угодно упрекать либералов, но ведь не либералы затевают процедуры лишения избирательных прав, ограничения свободы печати» («Один», Эхо Москвы, 02.08.2019).

Отметим, что переход от анализа фантастических литературных контекстов к современным политическим реалиям происходит незаметно для адресата, как бы между делом. Несмотря на то, что зачастую в контекстах отсутствуют прямые лингвистические показатели причисления люденов и элоев к «своим», а обычных людей и морлоков – к «чужим», именно эта политическая обусловленность позволяет сделать вывод о том, что сам Быков причисляет себя к первым – творческим и созидающим интеллигентам, выступающим за развитие, находящимся в меньшинстве.

В целом же категория «свой» в дискурсе Быкова выражена крайне и крайне слабо. Его творчество индивидуально и, можно даже сказать, эгоцентрично. Он всегда выступает с позиций своего яркого авторского «Я» («я знаю», «я думаю», «мне кажется», «классово он мне никак не близок», «мне это все глубоко отвратительно» и т.д.), очерчивает свое мировидение.

«Чужими» же Дмитрию Быкову становятся сразу все. Это проявляется и во взаимодействии с адресатом. И в письменном, и в устном дискурсе Дмитрия Быкова мы встречаем своего рода заигрывания с аудиторией. Например, статью «Опять двадцать пять», поводом написания которой стало 25-летие «российской трагедии, начавшейся штурмом города Н в декабре 1995 года» (заметим, автор избегает прямого указания на Первую чеченскую кампанию) предваряет следующее замечание: *«Внимание! Данный материал является результатом самоцензуры во избежание разжигания. Все совпадения случаины»* («Собеседник», 17.12.2019). Зачем это уточнение? Смеем заметить, что автор анализирует историю, а не пишет гипотетический рассказ. Несмотря на то, что Чеченская кампания нарочито завуалирована, факты, которые он

приводит («убийство председателя горсовета Виталия Куценко 6 сентября 1991 года», «ельцинский указ 2169 № от 11 декабря 1994 г. “О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории некоей республики”»), недвусмысленно намекают именно на этот исторический факт. Как совпадения могут быть случайны?

В другом памфлете, опубликованном в «Новой газете», читаем постскрипту: «Автор просит редакцию набрать этот постскриптум меленьким-меленьким шрифтиком. Для тех облученных сограждан, которые уже решили, что автор сошел с ума. (вероятно, на почве недавнего отравления, которое тоже освещалось слишком широко и явно не просто так), хочется особо сказать, что есть такое слово «памфлет». Но в каждой шутке — только доля шутки, и потому их реакция — отсутствие чувства юмора и страстная жажда осудить современника, найдя к тому же для его действий максимально унизительный мотив, — тоже свидетельствует о том самом, чему посвящено данное расследование-предупреждение» («Новая газета», 20.11.2019). Зачем необходимо было данное отступление? Из неуверенности, что все расшифруют скрытые интенции автора? Или из желания предвосхитить неоднозначную реакцию на текст? Так или иначе, это манипулятивный прием парализации любой возможной критики в свой адрес: Дмитрий Быков заранее определяет возможные реакции, присваивает их себе и, как следствие, лишает своих оппонентов аргументов против себя.

На публичном выступлении на «Дилетантских чтениях» он неоднократно повторяет «Я очень надеюсь, что то, что я здесь и сейчас говорю, не покинет пределов этого зала. Я скажу вам самую страшную вещь и попрошу вас всех ее забыть». Зачем автору необходимы подобного рода высказывания, если он понимает, что ведется видеосъемка мероприятия? Это нарочитое кокетство, имитация сверхдоверительных отношений с аудиторией, позиция ментора, открывающего публике страшные тайны бытия, способствуют понижению уровня критичности аудитории.

Безусловно, что все это можно назвать и разделением массовой аудитории на «своих» и «чужих». Притом «чужие» – это не столько те, кто не понимают того, о чем говорит писатель, сколько те, кто не разделяет его точку зрения и выражает готовность ее оспаривать. А «свои» – это именно те, кто соглашается с псевдонаучными тезисами Быкова, его вольными интерпретациями не только литературных произведений, но и исторических фактов.

Стоит отметить, что, несмотря на явный идеологический подтекст, сам Быков открыто совершает подлог: называя «чужих» дураками и идиотами, он имплицитно присваивает им такие качества, как глупость, необразованность, неначитанность. «Чужие» критикуют творчество Д. Л. Быкова, потому что не понимают, о чем идет речь, потому что не способны осознать глубину и аргументированность доводов. В свою очередь, тот читатель или слушатель, которому кажется, что он пробрался сквозь аллюзии, двусмысленные недоговорки, раскодировал послание Быкова, ощущает себя по отношению к другой части массовой аудитории особенным, избранным и, что немаловажно, умным.

Постулируя неизбежное разделение населения России на людей и людепов, элоев и морлоков, он «подкармливает» это разделение стратификацией и сегментацией аудитории по демонстрируемо интеллектуальному, а на самом деле идеологическому признаку на уровне текста. Можно, конечно, спорить, насколько это pragmatically продуманный ход или это лишь отражение убеждений автора в зеркале текста, однако автор настоящей диссертации по совокупности манипулятивных приемов, обнаруженных в анализируемых текстах, склонен относить подобного рода уловки также к манипуляции сознанием аудитории.

В любом случае, все вышеописанные приемы где-то в большей, а где-то в меньшей степени говорят о презрительном отношении к своему адресату: в первом случае это откровенное издевательство (своей преамбулой он говорит примерно следующее: вы могли подумать, что я имел в виду, но я не имел

этого в виду, хотя имел в виду именно это, но поймут это не многие), во втором случае откровенное презрение к читателю, который может не разделять точку зрения автора, а в третьем – кокетливая игра, во время которой можно выдать свое личное убеждение, псевдонаучные или не вполне доказательные исторические факты за чистую монету, и слушатель поверит, потому что это «страшная тайна».

Презрительное отношение к аудитории звучит и открыто в ответах на вопросы в рамках радиопрограммы «Один»: *«Еще пришло три вопроса. Финлей: "Хотел вам сообщить, что у вас чисто педагогическая привычка ни в чем не сомневаться и знать ответы на все вопросы, вплоть до смысла жизни". Слушайте, Финлей, миленький, что же мне делать, если я знаю смысл жизни? Я его правда знаю. Ну, смиритесь с этим как-нибудь. Я же не объявляю вас всезнающими и не сомневающими, когда вы меня тут критикуете. Нет. "Дима, вы мне крайне симпатичны, но надо привыкнуть к вашей манере ведения. Я-то думал, будет взаимная беседа". Ну, как же это не взаимная беседа? Прямая взаимная беседа: вы пишете – я отвечаю»* («Один», Эхо Москвы, 19.06.2015).

В одном интервью Дмитрий Быков и сам признается в своей стратегии общения с адресатом: *«Я за эти годы научился разговаривать так, чтобы умные меня понимали, а дураки не могли прикопаться, – это серьезное искусство, я потратил на это годы»* (Интервью на YouTube-канале «ЗЫГАРЬ», 22.04.2020). Эта сказанная вскользь фраза отчасти объясняет и ситуацию, развернувшуюся вокруг неоднозначных высказываний Д. Быкова на «Дилетантских чтениях» (описана в параграфе 2.2.1), и стратегию сокрытия своих мыслей за цитативностью и интертекстуальностью.

В целом же, категория «свой» в дискурсе Дмитрия Быкова выражена слабо, а «чужими» для него становятся сразу все. Его творчество индивидуально и даже эгоцентрично.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Таким образом, в практической главе магистерской диссертации были проанализированы языковые личности писателей Захара Прилепина и Дмитрия Быкова. Резюмируя вышесказанное, мы видим, что наличие внутрироссийского информационного политического противостояния очевидно, и исследуемые авторы Захар Прилепин и Дмитрий Быков стоят по разные стороны баррикад. Однако если в случае Захара Прилепина идеологическая направленность дискурса и стратегия автора вполне конкретны и понятны, то в связи с анализом дискурса Дмитрия Быкова возникает ряд вопросов.

Захар Прилепин – человек, который стоит на защите русских ценностей, русского языка, русского населения. В его дискурсе эксплицировано не только то, за что он борется, но и проявлен четкий образ оппонента – либерала и западника, который «убил» страну в 90-е годы, и он, Захар Прилепин, готов сделать все, чтобы сохранить суверенность, целостность своей Родины, и не допустить своих оппонентов до власти, так как это, по его мнению, грозит очередным распадом страны. Однозначно в информационно-политическом противостоянии Прилепин выступает *за* Россию, тем более, что сам писатель неоднократно констатирует факт информационной войны против государственных устоев и открыто реализует в публичном пространстве генеральную контраманипулятивную стратегию.

Дмитрий Быков по всем формальным признакам также участвует в этом противостоянии и, как бы это парадоксально ни звучало, по его мнению, тоже *за* Россию. Только в его случае – за эфемерную Россию, Россию потенциальную. Он видит своей целью обличение зла, критику зарвавшейся власти, полицейского режима и репрессивного аппарата в настоящем, и, возможно, в будущем что-то из этого выйдет. И, надо признать, на своем месте достигает этих целей безоговорочно. Его гражданская позиция и литературный талант не могут быть поставлены ни под какое сомнение. Вот

только возникает ощущение, что воюет он за Россию с самой Россией, ее духом, самостью, основами существования. И историческое прошлое, и современные реалии России представляются им как недостойные. Кажется, что он бы переписал их набело, потому что в том виде, в котором Россия существует сейчас, она ему «глубоко отвратительна», как и большая часть русского населения, инертного и ни на что не годного.

Захар Прилепин, к слову, отнюдь не идеализирует ни русского человека, ни российскую власть, однако он продвигает прорусские мифы: о миссии России в истории человечества, о великом русском человеке, о державе-победительнице. В его дискурсе Родина безусловна, абсолютна и величественна. Она соседствует с Богом, имеет свой особый, отличный от европейского или американского сценария, путь. Прегрешения и отрицательные качества ее правителей или отдельных представителей народа не пятнают ее образа. Россия, по Прилепину, – это птица-тройка, которая «мчится вся вдохновенная Богом».

В дискурсе же Быкова Россия – это унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла. История здесь сфальсифицирована, и в ней намного меньше поводов для гордости, чем этого хотят русские; Бог здесь – «суперпахан», которому можно «сунуть взятку»; миф о богоизбранности русского народа Быков жестоко развенчивает, ставя Россию в один ряд с городом-грешником Гоморрой. Российское общество живет в состоянии перманентной гражданской войны, оно разделено на две касты: высшую – интеллигентную, воспитанную, свободную, с высоким уровнем гражданской ответственности, с еврейскими корнями и чувством презрения ко всему исконно русскому, и низшую – большую часть необразованного, антикультурного населения дураков, идиотов и холопов, испытывающих ресентимент, ксенофобию и панический страх перед всем.

В этом и заключается главный парадокс: можно ли отстаивать свою страну, подспудно разрушая все, на чем она зиждется? И если он, Дмитрий

Быков, победит в этом противостоянии, останется ли Россия – Россией, или это будет совершенно новое утопическое государство?

Учитывая, что Быков активно продвигает идею гражданской войны, нагнетает в обществе страх, напрямую призывает оппозиционеров, устраивающих уличные выступления, продолжать и развивать сопротивление, вместе с этим аккуратно, незаметно, в формате интертекста, как будто бы это и не его мысли вовсе, замечает, что гражданская война прекратится, только если Россия разделится, можно говорить о том, что Россия в современном формате его не устраивает. В его идеальном образе будущего Россия – это культурное государство, с развитой литературой, кинематографом (как в Америке, которую он берет за образец), высоким уровнем политических свобод, лишенное всяческой цензуры, репрессий, карательного аппарата, свергнувшее патриархальную семью. Это страна победившей высшей касты и «русофобии». Страна, объединенная глобальной идеей вроде победы над смертью или покорением Марса. Это, по мнению Быкова, утопический вариант, который было бы неплохо достичь, тем более что есть проблески надежды в настоящем, позволяющие в этой утопии укрепиться, есть надежда на подрастающее поколение, дерзко ведомое Алексеем Навальным. А то, что есть сегодня, – несменяемый и предсказуемый Путин, господство криминализма и инертное рабское население – это Абсурдистан, а не Россия.

Будущее России Захара Прилепина более pragmatically, менее пафосно и сформулировано сначала в кодексе русского человека, который они придумали с актером Иваном Охlobystinym, затем – в программных документах партии «За правду», в итоге – в поправках в Конституцию Российской Федерации, которые были им сформулированы и представлены президенту страны. Оно содержит не только идеалистические представления об общей цели и хорошем образовании, но и политические лозунги, экономические принципы, нравственные и этические постулаты консервативного толка.

Захар Прилепин настойчиво демонстрирует объективность и научную обоснованность своих высказываний, ссылается на источники, апеллирует к разуму массового адресата, призывая его к критическому восприятию любой поступающей информации. Он постоянно подчеркивает, что исторический процесс нельзя упрощать, что любая историческая фигура или историческое событие (война, мятеж, объединение нации) сложны, многогранны, вряд ли постижимы до конца. Его главными инструментами против оппонентов становятся ирония и сарказм по отношению к либералам, доведение до абсурда их высказываний о России, навешивание ярлыков, дискредитирующих оппонентов, и, вместе с этим, попутное срывание таких ярлыков с российских реалий и ценностей. Например, за употребление слова «совок» он предлагает «бить линейкой по губам».

На вооружении Дмитрия Быкова, в свою очередь, стоит весь спектр средств языковой выразительности, негативно-оценочная лексика, манипулятивные тактики воздействия на сознание реципиента и приемы дискредитации того, что он выбирает в качестве мишени. Он мастерски владеет словом и риторическими приемами.

По всему видно, что Быков воюет *против Абсурдистана*, но *за Россию*, однако конструктивная критика общественно-политического строя не видит границ и переходит в огульное, несправедливое, бездоказательное, основанное исключительно на субъективном эмоциональном восприятии унижении и уничтожении русского человека, его ценностей, духовных и нравственных основ, на которых держится российское общество – на разрушение России в целом. Можно предположить, что это такая стратегия – шоковая терапия. Однако в этой гипотезе есть одна лакуна: в текстах Быкова нарушен баланс критики и апологетики, представлена исключительно негативная информация, что может запустить в сознании реципиента необратимый эффект. Он может отказаться не просто от «родинобесия», но и от Родины как таковой; не только увидеть греховную сущность человека, но отказаться от Бога, веры и религии; он может не просто понять опасность тирании, диктатуры, сталинизма, но и

возненавидеть настоящее и прошлое государства, в котором живет; он может возненавидеть идею государства в принципе.

К сожалению, нужно признать, что Дмитрий Быков – это постмодернистский феномен. Заработав репутацию интеллектуала, он сам является гарантом своих слов. Они не требуют никаких доказательств. Смыслы, распространяемые им, зачастую на уровне эмоционального, а не рационального восприятия, тем не менее, позиционируются как истина.

Выстраивая многоуровневые семантические конструкты в попытке «закодировать» реальное послание (хотя есть ли оно?), скрыто презирая свою аудиторию и объясняя это тем, что «свои и так поймут», он выхолащивает смысл, тиражирует все более и более спорные, казуистские выражения, заключенные во все более и более экспрессивную, негативно-оценочную, агрессивную оболочку.

Его публицистика – это хитросплетенная сеть интертекстов и аллюзий, цитат и реминисценций, начиная распутывать которую, читатель приговаривает себя на неудачу, потому что рано или поздно он упирается в неизвестный текст неизвестного автора неизвестного содержания. Общественное мнение считает это начитанностью и эрудированностью, и оспаривать данный факт ни у кого не может возникнуть и мысли. Однако отклонение от явно прецедентных текстов, которые находятся на слуху у массовой аудитории (у массовой аудитории, обратим особое внимание на это, ведь, право слово, согласно всем базовым массмедиийным учениям и Маршала Маклюэна, и Уолтера Липмана, и Пола Лазарсфельда и др., журналист, работающий в СМИ, всегда имеет дело с массовой аудиторией, даже если откровенно презирает большую ее часть), в сторону локальных и узконаправленных текстов авторов, чье художественное, историческое и какое-либо иное значение может вызвать некоторые сомнения, может быть воспринято совсем иначе: не как рациональный вывод, сделанный в ходе изучения непомерно большого количества разных по идеологическому содержанию источников, а как подбор аргументов под существующую

субъективную и предвзятую точку зрения публициста, как подведение аргументативной базы под нужный автору идеологический контекст.

Таким образом, насколько стратегия взаимодействия с адресатом не манипулятивна и справедлива – очередной вопрос, который возникает при детальном лингвистическом, семантическом, стилистическом и контекстуальном анализе.

Сегодня в научной среде можно встретить довольно большое количество работ, посвященных речевым приемам, средствам экспрессивности в текстах Д. Л. Быкова (ряд из них назван в начале 3 параграфа), что позволяет нам сделать вывод о высококлассном владении Быковым риторическими приемами. И тогда возникает очередной вопрос: гарантия правомерности и достоверности, которая позволяет автору выражаться в самой агрессивной речевой форме по отношению к русским ценностям, заработана им на основании знаний или все-таки риторики?

Мы видим это противостояние и на лексико-семантическом уровне на примере слов «*родина*» и «*патриот*», которые являются жизненно важными для русской нации [Сквородников, 2016]. Например, оба автора убеждены, что сегодня патриот – это не тот, кто себя сегодня так называет. Однако, если для Прилепина настоящий патриот – тот, кто готов выйти за защиту родины с оружием, и не деятельностного патриотизма не существует, то для Быкова патриот – это русофоб, человек думающий о Родине, но не обязательно живущий на ее территории.

В основе дискурса Прилепина лежит довольно прозрачное идеологическое противостояние и политическая борьба как борьба за власть, что подтверждается в частности тем, что он создал свою партию. В основе дискурса Быкова – экзистенциальный кризис, возможно – личный, а возможно – целого поколения, которое не находит в этой России ни места себе, ни применения своим талантам.

Таблица 1. Сравнение ЯЛ писателей Д. Быкова и З. Прилепина

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
Идеология	<p>В 2014 году поддержал присоединение Крыма к России. Воевал на Донбассе на стороне ополченцев, поддерживает идею присоединения ДНР и ЛНР к России. Является председателем партии «За правду», которая отличается консервативными, национал-патриотическими взглядами, критикой либерализма, в социально-экономическом плане занимает левые позиции.</p>	<p>Позиционирует себя как антисталинист, политический мыслитель, оппозиционно настроенный к высшей федеральной власти в России и президенту Владимиру Путину. Известен участием в митингах на Болотной площади, на проспекте Сахарова в 2011–2012 гг. и др. В марте 2014 года вместе с рядом других деятелей науки и культуры выразил свое несогласие с политикой российской власти в Крыму.</p>
Лингвостилистическая характеристика текстов	<ul style="list-style-type: none"> - ориентация на знаниевый подход, стремление к непредвзятости и рациональности, аналитическое повествование, опора на достоверность, четкое разделение на факты и мнения; - подчеркнутая научность речи: <ul style="list-style-type: none"> а) точность речи (использование однозначных слов и терминов); б) доказательность речи: привлечение открытых данных, научных исследований, исторических фактов с указанием ссылок на источники информации; в) отвлеченно-обобщенность высказываний (отказ от Я-повествования, использование обобщенно-личных конструкций); г) стремление к полноте изложения, объективности информации и логичность речи; - сила авторского начала и высокая степень персонализации (проявляется в допущении авторского фантазирования, интеграции личного опыта, моделировании гипотетического будущего); - полифоничность авторского начала (включение в текст «голосов» других людей: известных деятелей, 	<ul style="list-style-type: none"> - желание воздействовать на аудиторию скорее эмоционально, чем рационально, эмоциональное и экспрессивное повествование, опора на личный опыт и убеждения, трансляция личного мнения как истины в первой инстанции; - моделирование образа абстрактного нереалистичного будущего; - идеализм, экзистенциальный и онтологический максимализм; - желание сыграть в судьбе страны роль мессии; - активное использование креативного потенциала русского языка: языковые игры, стилистические фигуры, тропы с целью формированию у аудитории устойчивой негативной оценочности; - негативно-оценочные существительные, эпитеты и предикаты; - антитеза, оксюморон.

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
	<p>писателей, политиков, философов не только схожей с ним идеологии, но и оппонентов);</p> <ul style="list-style-type: none"> - реактивность: информационным поводом для публистики становятся уже циркулирующие в обществе мнения оппонентов; - отход от прямой и субъективной оценочности и аксиологической системы «хорошо» – «плохо» к шкале «норма» – «аномальности», правда является аксиологической доминантой публистики; - ярко проявленная эпистемическая и деонтическая субъективная модальность; - модальность уверенности/неуверенности выражена при помощи модальных слов (<i>безусловно, конечно, правда/видимо, возможно, может быть</i>), предикатов (<i>знаю, не знаю, кажется</i>); - в отдельных случаях экспликация неопределенности происходит намеренно, с целью умолчать, недоговорить известное; - модальность долженствования выражается лексемами <i>должен/должны, обязан/обязаны</i> и возникает: <ul style="list-style-type: none"> а) при произнесении речей программирующего характера или оглашении существующего у ЯЛ проекта действий по улучшению ситуации в стране; б) при отрицании вменяемого долженствования (почему мы должны это?); в) лексема <i>обязан</i> носит более патетический характер; 	

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
	<p>- модальность необходимости возникает при констатации необходимости действия, а также как призыв аудитории к интеллектуальной деятельности</p>	
Речевое поведение	<p>В публицистическом дискурсе Захара Прилепина проявлена генеральная стратегия апологетики таких идей, как Русская земля; великий русский народ; Русский мир; Родина; Россия – правопреемница СССР; Россия – правопреемница Российской Империи; Россия – победительница в Великой Отечественной войне; Россия – страна с великой историей, языком и культурой; семья – союз мужчины и женщины, возвращение Крыма в лоно Отечества, защита независимости ДНР и ЛНР, право защищать национальные интересы с оружием в руках; писатель – воин.</p> <p>В основе данной генеральной стратегии лежат контрманipулятивные субстратегии и тактики, направленные на разоблачение идейных и идеологических оппонентов.</p> <p>Ее можно разделить на две субстратегии: субстратегию разоблачения – выведения оппонента на чистую воду и субстратегию утверждения позитивного образа прорусских идей.</p> <p>A. Субстратегия разоблачения оппонента реализуется посредством:</p> <ul style="list-style-type: none"> - тактики прямого обвинения оппонентов во лжи, - тактики постановки риторических вопросов, - тактики срываания с оппонентов масок и вскрытия их манипулятивных целей и намерений, 	<p>Главная стратегия публицистического творчества Дмитрия Быкова – дискредитация России и ее политического строя, действующего правительства и президента страны, русского народа, русской истории и исторических деятелей.</p> <p>Для реализации этой стратегии используются следующие тактики манипулятивного свойства:</p> <ul style="list-style-type: none"> - представление безальтернативного многообразия одинаково отрицательных вариантов; - паралогические приемы моделирования искусственной логичности высказывания посредством вводных слов или последовательности предложений; - позиционирование личного опыта как истины в первой инстанции; - проведение неправомерных аналогий; - навешивание ярлыков; - перечисление нейтральных понятий, включение их в негативно-оценочный однородный ряд; - подмена понятий, а также перекладывание с больной головы на здоровую, что выражается в недостоверном обвинении других в подмене понятий; - запугивание общества, сгущение негативных красок; - бездоказательное обвинение России в фальсификации истории.

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
	<p>- тактики раскрытия манипулятивных приемов оппонентов,</p> <p>- развенчания деструктивных прозападных мифов и ценностей,</p> <p>- тактики навешивания негативно-оценочных ярлыков на идеологических оппонентов,</p> <p>- тактики доведения до абсурда и ироничного мимезиса.</p> <p>Б. Субстратегия утверждения позитивного образа прорусских ценностей реализуется посредством:</p> <ul style="list-style-type: none"> - тактики защиты конструктивных прорусских мифов и ценностей, - тактики «зажепки» за прецедентный, выгодно работающий на формирование позитивного образа России текст, - тактики программирующей номинации и гипотетического моделирования позитивного будущего России, - срывания негативно-оценочных ярлыков. 	
Концептуальная метафора как средство иррационального воздействия на аудиторию	<p>Субсфера «Человек» как источник метафоры</p> <p>1. Физиологическая метафора ПОЛТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – ЭТО ТЕЛО (ОРГАНИЗМ) ЧЕЛОВЕКА:</p> <p><u>Фрейм «Физиологические процессы»:</u></p> <p>Развал СССР – это убийство (насильственная смерть). Действия либеральной оппозиции – мазохизм, зуд, расчесывание до струпьев, уничтожение естества.</p> <p><u>Фрейм «Физиологические органы»:</u></p> <p>Бог – позвоночник вселенной. У либералов маленькие и тонкие ручки, они играют на публику лицом, которое сломается, если они скажут что-либо позитивное про Россию.</p>	<p>1. Морбидальная метафора ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В РОССИИ – ЭТО БОЛЕЗНЬ:</p> <p><u>Фрейм «Причины болезни»:</u> Тоталитарный режим, политические деятели (И.В. Сталин и В.В. Путин) – это вирус.</p> <p><u>Фрейм «Излечение»:</u> Естественная выработка антител.</p> <p>2. Морбидальная метафора РОССИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ:</p> <p><u>Фрейм «Симптомы болезни»:</u> постимперские судороги, паралич, вывих.</p>

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
	<p>2. Развернутая метафорическая модель ЕВРОПЕИЗАЦИЯ УКРАИНЫ – ЭТО ПРОДАЖА НА ОРГАНЫ:</p> <p>Украина – живой организм. Леса, поля, реки – органы живого организма. Европеизация – криминальный процесс, самоубийственный для страны.</p>	<p>3. Сексуальная метафора ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СЕКС:</p> <p><u>Фрейм «Сексуальное удовольствие»:</u> Мотивация для любых политических действий, связанных с одобрением и поддержкой действующей власти – желание «быть насаженным» и получить оргазм.</p> <p><u>Фрейм «Сексуальное самоудовлетворение»:</u> Гражданская война – это мастурбация.</p> <p><u>Фрейм «Неспособность к сексуальной жизни»:</u> Отсутствие гражданской позиции и непротивление действующей власти – импотенция.</p>
Субсфера «Социум» как источник политической метафоры		
	<p>1. Милитарная метафора ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО АРМИЯ</p>	<p>1. Милитарная метафора РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА</p> <p>2. Криминальная метафора СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО</p>
	Окказиональные метафорические модели	
	<p>ПРЕЗИДЕНТ СТРАНЫ – НАЕМНЫЙ РАБОТНИК/ МАСТЕР.</p>	<p>1. МИР – КОТ ШРЕДИНГЕРА. 2. ЧЕЛОВЕК – КВАНТОВЫЙ КОМПЬЮТЕР. 3. НЕНАВИСТЬ РУССКИХ К ДРУГИМ – СПАСЕНИЕ ОТ ДЕМЕНТОРОВ. 4. РОССИЯ – ЭТО ГОМОРРА.</p>
Лексико-семантические	<p style="text-align: center;">Родина</p> <p>Патетическое отношение к Родине; Родина – часть человека, а человек – часть родины;</p>	
	<p>Критично-ироническое отношение к Родине;</p>	

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
особенности	<p>Родина – абсолют, существует как бы над всеми, прегрешения конкретных жителей или представителей власти не пятнают величественность Родины;</p> <p>Служение отечеству и долг перед Родиной – дело чести каждого человека;</p> <p>Родина, как мать, безупречна, ее нужно любить просто потому, что она есть;</p> <p>интересы родины и государства неразрывно связаны;</p> <p>понятие «Родина» затерто либералами и западниками.</p>	<p>Родина – это дискретное понятие (Родина – отдельно, государство – отдельно);</p> <p>Родина – это выбор человека, а не данность;</p> <p>Родину можно сравнить с женой, потому что это рациональный выбор. В концепции «Родина – это мать» Быков придерживается мнения, что, как и матери, кто-то может испытывать любовь, как обременительную обязанность, кто-то – зависеть от нее. Кто-то – жалеть;</p> <p>Родина императивна, она диктует правила и накладывает обязательства, но не предлагает ничего взамен;</p> <p>понятие «Родина» затерто патриотами и пропагандистами, превратившими любовь к Родине в «родинобесие».</p>
Патриот и патриотизм		
	<p>Патриот – это не тот, кто себя сегодня так называет;</p> <p>настоящий патриот – тот, кто готов выйти за защиту Родины с оружием;</p> <p>не деятельностиного патриотизма не существует.</p>	<p>Патриот – это не тот, кто себя сегодня так называет;</p> <p>настоящий патриот – это русофоб, находящийся в оппозиции к действующей власти;</p> <p>патриот – это человек, думающий о Родине, но не обязательно живущий на ее территории.</p>
Отношени е к адресату	<ul style="list-style-type: none"> - массовая аудитория разделена на категории: это может быть и сотоварищ по идеологии, представитель великого русского народа, которым пытаются манипулировать враги; и антироссийский либерал; и представитель действующей власти; - субъект-субъектные отношения с аудиторией; - мотивация адресата к активному размышлению и знаниевому освоению действительности; - предоставление возможности самостоятельно выносить оценочные суждения, верить выносимой на обозрение информации; 	<ul style="list-style-type: none"> - субъект-объектные отношения; автор – источник истины, познавший смысл всего; аудитория – реципиент; - массовая аудитория разделена на две категории: умные и интеллигентные люди, способные понять, о чем говорит Быков, и глупые люди, агрессивные и настроенные против писателя, потому что не способны осознать всего, о чем он говорит. - с первой категорией читателей автор «заигрывает»; - ко второй категории относится, скорее, презрительно.

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
	<p>- при обращении к власти или либеральной элите – призыв прекратить врать и манипулировать, ориентироваться на известную правду.</p>	
Дихотомия «свой» – «чужой»	<p>A. «СВОИ»: Русские небесные люди</p> <ul style="list-style-type: none"> - весь русский народ – все русское, «прорусское», русскоговорящее население; - исторически сложившаяся общность людей, проживающих на исконной русской земле, говорящих на русском языке считающих себя русскими; - родня, сестры, братья; - внесистемные, дикие – первобытные, нетронутые тлетворностью демократических ценностей; - не либералы; - отличаются щедростью и широтой души; - интеллигентные и умные; - патриоты в исконном смысле слова; - едины по духу и вере в Бога и имеют прообраз небесного русского человека. <p>Б. «ЧУЖИЕ»: ненавистники всего русского</p> <ul style="list-style-type: none"> - ненавидят русский народ, русскую историю, русский язык; - западники, буржуа, оппозиционеры, олигархи, имена из списка Форбс, а также российская либеральная элита; - филиал антироссийских сил Запада внутри страны; - отличаются русофобией и социальным расизмом; - близки к иностранным агентам, желающим нанести России урон; - выступают против России, желают ей катастрофы, хаоса, болеют за поражение русских во всех сферах; 	<p>На уровне моделирования гипотетической реальности:</p> <p>A. «СВОИ»: люди и элои</p> <ul style="list-style-type: none"> - интеллигенция; - их интересы: знания, наука, творчество; - сверхлюди, способные грандиозно изменить мир к лучшему; - бессильны и рафинированы, вынуждены скрываться; - отличает постоянная эволюция; - ратуют за развитие. <p>Б. «ЧУЖИЕ»: люди и морлоки</p> <ul style="list-style-type: none"> - народ, безмозглый пролетариат; - их интересы: зло и агрессия; - человекиник, не справляющийся с грузом моральной ответственности - сильные, грубые, но глупые; - отличает постепенная деградация; - выступают за традиции. <p>На уровне реальности:</p> <ul style="list-style-type: none"> - категория «свой» в дискурсе выражена слабо. Творчество Быкова индивидуально и, можно даже сказать, эгоцентрично. Он всегда выступает с позиций своего яркого авторского «Я» (я знаю, я думаю, мне кажется, классово он мне никак не близок, мне это все глубоко отвратительно и т.д.), очерчивает свое мировидение. - «Чужими» же для него становятся сразу все: выступая за оппозиционность к власти, он критикует действующих в стране оппозиционеров; будучи участником многих либеральных акций, он, вместе с этим, критикует либерализм как идеологию; считает себя патриотом, вместе с тем

Основание для сравнения	Захар Прилепин	Дмитрий Быков
	<ul style="list-style-type: none"> - маскируют стремление к капитуляции России на мировой арене под пацифизм; - инфантильны, наивны и глупы, по сути своей они как дети; - эмоциональные, крикливы, шумные, истеричные; - никогда не признают ошибок и «неубиваемы» в своей неправоте; - основная стратегия поведения «чужих» – пора валить из Раши; - выродки; - выступают против присоединения Крыма. 	приравнивая патриотизм к русофобии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование имеет междисциплинарный характер и лежит на пересечении таких лингвистических дисциплин, как лингвоперсонология, политическая лингвистика, лингвистика ИПВ. Интеграция методик данных направлений русистики позволяет углубиться в вопрос, кто же он – актор ИПВ? Каковы его когнитивные, вербальные и мотивационные особенности?

Исследование показывает, что рассмотрение ЯЛ писателя в качестве актора ИПВ и включение ее в круг интересов лингвополитической персонологии представляется перспективным, во-первых, в силу существующего вокруг писателя ореола доверия со стороны общества, во-вторых, из-за уровня его профессиональной языковой компетенции.

Так, в отличие от, например, политиков и журналистов, писатель, распространяющий какие-либо идеи относительно социального и политического устройства, воспринимается адресатом менее критично, потому что он, как кажется, не имеет никаких обязательств перед той или иной идеологической доктриной и рассуждает, исходя из личного опыта, знаний и убеждений. В то же время писатель обладает креативным потенциалом, мастерски оперирует всеми доступными средствами языка, что помогает ему достичь коммуникативных целей, добиться нужных pragматических эффектов, иметь влияние на массового адресата, вести за собой людей.

В этом смысле идеологические убеждения становятся значимыми для анализа языковой личности писателя. Идеология задает семантический лейтмотив авторскому дискурсу в целом, в соответствии с ней языковая личность осуществляет отбор лингвистических средств, трансформирует семантику употребляемых языковых единиц, подбирает источники, интертексты и прецедентные тексты, опираясь и ссылаясь на которые строит свою аргументативную базу.

В рамках настоящей диссертации это явление получило название «идеологический ключ». Зачастую включение идеологического происходит неосознанно, в дискурсе оно существует неявно, воспринимается как автором, так и адресатом сообщения как само собой разумеющееся. Так, в ходе анализа двух находящихся в идеологической оппозиции друг другу писателей Д. Быкова и З. Прилепина было обнаружено, что, оперируя одними и теми же лексемами, они наделяют их разным, подчас диаметрально противоположным, значением, или наоборот, говоря об одном денотате, называют его разными именами. Это провоцирует эскалацию внутрироссийского-информационно-политического противостояния и затрудняет поиск консенсуса между противоборствующими сторонами. Поэтому при анализе идеологического ключа текста особое внимание уделяется вербально-семантическому уровню языковой личности.

Таким образом, идеологический ключ представляется перспективным компонентом комплексного анализа языковой личности, особенно в рамках лингвистического изучения информационно-психологических войн, в том числе внутрироссийских, когда, казалось бы, на эксплицитном уровне оба актора ИПВ выступают за Россию. Он способен вскрыть глубинные противоречия, уходящие корнями в идеологию и выраженные в языке.

В перспективе данное исследование можно продолжить и углубить выводы, взяв в фокус внимания художественный дискурс писателей Д. Быкова и З. Прилепина. Кроме этого, можно расширить область исследования и рассмотреть как публицистический, так и художественный дискурс других авторов, чтобы сравнить итоги с уже полученными результатами. Анализ ЯЛ в аспекте информационно-политического противостояния как акторов ИПВ поможет увидеть то, как отражается идеология в зеркале языковой личности, которая, действуя в соответствии со своими убеждениями, волей или неволей становится участником информационного противоборства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. 910 с.
2. Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке. 2000. С. 437–452.
3. Балашова Л.В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика 1 (47). 2014. С. 40–50.
4. Барт Р. Основы семиологии. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 247–310.
5. Баранов Е.Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание [Электронный ресурс]. // Национальный психологический журнал. 2017. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-suschnost-i-psihologicheskoe-soderzhanie> (дата обращения: 02.05.2020).
6. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск, 2011. 470 с.
7. Башкова И.В. Теоретические обоснования русской семантической персонологии: объект и метод: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2018. 494 с.
8. Бернацкая А.А. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» или «за» России? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. Вып. 1. С. 212–238.
9. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980. 61 с.
10. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. Л., 1984. 31 с.
11. Болдырев Н.Н. Категории как форма презентаций знаний в языке [Электронный ресурс]. // Концептуальное пространство языка: Сб. науч.

тр. к юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005. URL: <https://docplayer.ru/27701817-Kategorii-kak-forma-reprezentacii-znaniy-v-yazyke.html> (дата обращения: 03.12.2019).

12. Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке [Электронный ресурс]. // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. 2005. URL: <https://docplayer.ru/40534347-N-n-boldyrev-tgu-im-g-r-derzhavina-modusnye-kategorii-v-yazyke.html> (дата обращения: 03.11.2019).

13. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2 (008). С. 5–22.

14. Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 2015. 405 с.

15. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Спб., 2014. 1534 с.

16. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 133 с.

17. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил, 2011. 330 с.

18. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008. 248 с.

19. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006. 215 с.

20. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Становление и эволюция политической зарубежной лингвистики. Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 75–94

21. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие [Электронный ресурс]. // Мир русского слова. Вып. 2. 2012. С. 42–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovesnye-yarlyki-kak-leksiko-semanticheskoe-i-lingvoekologicheskoe-ponyatie> (дата обращения 14.04.2020).

22. Бурдье П. О производстве и воспроизведстве легитимного языка // Отечественные записки. Вып. 2. 2005. с. 146–174.
23. Бурсевич В.В. Язык и идеология: проблема взаимодействия // Международная научная конференция «Дни науки философского факультета – 2015». Ч. 3. / редкол.: А.Э. Конверский. К.: Киевский университет, 2015. С. 8–11.
24. Василенко И.А. Политическая философия: учеб.пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2010. 320 с.
25. Волковский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: исторические истоки и современные тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2003. 641 с.
26. Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М.: Воениздат, 1983. 288 с.
27. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. С. 193
28. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. Политические исследования. Вып. 3. 2004. С. 127–139.
29. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. СПб: СПбГУ, 2002. Вып.3. С.88–108.
30. Гаджиев К.С. Политическая наука: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1995. 400 с.
31. Голев Н.Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул, 2007. С. 7–12.
32. Голев Н.Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка // Филология: XXI век. (Теория и методика преподавания). Барнаул, 2004. С. 4–9.

33. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
34. Дубровина С.Ю. Родство по духу: культурно-языковая перспектива. Категория родства в языке и культуре [Электронный ресурс]. М., 2009. С. 92–102. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/dubrovina-09.htm> (дата обращения 14.04.2019).
35. Евдокимова Т.М. Оценочность современного сатирического текста (на примере памфлета Дмитрия Быкова «Правоправила») // Вестник Московского государственного университета печати. 2015. С. 320–326.
36. Ермакова Е.С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php>--gn12-02/403-a> (дата обращения: 01.10.2018).
37. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык [Электронный ресурс] URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 14.04.2019).
38. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс]. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-zaliznyak-i-b-levontina-a-d-shmelev-klyuchevye-idei-russkoj> (дата обращения 04.05.2020).
39. Зекрист Р.И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 35 (289). 2012. С. 66–72.
40. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. 158 с.
41. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного ун-та. Вып. 4 (12). 2010. С. 24–32.

42. Ильина С.А. «...я не вижу никакой разницы между Крымом и Соловками»: тема Крыма в романе З. Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып 12 – 3 (54). С. 78–80.
43. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 2. С. 32–137.
44. Карамова А.А. Идеологемы: определение понятия и типология [Электронный ресурс]. // Современные проблемы науки и образования. 2015. Вып. 2 (часть 1). URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (дата обращения: 28.04.2020).
45. Карамова А.А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса [Электронный ресурс]. // Политическая лингвистика. 2014. №2. С.97–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-ideologichnosti-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 28.04.2020).
46. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции (Социально-политические технологии). 3-е изд. М.: Академический проект, 2015. 358 с.
47. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015. 464 с.
48. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
49. Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Языковая коммуникация и социальная среда. 2007. Вып. 7. С. 78–86.
50. Карапулов Ю.Л. Русский язык и языковая личность. М, 1989. 262 с.
51. Карапулов Ю.Л. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Электронный ресурс]. 1989. URL: http://destructioen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 14.09.2019)
52. Катенева И. Г. Способы самопрезентации в публицистических текстах Дмитрия Быкова (на материале «Новой газеты») // Вестник

Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. №5(21). С. 183–191.

53. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник. М: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

54. Копнина Г.А., Сковородников А.П. Лингвистика информационно–психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 1 (55). С. 42–50.

55. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта; Наука, 2007. 176 с.

56. Корбина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2 (008). С. 90–99.

57. Красных В.В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с

58. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 448 с.

59. Кудряшов И.А., Калашникова А.А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 1 (17). 2015. С. 24–31.

60. Лингвистика информационно-психологической войны / А.А. Бернацкая [и др.]; отв. ред. А.П. Сковородников. Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 340 с.

61. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 17.04.2019).

62. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

63. Лутовина О.В. Становление понятия «Языковая личность»: от «языка в человеке» до «человека в языке» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 1 (114). С. 82–89.
64. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 32–40.
65. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
66. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
67. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Политические исследования. Вып. 1. 1992. С. 130–143.
68. Минералова И.Г. Захар Прилепин: стиль художника и национальный мир // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Национальный стиль русской литературной классики» / редкол.: Г.И. Романова, С.А. Макарова. Отв. ред. С.А. Васильев. 2017. С. 82–89.
69. Михальченко И.А. Информационные войны и конфликты идеологий в условиях геополитических изменений конца XX века: дис. ... канд. полит. наук. Спб., 1998.
70. Мусихин Г. И. Идеология и история // Общественные науки и современность, Вып. 1. 2012. С.134-146.
71. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 288 с.
72. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. научн. трудов. М., 1996. С. 112–116.
73. Никифорова М.В., Чудинов А.П. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методики анализа // актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 1. 2017. С. 22–29.

74. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения 25.04.2020).
75. Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 187–198.
76. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
77. Политология. Словарь. Коновалов В.Н. М: РГУ, 2010 [Электронный ресурс] URL: <http://endic.ru/polytology/Imperija-2934.html> (Дата обращения: 12.03.2020).
78. Радионова А.В. Средства языковой выразительности в публицистических эссе «Философические письма» Дмитрия Быкова // Вестник ВГУ. Серия: филология. журналистика. 2016. № 3 С. 144–147
79. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 496 с.
80. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. Урал. гос. пед. ун-т.: Екатеринбург, 2004. С. 294.
81. Русский семантический словарь. Т. 3 [Электронный ресурс]. // Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. / под. ред. Ю.Н. Шведовой. М., 2003. URL: <http://www.slovarti.ru/> (дата обращения 23.04.2020).
82. Русский язык. Энциклопедия / под. ред. Ю.Н. Карапурова. М.: Дрофа, 1997. 703 с.
83. Сергеев Ф.П. Из истории взаимоотношений идеологии и языка [Электронный ресурс]. // Известия ВГПУ. 2012. №11. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-vzaimootnosheniy-ideologii-i-yazyka>
(дата обращения: 28.04.2020).

84. Синельникова Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 41–47.

85. Сковородников А.П. Копнина Г.А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе [Электронный ресурс]. // Русская речь. Вып. 1. 2019. С. 44–57. URL: <https://ras.jes.su/rusrech/s013161170003954-8-1> (дата обращения 14.04.2019).

86. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 292 с.

87. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи: монография. 2-е изд. Берлин: Директ–Медиа, 2015. 239 с.

88. Суворов А.А. Русский литературный процесс XXI века: Захар Прилепин и Татьяна Толстая на «принге» Facebook // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 98–107.

89. Сытько А.В. К вопросу об определении статуса деонтической модальности [Электронный ресурс]. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Вып. 4 (109). 2018. С. 149–155. URL: <http://elib.gsu.by/bitstream/123456789/6069/1/27%20%D0%A1%D1%8B%D1%82%D1%8C%D0%BA%D0%BE%20%28149-155%29.pdf> (дата обращения 14.04.2019).

90. Сытько А.В. Понятийное содержание воли в деонтической семантике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. 2019. С. 15–21.

91. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] [Электронный ресурс]. / под ред. В.И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения 24.04.2020).

92. Толковый словарь русского языка: [в 4 т.] [Электронный ресурс]. / под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 24.04.2020).
93. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. Вып. 3. 1990. С. 84–118.
94. Цуциева М.Г. Адаптивность языковой личности политика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, Вып. 4. С. 197–201.
95. Цыбаков Д.Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. Вып. 2. С. 129–132.
96. Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей / под ред. Б.Я. Шарифуллина, А.П. Сквородникова, И.В. Евсеевой, Т.А. Бахор. Т. 9. Красноярск: Изд-во СФУ, 2018. 409 с.
97. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник РУДН. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 14–31.
98. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М., 2013. 256 с.
99. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
100. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). [Электронный ресурс]. Екб., 2001. 238 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/132622929.pdf>. (дата обращения 14.04.2019).
101. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
102. Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. Вып. 4. 2009. С. 14–21.

103. Шмелева Т.В. Медийное речеведение: сборник статей [Электронный ресурс]. Спб., 2012. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394527055_0816.pdf (дата обращения 14.04.2020).

104. Щеникова Е.В., Вологина Е.В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 249–256.

105. Эпштейн М.Н. Перезагрузка языка // Живой журнал. 26.12.2009. URL: <https://mikhail-epstein.livejournal.com/55147.html> (дата обращения: 12.04.2020).

106. Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://lib3.sfu-kras.ru/ft/lib2/elib/b81/i-163305.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).

107. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М: Языки славянских культур, 2006. 912 с.

108. Языковая личность и лингвистические интерпретации / А.Г. Бердникова [и др.]. Новосибирск: СибАК, 2015. 108 с.

109. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград, 2000. 228 с.

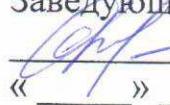
110. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / Мельник Н.В. [и др.]. Ч. 2. М.: Ленард, 2015. 432 с.

111. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / Голев Н.Д. [и др.]; отв. ред. Н.Н. Шпильная. Ч. 1. М.: Ленард, 2014. 640 с.

112. Языковая личность: проблемы креативной семантики: сб. науч. тр. к 70-летию д-ра филол. наук, проф. И.В. Сентенберг / отв. ред. В.И. Карасик [и др.]. Волгоград: Перемена, 2000. 214 с.

113. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцева. М., Барнаул, 2004. 344 с.
114. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. 2-е. изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 687 с.
115. Edwards J. Language and Identity: An introduction. Cambridge, 2009. 310 p.
116. Hayakawa S. I. General Semantics and The Cold War Mentality [Электронный ресурс]. // A Review of General Semantics // A Review of General Semantics. 1964. Vol. 21, No. 4, P. 417–424. URL: <https://www.jstor.org/stable/42574060> (дата обращения 14.04.2019).
117. Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. Pantheon Books, 1988.
118. Lukin A., War and Its Ideologies // Singapore: M.A.K. Halliday Library Functional Linguistics, 2019. 283 p.
119. Malesevic S. Forms of brutality: towards a historical sociology of violence // European J. of social theory. 2013. Vol. 3. P. 274–286
120. Minar D. Ideology and Political Behavior // Midwest Journal of Political Science. 1961. Vol. 5. pp. 317-331
121. Stamenkovic D., Ichien N., Holyoak K. J. Metaphor comprehension: An individual-differences approach // Journal of Memory and Language. 2019. Vol. 105. P. 108–118.
122. Verschueren J. Ideology in language use: pragmatic guidelines for, empirical research. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 377 p.

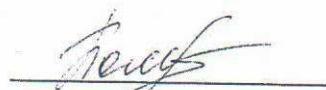
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
 И.В. Евсеева
«10 » 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В АСПЕКТЕ
ВНУТРИРОССИЙСКОГО
ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

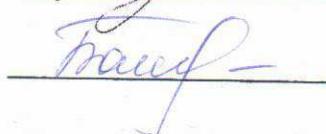
45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант

Л.О. Полежаева

Научный руководитель

докт. филол. наук,
профессор
И.В. Башкова

Красноярск 2020

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ Башковой Ирины Венадьевны
на магистерскую диссертацию студента направления 45.04.01 Филология, 45.04.01.01
Русский язык ИФиЯК СФУ Полежаевой Любови Олеговны
на тему «Языковая личность писателя в аспекте внутрироссийского информационно-политического противостояния (на примере публицистических текстов Дмитрия Быкова и Захара Прилепина)»

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		высокий	средний	низкий	отсутствует
1.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
2.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения	+			
4.	Количество и качество анализа языкового материала / качество анализа литературного материала	+			
5.	Степень оригинальности работы (отсутствие неправомерных заимствований)	+			
6.	Ответственность в отношении к работе	+			
7.	Соблюдение графика выполнения магистерской диссертации	+			
8.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок		+		

Комментарии научного руководителя

За время работы над магистерской диссертацией Любовь Олеговна Полежаева проявила себя как талантливый исследователь, способный с высокой степенью самостоятельности решать сложные научные задачи. Магистрант умеет сконцентрироваться и в сжатые сроки выполнить большой объем работы и, что очень важно, обладает способностью писать понятные, убедительные научные тексты.

В большинстве работ, посвященных лингвистике информационно-психологической войны, рассматривается только одна атакующая сторона, как правило, сторона противника. В работе Л.О. Полежаевой проводится анализ двух противоборствующих сторон: языковых личностей Захара Прилепина и Дмитрия Быкова – известных писателей, по-разному оценивающих российскую историю и современную Россию в своих устных выступлениях и письменных публицистических текстах. В результате сопоставительного анализа в магистерской диссертации делаются убедительные выводы о речевом поведении и особенностях публицистического языка этих писателей.

Я высоко оцениваю уровень научной рефлексии магистранта: разработанное в диссертации понятие идеологического ключа, на мой взгляд, обладает большой объяснительной силой.

Итоговая оценка научного руководителя

отлично

Д-р филол. наук, проф. каф.
русского языка и речевой
коммуникации ИФиЯК СФУ

Ирина Венадьевна Башкова

ОТЗЫВ РЕЦЕНЗЕНТА

кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и методики преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Гладилиной Галины Леонидовны

на магистерскую диссертацию студента направления 45.04.01 Филология, 45.04.01.01 Русский язык ИФИЯК СФУ Полежаевой Любови Олеговны

на тему «Языковая личность писателя в аспекте внутрироссийского информационно-политического противостояния (на примере публицистических текстов Дмитрия Быкова и Захара Прилепина)»

№	Параметры оценивания	Оценка			
		отлично	хорошо	удовл.	неудовл.
1.	Новизна и актуальность исследования	+			
2.	Лингвистические методы удовлетворяют задачам исследования	+			
3.	Выводы соответствуют поставленной цели исследования	+			
4.	Соответствие теоретической части практическим задачам исследования	+			
5.	Убедительность аргументации и критический анализ	+			
6.	Качество оформления магистерской диссертации и демонстрационных материалов (при наличии)		+		
7.	Объём текстовой части	+			
8.	Количество и оформление библиографических источников (не менее 60 единиц)	+			
9.	Теоретическое значение и практическая ценность работы	+			

Комментарий рецензента

Новизна рецензируемого исследования связана с тем, что оно выполнено на стыке актуальных для языкознания XXI века направлений: лингвоперсонологии, политической лингвистики и лингвистики информационно-психологической войны. В работе представлен оригинальный опыт сопоставления двух языковых личностей современных российских писателей, придерживающихся разных политических взглядов: Дмитрия Быкова и Захара Прилепина, что делает исследование объективным и интересным. Предложенное автором понятие идеологического ключа позволяет выявить имплицитно присутствующие в тексте смыслы. Магистрантом собран и скрупулезно, многоаспектно проанализирован обширный языковой материал, отражающий непростую политическую обстановку в России.

Положительным моментом диссертации является глубокий анализ научной литературы, в том числе и зарубежной.

Особо отмечу точный и выразительный язык диссертационного исследования.

Хотелось бы задать автору магистерской диссертации несколько вопросов:

1. Как соотносятся понятия «информационно-психологическая война» и «информационно-политическое противостояние»? Почему в названии диссертации не

использовано первое из этих понятий?

2. Могут ли быть какие-либо речевые действия одновременно манипулятивными и контрманипулятивными? Не манипулирует ли автор сознанием читателя, когда, разоблачая манипуляции политических оппонентов, предлагает собственную точку зрения?

3. Почему в диссертационной работе уделено мало внимания существующим многочисленным исследованиям о творчестве Дмитрия Быкова и Захара Прилепина?

Заданные вопросы не снижают впечатления от работы, проделанной магистрантом, который проявил себя как состоявшийся глубокий исследователь и заслуживает самой высокой оценки.

Итоговая оценка рецензента	Отлично
-----------------------------------	----------------

Канд. филол. наук, доцент каф. РЯиМП
КГПУ им. В.П. Астафьева
Гладилина Г.Л.

АННОТАЦИЯ

Тема магистерской диссертации – «Языковая личность писателя в аспекте информационно-политического противостояния на примере публицистических текстов Дмитрия Быкова и Захара Прилепина». Диссертация представлена в объеме 205 страниц, содержит введение, 2 главы, список использованной литературы, состоящий из 122 источников.

Ключевые слова: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА, ДМИТРИЙ БЫКОВ, ЗАХАР ПРИЛЕПИН, ИДЕОЛОГЧЕСКИЙ КЛЮЧ

Цель: выявить лингвистические средства ведения ИПВ, которые используют Захар Прилепин и Дмитрий Быков, реконструировать языковые личности писателей.

Задачи: обосновать необходимость учета при анализе языковой личности такой категории семантики, как «идеологический ключ»; проанализировать языковые личности писателей З. Прилепина и Д. Быкова и реконструировать их и сравнить их; определить роль ЯЛ писателей в формировании внутрироссийского информационно-политического противостояния.

Практическая значимость: результаты и выводы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе филологов, журналистов, политологов, социологов, специалистов в области ИПВ. Более того, материал исследования может быть использован для противодействия информационно-психологическому противостоянию.

Основные выводы и результаты исследования:

1. Публицистический дискурс З. Прилепина отличает стремление к рациональности, аналитическое повествование, разделение фактов и мнений. Д. Быкова отличает желание воздействовать на аудиторию эмоционально, экспрессивное повествование, трансляция личного мнения как истины, моделирование образа нереалистичного будущего; идеализм;

2. В дискурсе З. Прилепина проявлена генеральная стратегия апологетики таких идей, как Русская земля, великий русский народ, Русский мир и др. В основе данной генеральной стратегии лежат контрманipулятивные субстратегии и тактики. Главная стратегия творчества Д. Быкова – дискредитация России и ее политического строя, действующего правительства и президента, русского народа. Для реализации этой стратегии используются тактики манипулятивного свойства;

3. Концептуальная метафора становится эффективным инструментом иррационального воздействия на адресата в творчестве обоих писателей.

4. З. Прилепин демонстрирует патетическое отношение к Родине, для него служение отечеству – дело чести каждого человека; Настоящий патриот готов выйти за защиту Родины с оружием; Д. Быков демонстрирует критично-ироническое отношение к родине, это выбор человека, а не данность, понятие «родина» затерто пропагандистами, превратившими любовь к Родине в «родинобесие». Настоящий патриот – это русофоб, находящийся в оппозиции к действующей власти.

5. Дихотомия «свой» – «чужой»: в творчестве З. Прилепина «свои» – Русские небесные люди, родня; «чужие» – ненавистники всего русского, выродки. В творчестве Д. Быкова: «свои» – людены и элои, интеллигенция; «чужие» – люди и морлоки, простой народ, «безмозглый» пролетариат;

6. Писатели находятся в состоянии конфронтации друг с другом; Идеологический ключ может выступить продуктивным критерием анализа ЯЛ. Анализ идеологического ключа текстов ЯЛ позволяет проследить, как идеология влияет на ценностное восприятие ЯЛ и как это выражается в ее языке.

Перспектива дальнейшего исследования: данное исследование можно продолжить и углубить выводы, взяв в фокус внимания художественный дискурс Д. Быкова и З. Прилепина. Кроме этого, можно расширить область исследования и рассмотреть как публицистический, так и художественный дискурс других писателей.